

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**
РАНХИГС ХАБАРОВСК

ISSN 1818-4049
(print)

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

В. В. СОЛОДОВ

Прикладные аспекты преодоления экзогенных кризисов
в изолированных экономических системах
(на примере экономики Камчатского края)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Д. А. ИЗOTOB

Россия и Китай: текущие проблемы торговых взаимодействий
и долгосрочные перспективы сближения экономик

СОЦИОЛОГИЯ

Н. М. БАЙКОВ, К. И. СПЕКА

Дополнительное образование детей Хабаровского края
в социологическом измерении

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

И. А. СУХАHOB

Модели кооперации в Восточной Азии на примере Японии

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ХАБАРОВСК

№3
(104)
2023

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2023 г. № 3 (104)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

научный журнал
2023 г. № 3 (104)

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: А. И. Медведев

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)
Ю. В. Березутский, к.с.н., доцент (Россия)
Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)
И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)
Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)
С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)
Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)
А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)
Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)
О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)
О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)
А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)
О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)
С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)
Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)
Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)
Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)
Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр. (Китай)
Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

**POWER AND
ADMINISTRATION
IN THE EAST
OF RUSSIA**

**scientific journal
2023, no. 3 (104)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: A. I. Medvedev

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscommnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

Yu. V. Berezutskiy, Candidate of Sociology, Associate Professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)

I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)

Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyannpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Солодов В. В.	Прикладные аспекты преодоления экзогенных кризисов в изолированных экономических системах (на примере экономики Камчатского края)	8
Краснопольский Б. Х.	Северо-арктические геостратегические территории Дальнего Востока: пространственно-хозяйственные и институциональные преобразования	18
Веприкова Е. Б. Кисленок А. А.	Пространственное развитие Дальневосточного макрорегиона: роль городов	32
Дьяченко В. Н.	Демографические процессы в системе расселения северных районов Дальнего Востока (на материалах Амурской области)	47
Иванова С. Н. Тулохонов А. К.	Занятость как показатель устойчивого развития сельских территорий в регионе Дальнего Востока с особым режимом природопользования (на примере Республики Бурятия)	62

Теория и практика экономики и управления

Изотов Д. А.	Россия и Китай: текущие проблемы торговых взаимодействий и долгосрочные перспективы сближения экономик	70
Мазанкова Т. В.	Услуги торговли и питания в методиках оценки качества жизни	88

Социология

Байков Н. М. Спека К. И.	Дополнительное образование детей Хабаровского края в социологическом измерении	102
Гареева И. А.	Изменение стратегий поведения населения в отношении здоровья в условиях пандемии COVID-19	118
Башкуева Е. Ю.	Информатизация здравоохранения Республики Бурятия: проблемы и перспективы	128
Шишков В. В.	Государственная политика Российской Федерации по привлечению иностранных студентов 2008–2021 гг.	137

Представляю к защите

Суханов И. А.	Модели кооперации в Восточной Азии на примере Японии	147
Фраймович С. А.	Внедрение новых технологий в процесс хранения нефтепродуктов – объективная необходимость экономической эффективности их использования и охраны окружающей среды	156

CONTENTS

The Far East: strategies and development models

- Solodov V. V. Applied aspects of overcoming exogenous crises in the isolated economic systems (on example of the Kamchatka territory economy) 8
- Krasnopolski B. H. The North-Arctic geostrategic territories of the Far East: spatial, economic and institutional transformations 18
- Veprikova E. B. Spatial development of the Far-Eastern macro-region: the role of cities 32
Kislenok A. A.
- Dyachenko V. N. Demographic processes in the settlement system of the northern regions of the Far East (based on materials from the Amur Region) 47
- Ivanova S. N. Employment as an indicator of sustainable development of rural areas in the Far-Eastern region with a special nature management regime (on the example of Republic of Buryatia) 62
Tulokhonov A. K.

Theory and practice of economics and management

- Izotov D. A. Russia and China: current problems of trade interactions and the long-term prospects for economic cooperation 70
- Mazankova T. V. Trade and food services in the methods for assessing quality of life 88

Sociology

- Baykov N. M.
Speka K. I. Sociological dimension of supplementary education for children of the Khabarovsk territory 102
- Gareeva I. A. Changing population health behavior strategies during the COVID-19 pandemic 118
- Bashkueva E. Yu. Informatization of health care system in the Republic of Buryatia: problems and prospects 128
- Shishkov V. V. State Policy of the Russian Federation on attracting foreign students of 2008–2021 137

Post-Graduate Research

- Sukhanov I. A. Cooperation models in the Eastern Asia (on the example of Japan) 147
- Fraimovich S. A. In the process of storing petroleum products – an objective necessity of economic efficiency of their using and environmental protection 156

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 330.33.01 (571.66)
doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-8-17

Прикладные аспекты преодоления экзогенных кризисов в изолированных экономических системах (на примере экономики Камчатского края)

Владимир Викторович Солодов

Департамент политики и управления факультета социальных наук НИУ ВШЭ,
Москва, Россия
vsolodov@hse.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности протекания экономических кризисов, вызванных экзогенными факторами, в изолированных региональных экономических системах. Проведен анализ социально-экономической ситуации в Камчатском крае по итогам 2022 г. в условиях санкционного давления со стороны недружественных стран. Выявлены особенности и факторы экономического кризиса 2022 г., их влияние на региональную экономическую систему. Представлены результаты реализации антикризисных мер в Камчатском крае и их влияние на показатели социально-экономического развития. Определены стратегические приоритеты развития экономики региона на период до 2035 г.

Ключевые слова: региональная экономика, экономический кризис, экзогенные факторы, социально-экономическое развитие, стратегия развития

Для цитирования: Солодов В. В. Прикладные аспекты преодоления экзогенных кризисов в изолированных экономических системах (на примере экономики Камчатского края) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 8–17. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-8-17>

Applied aspects of overcoming exogenous crises in the isolated economic systems (on example of the Kamchatka territory economy)

Vladimir V. Solodov

The department of policy and administration, the chair of social sciences, NRU HSE,
Moscow, Russia
vsolodov@hse.ru

Abstract. The article considers peculiarities of the course of economic crises caused by exogenous factors in the isolated regional economic systems. Analysis of the socio-economic situation in the Kamchatka territory was carried out at the end of 2022 in the context of sanctions pressure from the unfriendly countries. The features and factors of the economic crisis of 2022, their impact on the regional economic system have been identified. The results of implementation of anti-crisis measures in the Kamchatka territory and their impact on the indicators of socio-economic development are presented. Strategic priorities for development of the region's economy for the period up to 2035 have been identified.

Keywords: *regional economy, economic crisis, exogenous factors, socio-economic development, development strategy*

For citation: Solodov V. V. Applied aspects of overcoming exogenous crises in the isolated economic systems (on example of the Kamchatka territory economy) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 8–17. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-8-17>

Введение

Начиная с 2019 г., макроэкономическая система государства и ее региональные подсистемы испытывают внешние шоки, провоцирующие кризисные явления в экономике. Последовавшие друг за другом «пандемийный» кризис 2020 г. и «санкционный» кризис 2022 г. имели ряд общих черт, главная из которых – неэкономическая природа их возникновения.

Кризис 2022 г., имевший сугубо политические причины и ярко выраженное экономическое таргетирование, был нацелен на изоляцию экономики страны посредством прерывания всех форм международных экономических отношений: внешней торговли, международной кооперации, валютно-финансовых и кредитных отношений, миграционного и технологического обмена.

Как следствие, наибольший урон был нанесен региональным экономическим системам, вовлеченным именно в более развитые и глубокие формы экономических отношений: производственная кооперация, научно-техническое сотрудничество.

Ряд шоков носил системный макроэкономический характер и в равной степени затронул региональные экономические системы. К таким экстерналиям можно отнести высокий уровень инфляции, колебания курса национальной валюты, первичные шоки предложения. Влияние других детерминант дифференцировалось особенностями региональной экономики: отраслевой структурой, включенностью в торговые, производственные и логистические цепочки, качеством человеческого капитала и рядом других факторов.

В результате в одних регионах кризис 2022 г. вызвал системную перестройку экономики, а в других – перенастройку потоков в движении отдельных видов ресурсов.

Отдельный интерес представляет изучение изолированных в определенной степени региональных экономических систем, характеризующихся высокой замкнутостью, обособленностью, низкой степенью включенности в макроэкономические процессы государства. Гипотеза о более высокой степени устойчивости таких региональных систем к экономическим кризисам, вызванным экзогенными факторами, на наш взгляд, находит свое подтверждение.

В качестве примера представляется целесообразным проанализировать течение и последствия экономического кризиса 2022 г. на примере Камчатского края.

Камчатский край обладает значительным инвестиционным потенциалом, в основе которого лежат богатейшие природные запасы: водные биологические ресурсы, минерально-сырьевые ресурсы полуострова и шельфа, а также удивительные рекреационные возможности.

Вместе с тем экономика Камчатки представляет собой яркий пример изолированной структуры: периферийность и сложная транспортная доступность, близкая к моноотраслевой структура экономики, относительно низкая включенность в макроэкономические процессы. Одновременно с этим имеет место высокая зависимость от внешних поставок топливно-энергетических ресурсов и отдельных видов потребительских товаров.

Минувший год для Камчатского края, как и для всей Российской Федерации, прошел в условиях санкционного давления со стороны недружественных стран. Первые шоки экономического кризиса спровоцировали ажиотаж на потребительском рынке, что в совокупности с высоким уровнем зависимости от поставок товаров из других регионов вызвало серьезный инфляционный скачок. В свою очередь резкий рост цен на потребитель-

ские товары спровоцировал недостаток оборотных средств у товаропроводящей сети и обострил риски возникновения дефицита товаров.

Именно поэтому первый пакет антикризисных мер в объеме около 300 млн рублей был направлен именно на поддержание запаса оборотных средств в оптово-розничной торговле, а первоочередные административные меры приняты в отношении сохранения действующих и (или) формирования новых цепочек поставок продовольственных товаров и других товаров первой необходимости. Интересно, что отдаленные и труднодоступные районы края, где был сформирован сезонный товарный запас, в меньшей степени почувствовали инфляционные шоки, поскольку к моменту исчерпания текущих запасов ценовая ситуация на макрорынках уже относительно стабилизировалась.

Часть средств первого антикризисного пакета была направлена на закупки производственного оборудования, сырья и материалов в целях сохранения и развития собственного производства.

Второй антикризисный пакет включал как поддержку бизнеса, так и населения и содержал секторальные меры поддержки в сферах сельского хозяйства и туризма, а также был направлен на поддержание совокупного спроса.

В общей сумме бизнес региона получил более 3 млрд рублей за счет средств федерального и регионального бюджетов, прежде всего в целях поддержания необходимого уровня оборотных средств и товарных запасов, а также обеспечения бесперебойной работы производственного сектора.

Перечисленные меры позволили сохранить действующее количество субъектов малого и среднего предпринимательства и даже увеличить численность занятых в них на 2,5% [Актуальные вопросы..., 2021].

На текущий момент в Камчатском крае нет отраслей, находящихся в кри-

зисном состоянии из-за санкций, налажены кооперационные связи, найдены новые поставщики оборудования и материалов, активно реализуется политика импортозамещения.

По направлению поддержки совокупного спроса более 10 тысяч жителей Камчатки получили дополнительную социальную поддержку на сумму свыше 1 млрд рублей. Более 3,5 тысяч человек воспользовались новым сервисом «Социальный МФЦ», объединяющим на одной площадке различные социальные службы и ведомства, а социальный проект «Карта жителя Камчатки» позволил, прежде всего, поддержать камчатских пенсионеров и увеличить их доход на 14% к величине прожиточного минимума.

В целом реализация антикризисных мер на федеральном и региональном уровнях позволила Камчатскому краю сохранить положительную динамику основных показателей социально-экономического развития: на 9,2% вырос объем строительных работ, а также грузооборот автомобильного транспорта, увеличены обороты в розничной и оптовой торговле на 0,6% и 1,8% соответственно, на 1,2% – в общественном питании, на 0,9% вырос объем продукции сельского хозяйства.

В условиях «санкционной блокады» внешнеторговый оборот региона увеличился на 70%: у края появились новые зарубежные партнёры из числа дружественных стран, а действующие участники внешнеэкономических связей в условиях ажиотажа первой половины 2022 г. нарастили объем закупок камчатской рыбы и морепродуктов.

Стабильной осталась ситуация на рынке труда: уровень общей безработицы сложился существенно ниже, чем в Российской Федерации и в Дальневосточном федеральном округе и составил 2,9%.¹

Несмотря на незначительное снижение объема инвестиций в основной капитал по итогам 2022 г. (на 1,5%) в крае продолжилась реализация значимых ин-

¹ Годовой отчет о реализации государственной программы «Развитие экономики и внешнеэкономической деятельности в Камчатском крае» Официальный сайт исполнительных органов Камчатского края. URL: <https://www.kamgov.ru/minecon/gosudarstvennye-programmy-kamcatskogo-kraa>

вестиционных проектов, а также строительство крупных социальных объектов: строительство морского перегрузочного комплекса сжиженного природного газа, возведение нового аэропортового комплекса, строительство краевой больницы, театра кукол, школ и других объектов.

Опыт преодоления кризисных явлений в ключевых отраслях экономики Камчатского края

Особого внимания заслуживает опыт преодоления кризисных явлений в ключевых отраслях экономики региона.

Структура промышленности Камчатского края на 68% представлена обрабатывающими производствами (основу составляет переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков), добыча полезных ископаемых занимает 16% (основу составляет добыча металлических руд: золото, серебро, никелевая руда), обеспечение электрической энергией, газом, паром; кондиционирование воздуха – 14%, водоснабжение водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений – 2%.

Рыбная отрасль традиционно является доминирующей в хозяйственной жизни Камчатского края, она определяет направления и динамику развития многих других секторов экономики региона. Доля рыбоперерабатывающего комплекса Камчатского края в общем объеме промышленного производства региона составляет более 60%.

Камчатский край в 2022 г. продолжал лидировать по объемам добычи рыбы и морепродуктов. Первое место в структуре вылова занимает минтай, на втором месте – тихоокеанские лососи. По итогам 2022 г. камчатскими рыбаками добыто 1405,1 тыс. тонн (или 84,7% к уровню 2021 г.), что составило более 40% вылова по Дальневосточному бассейну и более 30% общероссийского вылова [Сохранение биоразнообразия..., 2021].

В настоящее время в Камчатском крае зарегистрировано более 700 организаций, ведущих рыбохозяйственную деятельность с круглогодичным либо сезонным производственным циклом, 200 из которых осуществляют вылов водных

биологических ресурсов.

В крае построено и действует более 190 рыбоперерабатывающих заводов, 14 из которых осуществляют выпуск рыбных консервов. За период с 2008 г. по 2022 г. предприятиями рыбохозяйственного комплекса в развитие своих береговых перерабатывающих мощностей и модернизацию рыбопромыслового флота вложено более 105 млрд рублей, на побережьях полуострова построено 35 современных заводов с новейшим рыбоперерабатывающим оборудованием мощностью от 150 до 445 тонн в сутки, дополнительно создано более 6,5 тыс. рабочих мест, построено, приобретено и модернизировано 30 судов.

Значительная часть используемого оборудования в рыбохозяйственном комплексе поставлялась из-за рубежа. Именно поэтому активные меры административного характера были в первую очередь направлены на недопущение срывов в работе главной отрасли экономики региона. Инструмент параллельного импорта, а также импорт аналогов из нейтральных стран и импортозамещение запасных частей и расходных материалов позволили обеспечить стабильную работу предприятий рыбохозяйственного комплекса.

Судоремонтная отрасль Камчатского края занимает второе место среди обрабатывающих производств по объему промышленного производства, а также является важным звеном в обеспечении развития рыбодобывающего комплекса, транспорта и в перспективе нефтегазовой промышленности региона.

Сегодня объем услуг по судоремонту в Камчатском крае достиг отметки 4,2 млрд рублей, численность работников, занятых в отраслях – более 1,5 тыс. человек. В распоряжении Камчатского края находится более 650 рыбодобывающих судов различного типа (418 – маломерные суда, 232 – средне и крупнотоннажные суда, что составляет более 50% от всех судов, работающих на Дальнем Востоке).

Вместе с тем рыбодобывающий флот Камчатки продолжает находиться в высокой зависимости от услуг судоремонтной отрасли других регионов страны, а также соседних, в том числе, недруже-

ственных стран: весь крупно- и среднетоннажный флот, а также часть маломерных судов проходит обслуживание в Приморском крае, Южной Корее, Китае.

Судоремонт и судостроение являются стратегически важными сферами экономики и требуют особой поддержки. Это в том числе относится и к реализуемым инвестиционным проектам: проект ООО «Рем-Нова ДВ» по созданию современной судоремонтной базы и расширению портовой инфраструктуры (ключевой проект для возрождения судоремонтной отрасли региона и выхода на современный рынок предоставления услуг); проект ООО «НПЦ «Торсиотест» по строительству маломерных рыболовных судов.

Транспортно-логистическая сфера

Географическое положение Камчатского края в Российской Федерации, значительные расстояния поставок товаров и материалов в регион и обратно, большие сроки оборота капитала создают благоприятные предпосылки для развития Северного морского пути (далее – СМП) посредством развития крупных транспортных узлов.

Петропавловск-Камчатский располагается на берегу незамерзающей глубоководной Авачинской губы. Навигация осуществляется в течение всего года. Авачинская губа является естественной бухтой, второй в мире по величине. Ее длина составляет 24 км, максимальная глубина достигает 28 м. Общая площадь бухты – 215 км². Будучи «воротами Северного морского пути», Камчатский край может стать логистической артерией мирового значения, используя свои конкурентные преимущества.

В настоящее время ежегодная пропускная способность региона составляет около 3 млн тонн грузов. Вместе с тем создание новой инфраструктуры и мощностей увеличит ежегодный грузооборот до 10 млн тонн без учета грузооборота сжиженного природного газа в 20 млн тонн в год.²

Транспортный потенциал уже активно реализуется. В последние несколь-

ко лет на фоне действия преференциальных режимов и роста социально-экономических показателей на территории региона заметно активизировалось развитие транспортно-логистической инфраструктуры, ведется масштабная модернизация и строительство новых морских терминалов, реализуются рейсы по доставке продукции через СМП.

В целях развития портовой инфраструктуры и судоремонта на территории Камчатского края реализуется ряд крупных инвестиционных проектов в транспортно-логистической структуре, среди которых необходимо отметить проект ООО «Терминал Сероглазка» по созданию порт-хаба по комплексному обслуживанию рыбопромысловых судов и организации перевалки рефрижераторных и сухих контейнерных грузов; проект ПАО «НОВАТЭК»: создание СПГ-терминала и газопринимающей инфраструктуры по компенсации дефицита природного газа в Камчатском крае.

Одним из приоритетных направлений развития экономики Камчатского края должна стать кластеризация судоремонтных, логистических и других обеспечивающих отраслей предприятий, которая позволит сформировать в акватории Авачинской бухты единый комплекс по оказанию всего спектра услуг российским и иностранным рыбопромысловым и судоходным компаниям, а также сформировать транспортный и энергетический порт-хаб на конечной точке маршрута Северного морского пути на востоке.

Деятельность **в сфере недропользования** в Камчатском крае осуществляют около 70 предприятий, на которых трудоустроено порядка 3,5 тысяч человек. Крупные предприятия отрасли ведут добычу драгоценных, цветных металлов, углеводородов (газа природного и попутного конденсата), термальных вод и общераспространенных полезных ископаемых. Объем инвестиций в минерально-сырьевой комплекс в 2022 г. вдвое превысил показатель 2021 г. и составил 8,3 млрд рублей.

² *Правовое регулирование развития Дальнего Востока и Арктики. Материалы мероприятий, проведенных Комитетом Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики в период осенней сессии 2022 года. - М.: Издание Государственной Думы, 2023. - 256 с.*

Трудности кризиса 2022 г. для горнодобывающей отрасли были аналогичны проблемам рыбохозяйственных организаций: зависимость от иностранного оборудования и запасных частей, нарушенные логистические цепочки, проблемы с обеспеченностью трудовыми ресурсами.

Потребительский рынок и торговля

Важным элементом комплекса антикризисных мер стал эксперимент по субсидированию транспортных расходов на доставку грузов в отдаленные и труднодоступные районы края.

Уникальностью Камчатского края можно считать его сложную транспортную доступность. Климатические и географические характеристики территории региона предполагают особый подход к доставке грузов как с материковой части страны, так и внутри полуострова. В отдельных случаях муниципальные образования включают в себя населенные пункты, отличающиеся значительной отдаленностью друг от друга и имеющие ограниченные сроки завоза товаров.

Система снабжения потребительскими товарами, необходимыми для жизнеобеспечения населения в Камчатском крае, на 90% складывается за счет обеспечения межрегиональных поставок индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами, осуществляющими торговую деятельность на территории субъекта, за счет собственных оборотных средств.

В связи с этим в целях поддержания жизнеобеспечения и сохранения потребительского рынка были предприняты следующие меры:

организация своевременного завоза продовольствия. В большей степени это касается труднодоступных районов региона, завоз товаров в которые осуществляется чаще всего морским транспортом и напрямую зависит от погодных условий, следовательно, доставка грузов в отдаленные местности, особенно в зимнее время года, зачастую происходит с задержкой;

нивелирование факторов, влияющих на высокий уровень розничных цен. Существенное влияние на ценообразование в регионе оказывает отдаленность территории от основных поставщиков продовольственных товаров, которая способствует формированию высоких транспортных расходов предприятий. Кроме того, учитывая то, что для завоза товаров в отдаленные местности полуострова кроме морского транспорта часто используется специализированная техника, а для скоропортящейся продукции в отдельных случаях может использоваться только авиатранспорт, доля затрат на транспортные услуги при образовании потребительских цен в таких районах может достигать 80%.

Запущенный в 2022 г. механизм оказания поддержки хозяйствующих субъектов путем возмещения их транспортных затрат, образующихся при доставке продукции до торгового объекта в отдаленной местности, стал наиболее результативной антикризисной мерой в сфере поддержания совокупного спроса.

Реализация мероприятий по субсидированию позволила оказать поддержку 15 хозяйствующим субъектам, доставившим 216,6 тонн продовольственных товаров в 5 муниципальных образований, имеющих труднодоступные населенные пункты, для последующей реализации населению по ценам, сниженным до 35% за счет исключения транспортных затрат предприятия на доставку груза.³

Мера позволила не только стимулировать предприятия наращивать объемы поставок в труднодоступные районы полуострова, но и регулировать стоимость социально значимых продовольственных товаров для населения этих территорий.

Принимая во внимание положительный опыт, в текущем году принято решение о продолжении реализации мероприятий по субсидированию. Будет увеличено число муниципальных образований – участников проекта, и расширен перечень населенных пунктов и товаров.

³ Годовой отчет о реализации государственной программы «Развитие экономики и внешнеэкономической деятельности в Камчатском крае» Официальный сайт исполнительных органов Камчатского края. URL: <https://www.kamgov.ru/minecon/gosudarstvennye-programmy-kamcatskogo-kraa>

Инвестиционная деятельность.

Объем инвестиций в основной капитал за 2022 г. составил 90,9 млрд рублей. При этом объем внебюджетных инвестиций в основной капитал за указанный период увеличился на 14,7% к прошлому году и составил 61,5 млрд рублей.

Безусловно, важнейшую роль в поддержании инвестиционной деятельности играют особые режимы ведения бизнеса. На территории Камчатского края действуют два преференциальных режима ведения хозяйственной деятельности: территория опережающего развития (ТОР) «Камчатка» и Свободный порт Владивосток (СПВ).

В настоящее время резидентами ТОР «Камчатка» реализуются 130 инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 130,3 млрд рублей, из которых уже фактически вложено 38,7 млрд рублей. Количество создаваемых рабочих мест 13 219, из которых уже создано 6 934.⁴

Региональные меры поддержки инвесторов также имеют немаловажное значение. Среди них создание таких режимов, как особо значимые инвестиционные проекты, масштабные инвестиционные проекты, региональные инвестиционные проекты.

На сегодняшний день в Камчатском крае реализуются 15 особо значимых инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 54,5 млрд рублей; 21 масштабный инвестиционный проект с объемом инвестиций 11,0 млрд рублей и 2 региональных инвестиционных проекта с объемом инвестиций в 15,0 млрд рублей.⁵

Говоря о крупнейших, якорных инвестиционных проектах, реализуемых в Камчатском крае, нельзя не упомянуть проект АО УК «Аэропорты Регионов» – «Строительство аэровокзального комплекса в г. Елизово»; проект ПАО «Новатэк» – «Строительство терминала сжиженного

природного газа в Камчатском крае»; проект ООО «Парк «Три вулкана» – «Создание курорта международного стандарта и общедоступной курортной инфраструктуры «Парк «Три вулкана»; проект ООО «Соколинский центр «Камчатка» – «Строительство объекта «Международный Центр реабилитации, репродукции и сохранения редких видов хищных птиц на Камчатке» [Солодов, 2021. С. 5–9].

Стратегические векторы развития Камчатского края

Одним из важнейших драйверов социально-экономического развития региона стала разработка и реализация мастер-плана Петропавловск-Камчатского городского округа.

Камчатка стала первым в стране регионом, разработавшим стратегический мастер-план – документ, задающий долгосрочный вектор развития и позволяющий привлечь необходимые ресурсы для реновации краевой столицы и решения системных базовых проблем. К ним относятся отсутствие благоустроенного, туристически привлекательного центра, большой объем ветхого и сейсмодefицитного жилья, отсутствие современных районов с продуманной комплексной застройкой, устаревшая транспортная сеть, ветхое и неэффективное коммунальное хозяйство.

В 2023 г. будет обеспечено проведение проектных работ и реализованы первые проекты благоустройства центральной части Петропавловск-Камчатского городского округа.

В связи с существенным изменением внутренних и внешних факторов функционирования экономики в регионе разработана новая стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2035 г.⁶

Стратегия базируется на принципе «человекоцентричности» – в основу новой стратегии развития региона легли,

⁴ Правовое регулирование развития Дальнего Востока и Арктики. Материалы мероприятий, проведенных Комитетом Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики в период осенней сессии 2022 года. М.: Издание Государственной Думы, 2023. 256 с.

⁵ Инвестиционный портал Камчатского края. Официальный сайт. URL: <https://investkamchatka.ru/>

⁶ Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2035 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/b03adcd9c54137d0a32008271ffc8fa2/strategiya_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_kamchatskogo_kraya_do_2035_goda.pdf

прежде всего, запросы жителей Камчатского края. Обеспечена полная открытость процесса разработки Стратегии – к участию были привлечены предпринимательские, научные и общественные круги, каждый житель региона имел возможность ознакомиться с проектом стратегии и направить свои предложения.

Главной целью Стратегии является формирование устойчивого социально-экономического развития за счет оптимального использования уникальных ресурсов территории при сохранении целостности экосистемы. Камчатка к 2035 г. должна представлять собой устойчиво развивающийся край, бережно использующий уникальные природные богатства, на базе которых построена современная экономика, обеспечен высокий уровень жизни населения.

Приоритетными направлениями экономической политики являются рыболовный комплекс, туризм, энергетика, судоремонт и транспортно-логистический комплекс. В основу социального развития региона положены сохранение здоровья и активного долголетия его жителей, приоритеты образования и развития с целью сохранения и приумножения человеческого капитала.

Уникальные природные богатства, выгодное транспортно-географическое положение, высокий рекреационный потенциал – конкурентные преимущества Камчатского края, которые станут

основной для комфортной, содержательной жизни и работы людей.

Заключение

В процессе изучения и оценки устойчивости региональных экономических систем к экзогенным кризисам необходимо учитывать специфику территорий: степень их открытости или изолированности по отношению к общей макроэкономической системе, отраслевую специализацию, особенности расселения и формирования агломераций и другие факторы. Вместе с тем вопросы устойчивости региональных экономических систем к кризисным явлениям в экономике требуют не только систематизации факторов и учета территориальных особенностей, но и формирования параметров прочности региональной экономики, способов их измерения и соответствующих количественных оценок. Это позволит не только проводить комплексную диагностику и прогнозирование устойчивости, но и вырабатывать комплекс превентивных мер для сохранения устойчивого функционирования региональной экономической системы и ее способности саморазвиваться. Регионы Дальнего Востока и Арктики представляют особую важность в качестве объекта исследования как территории с особой спецификой и наиболее существенным потенциалом экономического развития как для макрорегиона, так и для страны в целом.

Список источников:

1. Актуальные вопросы социально-экономического и политико-правового развития современной России: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 16 декабря 2021г, г. Петропавловск – Камчатский / под ред. Л. И. Кулаковой, Л. А. Геготаудиной. Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Дальневосточного филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации», 2021. 396 с.

2. Бирюкова А. А., Фрумак И. В. Рыбохозяйственный комплекс Камчатского края: ретроспективный анализ его становления и развития // Наука, образование, инновации: пути развития. Материалы Десятой национальной (Всероссийской) научно-практической конференции. Ответственный за выпуск Н. Г. Клочкова. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный технический университет, 2019. С. 145–149.

3. Галиев М. С., Рассанова О. Е. Особенности социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на примере Камчатского края // Актуальные теоре-

тические и прикладные вопросы управления социально-экономическими системами
Материалы Международной научно-практической конференции. М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Институт развития дополнительного профессионального образования», 2019. С. 9–18.

4. Галиев М. С., Шерemet А. П. Оценка туристической отрасли Камчатского края как фактора социально-экономического развития региона // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Печатный цех, 2022. С. 159–167.

5. Галицын В. М. Рыбохозяйственный комплекс Камчатского края (основные итоги работы и первоочередные задачи) // Природные ресурсы, их современное состояние, охрана, промысловое и техническое использование. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию рыбохозяйственного образования на Камчатке. В 2-х частях. Том Часть I. Ответственный за выпуск Н. Г. Клочкова. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный технический университет, 2017. С. 8–13.

6. Рассанова О. Е., Галиев М. С. Исследование особенностей и проблем, сдерживающих социально-экономическое развитие Камчатского края // Вестник российского университета кооперации. № 4 (38). 2019. С. 86–89.

7. Солодов В. В. Камчатка – вектор развития // Аналитический вестник. № 24 (784). 2021. С. 5–9.

8. Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей: материалы XXII международной научной конференции. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2021. – 244 с.

9. Фрумак И. В., Пантина А. И. Рыбохозяйственный комплекс Камчатского края: современное состояние и проблемы развития // современные тенденции социально-экономического развития. Материалы международной заочной научно-практической конференции. М.: ООО «Экспертно-консалтинговый центр «Професор»», 2017. С. 21–36.

10. Экономика Камчатки. Прошлое, настоящее, будущее / Коллективная монография под общ. ред. Д. А. Коростелева. Петропавловск-Камчатский: Издательство «Новая книга», 2020. 188 с.

References:

1. Current issues of socio-economic and political-legal development of modern Russia: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference on December 16, 2021, Petropavlovsk-Kamchatsky / ed. L. I. Kulakova, L. A. Gegotaulina. Petropavlovsk-Kamchatsky: Publishing house of the Far Eastern Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation”, 2021. 396 p. (In Russ).

2. Biryukova A. A., Frumak I. V. (2019) Fishery complex of the Kamchatka Territory: a retrospective analysis of its formation and development. Science, education, innovation: ways of development. Materials of the Tenth National (All-Russian) Scientific and Practical Conference. Responsible for the release is N. G. Klochkova. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State Technical University. Pp. 145–149. (In Russ).

3. Galiev M. S., Rassanova O. E. (2019) Features of the socio-economic development of a constituent entity of the Russian Federation using the example of the Kamchatka Territory. Current theoretical and applied issues of managing socio-economic systems. Materials of the International Scientific and Practical Conference. M.: Federal State Budgetary Educational Institution of Additional Professional Education «Institute for the De-

velopment of Additional Professional Education». Pp. 9–18. (In Russ).

4. Galiev M. S., Sheremet A. P. (2022) Assessment of the tourism industry of the Kamchatka Territory as a factor in the socio-economic development of the region. Current problems of society, economics and law in the context of global challenges. Collection of materials of the XIII International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg: Printing shop. Pp. 159–167. (In Russ).

5. Galitsyn V. M. (2017) Fishery complex of the Kamchatka Territory (main results of work and priority tasks). Natural resources, their current state, protection, commercial and technical use. Materials of the VIII All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of fishery education in Kamchatka. In 2 parts. Volume Part I. Responsible for the release is N. G. Klochkova. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State Technical University. Pp. 8–13. (In Russ).

6. Rasanova O. E., Galiev M. S. (2019) Study of the features and problems constraining the socio-economic development of the Kamchatka Territory *Vestnik rossiyskogo universiteta kooperatsii* [Bulletin of the Russian University of Cooperation]. No. 4 (38): 86–89. (In Russ).

7. Solodov V. V. (2021) Kamchatka – a vector of development *Analiticheskiy byulleten'* [Analytical Bulletin]. No. 24 (784): 5–9. (In Russ).

8. Conservation of biodiversity of Kamchatka and adjacent seas: materials of the XXII international scientific conference. – Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatpress, 2021. – 244 p. (In Russ).

9. Frumak I. V., Pantina A. I. (2017) Fishery complex of the Kamchatka Territory: current state and problems of development // modern trends in socio-economic development. Materials of the international correspondence scientific and practical conference. M.: LLC «Expert and Consulting Center «Professor». Pp. 21–36. (In Russ).

10. Economy of Kamchatka. Past, present, future / Collective monograph under the general direction. ed. D. A. Korosteleva. Petropavlosk-Kamchatsky: Publishing House «New Book», 2020. 188 p. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 31.08.2023; принята к публикации 04.09.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 31.08.2023; accepted for publication 04.09.2023.

Информация об авторе

В. В. Солодов – кандидат политических наук, Профессор НИУ ВШЭ, Департамент политики и управления факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Information about the author

V. V. Solodov – Candidate of Political Sciences, Professor, NRU HSE, the department of policy and administration, the chair of social sciences, NRU HSE.

Научная статья
УДК 332.1(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-18-31

Северо-арктические геостратегические территории Дальнего Востока: пространственно-хозяйственные и институциональные преобразования

Борис Хананович Краснопольский

Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия
boriskrasno@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются процессы пространственно-хозяйственного развития северо-арктических территорий Дальнего Востока на современном этапе кардинальных социально-экономических преобразований. Выявляются существенные зависимости решения данных проблем от роли магистральных элементов критической инфраструктуры исследуемого региона как в национальном, так и геополитическом плане, учитывая его трансграничное положение в Тихоокеанском секторе мировой Арктики. Обосновывается необходимость разработки специальной научно-прикладной программы в качестве институциональной структуры для усиления механизмов управления данными процессами как в текущем, так и стратегическом периодах пространственных преобразований во вновь формирующемся Северо-Восточном мезорегионе.

Ключевые слова: Дальний Восток, северо-арктические территории, Северо-Восточный мезорегион, геостратегические территории, пространственно-хозяйственные образования, критическая магистральная инфраструктура, институциональные преобразования

Благодарность: работа выполнена в рамках темы НИР ИЭИ ДВО РАН на 2023 г. «Исследование тенденций и закономерностей социально-экономического развития Дальневосточного макрорегиона».

Для цитирования: Краснопольский Б. Х. Северо-арктические геостратегические территории Дальнего Востока: пространственно-хозяйственные и институциональные преобразования // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 18–31. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-18-31>

The North-Arctic geostrategic territories of the Far East: spatial, economic and institutional transformations

Boris K. Krasnopol'skiy

The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
boriskrasno@gmail.com

Abstract. The article deals with the processes of spatial and economic development and ensuring the geostrategic stability of the North Arctic territories of the Far East at the present stage of cardinal transformations in this area. The author reveals significant dependencies of solution of these problems on the role of the main elements of critical infrastructure of the region under the study, both nationally and geopolitically, taking

into account its cross-border position in the Pacific sector of the world Arctic. The necessity of developing a special scientific and applied program as an institutional structure for strengthening the mechanisms for managing these processes in the newly formed North-Eastern mesoregion both in the current and strategic periods of spatial transformations in the region is substantiated.

Keywords: *the Far East, the North Arctic territories, the North-East meso-region, geostrategic territories, spatial and economic formations, critical infrastructure, backbone infrastructure, geostrategic sustainability, Institutional transformations*

Acknowledgments: *the work is carried out within the framework of the research project of the Institute of Economics and Interpretation of the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences for 2023 «Study of trends and patterns of socio-economic development of the Far Eastern macro-region».*

For citation: Krasnopolski B. H. The North-Arctic geostrategic territories of the Far East: spatial, economic and institutional transformations // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 18–31. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-18-31>

Введение

В современных условиях в зоне северо-арктических геостратегических территорий Дальневосточного макрорегиона на передний план выдвигаются практические вопросы, которые вызваны весьма неординарными процессами трансформации пространственно-хозяйственного развития без каких-либо специальных регулирующих воздействий институциональных структур, действующих в этой зоне. Эти процессы обусловлены целым рядом природно-экологических, социально-экономических, индивидуальных и других факторов, реализация которых подчас находит выражение в действиях отдельных экономических субъектов в целях улучшения их хозяйственного функционирования, исходя преимущественно из собственных рыночных интересов. Это вполне объяснимо в рамках чисто экономического подхода.

Но формирующиеся здесь в настоящее время пространственно-хозяйственные образования подходят к этапу *усиления системности* в создании условий для поддержания не только роста их социально-экономической эффективности, но и устойчивости в противостоянии как внутренним, так и внешним угрозам. А эти параметры рассматрива-

емых систем не измеряются только чисто экономическими показателями. На этом этапе характеризованные выше процессы должны быть взяты под контроль и реализовываться посредством соответствующих форм и механизмов их общественного управления, а не отпущаться на волю случая.

В связи с этим автор сосредоточивает внимание на реальных практических проблемах в исследуемой зоне, на более глубоком понимании сути, тенденций и особенностей протекающих процессов в ее хозяйственном развитии. В дальнейшем можно будет систематизировать критерии и показатели их оценки на различных уровнях пространственной организации хозяйства и на сменяющихся временных периодах динамических преобразований и др. Учитывая сложность и междисциплинарность рассматриваемой проблемы, требующей привлечения для ее исследования специалистов, представляющих различные направления естественных и общественных наук, автор видит необходимость разработки и реализации специальной научно-прикладной программы в качестве системно-организующей институциональной структуры. Данная программа должна быть направлена на проведение исследований по комплекс-

ному регулированию протекающих процессов и на разработку механизмов, готовых к практическому использованию, что обеспечит целевое управление происходящими пространственно-хозяйственными трансформациями на этих территориях. Это даст возможность сосредоточения необходимых сил и ресурсов как в научном плане, так и в плане реализации практических шагов на достижении конечных результатов исполнения программы.

Объекты исследования

В качестве объектов исследования здесь выступают не только дальневосточные территории Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ), включающие по национальной классификации административные районы Чукотского автономного округа и тринадцать северо-арктических улусов (районов) Республики Саха (Якутия) и акватории окаймляющих эти территории морей. Здесь рассматриваются также и тесно интегрированные с ними различного рода связями как в естественно-природном плане, так и в части воспроизводственных и социальных взаимоотношений высокоширотные «подарктические» территории Крайнего Севера. Они представляют вместе с арктическим сектором исторически сложившийся природно-хозяйственный конгломерат, без них практически невозможно дальнейшее комплексное развитие северо-арктического сектора Дальнего Востока. Эти «поддерживающие», «подпирающие» территории выступают в качестве некоего «второго» эшелона пространственно-хозяйственного развития этого сектора. К этим регионам можно отнести Магаданскую область, центральные высокоширотные улусы Республики Саха (Якутия) и Камчатский край.

Говоря об этих российских территориях, в геополитическом плане мы должны учитывать и граничащие с ними акватории и территории соседнего государства – США, которые представлены штатом Аляска.

Но в данной статье в качестве непосредственного объекта исследования, подчеркнем еще раз, выступает только российская часть этого между-

народного сектора. И именно в этой территориальной части, как показывают наблюдения, *естественным образом* формируется некая срединная пространственная структура – **Северо-Восточный мезорегион**, занимающий место в иерархии пространственно-хозяйственных образований на Дальнем Востоке между микрорегиональными структурами (в нашем случае между Чукоткой, северо-арктическими районами Якутии, Магаданской областью и Камчатским краем) и Дальневосточным макрорегионом в целом (рис. 1).

Естественным образом потому, что формирование межрегиональных связей этого мезорегиона не реализуется в рамках каких-либо институциональных, управляющих воздействий уполномоченных для этих целей органов, а развивается на основе шагов тех или иных либо отраслевых, либо территориальных хозяйствующих структур регионального или федерального уровня. И на нее совсем недавно, перед началом Восточного экономического форума (ВЭФ), Президент России В. В. Путин обратил внимание в довольно жесткой форме. Здесь есть смысл привести более подробно его высказывание, т. к. оно выступает в данной статье в качестве лейтмотива.

Президентом было дано поручение до конца года подготовить планы развития Магаданской, Якутской и Анадырской агломераций до 2030 г. Но решением этих острых вопросов развития социальной инфраструктуры городских агломераций поручение не ограничилось, т. к. в него, как подчеркнул Президент, обязательно должны войти строительство моста через реку Лена и обновление трассы «Колыма». По его словам, «к решению стоящих задач нужно приступать как можно быстрее», поскольку «начиная с 2024 года нужно работать». На его взгляд, также «необходимо привести в нормативное состояние дорожное покрытие федеральной трассы «Колыма», «ускорить строительство моста через реку Алдан в Якутии». По его мнению, «эти объекты инфраструктуры усилят транспортно-логистические возможно-

Рис. 1. Карта-схема Северо-Восточного мезорегиона как части Дальневосточного макрорегиона с выделением его арктических территорий (выделены серым цветом) и территорий высокоширотного Крайнего Севера (Источник: выкопировка из карты в НИР «Моделирование последствий решений в области государственной политики по развитию Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации». URL: https://vostokgosplan.ru/research/?_sft_research_cat=nir (дата обращения: 15.08.2023).

сти Магаданской области и Якутии, обеспечить круглогодичное транспортное сообщение на этих территориях»¹.

То есть речь в данном случае идет о формировании на северо-арктических территориях Дальнего Востока гораздо более интегрированного инфраструктурными элементами хозяйственного комплекса, включающего несколько субъектов Федерации, чем тот, который существует в настоящее время. Автор данной статьи назвал это формирующееся пространственно-хозяйственное образование Северо-Восточным мезорегионом. Нужно, по нашему мнению, сейчас понять более детально, в чем заключается суть протекающих преобразований и их связь с глубинными природно-экологическими, социально-экономическими и прочими причинами и факторами и ответить на вопрос, какими институциональными струк-

турами необходимо их поддержать и целенаправленно формировать этот хозяйственный конгломерат на более рациональный и эффективный путь. Пространственный горизонт до 2030 г., о котором шла речь в высказывании Президента, имеет среднесрочный плановый характер. Конечно, на этом временном отрезке будут решены важные оперативные вопросы. Но более «полнокровное» решение данной проблемы не может этим периодом ограничиваться. Нам представляется, что прогнозный горизонт для дальнейшего решения данной проблемы должен быть расширен до стратегического планового уровня.

Прежде всего, определимся с таким понятием как «геостратегическая территория Российской Федерации», которое вытекает из ранее принятого правительственного документа². В научной литературе есть различные интерпрета-

¹ Путин дал три месяца на подготовку планов развития дальневосточных городов. 5 сентября 2023 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18662687> (дата обращения: 07.09.2023).

² Стратегия пространственного развития России [Электронный ресурс] // Официальный сайт правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 23.08.2023 г.).

ции и мнения по поводу этого термина, но мы принимаем его именно в таком виде, в каком он представлен в документе. Все северо-арктические территории Дальнего Востока, названные выше, по правительственному документу относятся к геостратегическим. Причем территории Чукотского автономного округа и северо-арктические улусы (районы) Республики Саха (Якутия) попадают в данную зону дважды – и как относящиеся к геостратегическим территориям АЗРФ.

Также оговоримся, что под инфраструктурой здесь понимаются только ее критические составляющие, в основном магистральные, межрегионального и федерального значения, такие как транспортно-логистическая и энергонабжение с их коммуникационными функциями, а также социальная и институциональная. То есть речь идет о тех ее видах, которые играют определяющую роль именно на *данных* этапах развития *данного* рассматриваемого пространственно-хозяйственного образования. Хотя мы прекрасно понимаем, что инфраструктурных элементов в «полнокровной» хозяйственной системе гораздо больше. Автор, например, выделяет в своих работах порядка двенадцати ее составляющих в соответствии с теми природно-хозяйственными сферами, которые должны быть включены в типовое «полнокровное» пространственное образование [Краснопольский, 2023].

Необходимость включения перечисленных выше составляющих инфраструктуры в состав критической связана с нынешней и будущей ситуацией в развитии как всего Дальнего Востока, так и его северо-арктических территорий и акваторий. Коммуникационная инфраструктура в значительной степени увеличит возможности доступа к локальным ресурсам по воспроизводственным цепочкам от мест их добычи до мест их сбыта, развитая социальная инфраструктура позволит существенно увеличить социально-трудовую устойчивость территорий, а институциональная обеспечит целенаправленное развитие всего мезорегионального хозяй-

ственного конгломерата, ориентированного на реализацию поставленных задач на данном временном периоде. Данный подход к классификации критической пространственной инфраструктуры не нов, он встречается и в других научных работах в этой области [Инфраструктура пространственного развития..., 2020].

Говоря о предлагаемой программе, нужно подчеркнуть, что в ее рамках должна быть решена проблема, которая имеет широкий междисциплинарный характер и требует решения на базе синтеза ряда естественных и общественных наук, направленных на исследование пространственных аспектов развития классической триады «Природа-Человек-Общество».

В научно-экономическом плане рассмотрение данной проблемы должно базироваться, как минимум, на синтезе теорий пространственной экономики [Гранберг, 2007; Гранберг, 2009; Минакир, 2018; Минакир, Демьяненко, 2014; Современные проблемы..., 2011], инфраструктуры [Jochimsen, 1966; Краснопольский, 1980; Gramlich and others, 1994; Buhr, 2003; Кузнецова, 2013; Ланцов, 2013; Инфраструктура пространственного развития..., 2020], включая теоретические подходы к формированию ее институциональной составляющей [Краснопольский, 2022; Маллаев, Абрамчикова, 2017], а также системно-эволюционного анализа [Занг, 1999; Клейнер, 2021; Клейнер, Рыбачук, 2017; Нельсон, Уинтер, 2002]. Также необходимо учитывать и сложившиеся приемы экономических исследований Арктики и Севера [Журавель, Тимашенко, 2022; Лукин, 2023; Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика, 2021; Скуфьина, Митрошина, 2021]. Системно-эволюционный подход здесь как раз и выступает в качестве теоретической основы и инструмента *междисциплинарности и синтеза*, о которых шла речь выше.

В прикладной части она, конечно же, должна учитывать те стратегические разработки, которые приняты в субъектах Федерации Северо-Востока

по социально-экономическому развитию их территорий³.

Что касается арктического бассейна, то в связи с известными событиями на Украине и последовавшими за ними масштабными санкциями Запада против нашей страны, включая страны-члены Арктического совета, Россия, несмотря на то, что она являлась председателем этого совета в 2021–2023 гг., перенаправила свои усилия с международного уровня на решение внутренних проблем АЗРФ. В части промышленной политики эти проблемы связаны с укреплением транспортно-сырьевой специализации Арктики на базе начавшегося в предыдущие годы создания восьми опорных зон промышленно-сырьевого развития, что, естественно, ведет к росту объемов перевозок по Севморпути и повышению интенсивности морского трафика [Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика..., 2021]. Две из этих зон (Северо-Якутская и Чукотская) расположены в восточном секторе АЗРФ, в северо-арктической части Дальневосточного макрорегиона. Эти промзоны обладают достаточно благоприятными условиями для развития здесь в качестве отрасли специализации добывающей промышленности.

В качестве основной цели предлагаемой к разработке программы, по нашему представлению, должно выступать создание условий для формирования интегрированного пространственно-хозяйственного образования, названного здесь Северо-Восточным мезорегионом, учитывая те тенденции, которые возникают в практике его развития. Эти тенденции проявляются практически по всем направлениям и сферам развития этого хозяйственного конгломерата

в основном на базе создания элементов межрегиональных инфраструктурных взаимосвязей, в первую очередь по тем самым видам критической инфраструктуры (транспортно-логистическая, энергообеспечивающая и социальная), которые были названы выше. Автор исследовал эти вопросы ранее и по данному поводу опубликовал ряд работ, на одну из которых есть смысл сослаться, чтобы не повторяться в данной статье [Краснопольский, 2023].

В качестве критериев этих тенденций и процессов здесь, скорее всего, выступают существенное повышение уровня интенсивности интеграционных связей и более широкий их охват в пространстве всех региональных составляющих этого мезорегиона. Когда мы говорим об интенсивности, то она понимается здесь как системная категория, а не просто как насыщенность этой группы территорий объектами инфраструктуры с определенными показателями их развития, т. е. когда речь идет о том, сколько таких объектов физически приходится, предположим, на один квадратный километр этих территорий (основные фонды, численность занятых и объемы произведенных услуг). Это индексные, отраслевые показатели развития инфраструктуры, которые в системном плане могут рассматриваться лишь как косвенные. Под подобными критериями должна пониматься ее роль в интегрировании пространственной организации хозяйства, в росте уровня системной взаимосвязи первичных хозяйственных образований, реализуемых созданными инфраструктурными элементами. А такой показатель, который отражает мультипликативную, эмерджентную, системную эффективность, ни в простран-

³Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года. URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/201901/eaaf054cedb511cf86df83136ed26268.pdf>. (дата обращения: 14.08.2023).

Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2035 года. URL: https://xn--80atapud1a.xn--p1ai/priority_areas/strategic-plan/prognoz-sots-eko-razvit-chao-na-dolgosrochnyy-period (дата обращения 14.08.2023).

Стратегии социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года (с изменениями на 26 мая 2023 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/561763699> (дата обращения 14.08.2023).

Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2030 года (с изменениями на 20 февраля 2023 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/446224042> (дата обращения 14.08.2023).

ственной экономике, ни в теории инфраструктуры, ни в системно-эволюционной экономике пока строго не разработан. Решение этой проблемы пока является в основном математической задачей, которая даже в этой области не решена кардинально, разработаны только некоторые приемы решения частных задач, в основном в технико-технологической, а не в экономической сфере.

Первичной причиной протекающих тенденций, о которых идет речь, являются особенности природно-хозяйственного развития и связанные с ними виды экономической активности в конкретном регионе, которые, естественно, подвергаются определенным модификациям в зависимости от их проявления в той или другой экономико-географической зоне. В разрабатываемой программе, видимо, нужно сосредоточиться только на некоторых из них, являющихся базовыми в региональном развитии, к которым можно отнести природно-экологические, социально-экономические, индивидуальные (отражающие особенности человека как индивида и специфику его жизнедеятельности), геостратегические и институциональные.

Природно-экологические связаны с так называемой естественно-природной гомогенностью этой зоны, которая сложилась исторически в течение многих лет и ведет свое начало еще от ранних форм существования здесь так называемой «Берингии»⁴. Эта гомогенность для экономических оценок практически является некой константой, зафиксированной в ее геологической структуре. Хотя и в части геологических изысканий, и тесно связанных с ними исследований в области недропользования, региональных геобиоценозов и экологических проблем этот мезорегион также требует значительного усиления. Подобные пространственно-

хозяйственные образования представляют собой в основном однородные в природном плане территории, не имеющие больших внутренних отличий, что является показателем их высокой геологической интегрированности и примерно идентичных видов природно-сырьевой базы. А это, в свою очередь, приводит к формированию схожих видов отраслей ее промышленной специализации, которые имеют тенденцию к интеграции их производственного аппарата. То есть природно-экологические особенности здесь могут выступать одной из причин интеграционных процессов в развитии Северо-Восточного мезорегиона.

Социально-экономические особенности отличаются большим разнообразием. Между ними в региональном плане могут формироваться существенные различия по основным регионообразующим признакам – по плотности населения, социально-экономическому развитию, доходам на душу населения и др., что зависит от принадлежности к той или другой территории или типу населенных мест. Примеры таких различий достаточно хорошо известны. При существенных разрывах в этих показателях могут возникать серьезные проблемы в организации межрегионального сотрудничества и кооперации, что также может выступать в качестве стимула для возникновения интеграционных процессов, особенно в части социальной инфраструктуры. Их выявление должно осуществляться на ранних стадиях, и если они являются весьма существенными, то необходимо предпринимать соответствующие меры по корректировке действующих методов и механизмов преодоления этих различий.

В таблице 1 для примера приведены данные по основным показателям развития территорий Северо-Восточного мезорегиона (СВМР).

⁴ Берингия – палео-био-географическая провинция, связывавшая северо-восточную Азию и северо-западную Северную Америку (Берингийский сектор Голарктики) в четвертичном периоде, во время глобальных оледенений. В настоящее время распространяется на территории, окружающие Берингов пролив, Чукотское и Берингово моря. Включает в себя часть Якутии, Чукотку и Камчатку в России, а также Аляску в США. В историческом контексте она также включала в себя сухопутный Берингов или Берингийский перешеек, неоднократно соединявший Евразию и Северную Америку в единый суперконтинент. URL: <https://gufo.me/dict/biology/%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B8%D1%8F>

Таблица 1

Основные показатели территорий Северо-Восточного мезорегиона (данные за 2022 г.)

Район	Площадь территорий с островами (без акваторий), тыс. кв. км	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд руб.	Численность населения, тыс. чел.	ВРП на одного человека, млн руб.	Доля коренных малочисленных народов Севера (КМНС), %	Среднедушевой доход, тыс. руб.
Чукотский автономный округ	737,7	94,9	47,5	2,0	33,7%	89,4
Магаданская область	461,4	337,7	137,5	2,5	3,2%	85,4
Камчатский край	472,3	319,0	289,0	1,5	2,7%	55,0
Республика Саха (Якутия) в целом, в т.ч. тринадцать северо-арктических улусов (САУ)	Всего: 3103,2 Из них САУ – 1608,8 (52% территории Якутии)	Всего: 1936,0 Из них: САУ – 135,8 (около 7% территории Якутии)	Всего: 996,20 Из них САУ – 69,7 (около 7% территории Якутии)	1,9	4,2% (средний по Якутии, включая САУ)	82,8 (средний по Якутии, включая САУ)
Итого: СВМР (Чукотка, Магаданская область, Камчатка, Якутия)	4774,6	2687,6	1470,2	1,8	10,4 (средний по СВМР)	78,5 (средний по СВМР)

Источник: составлено автором по информации из веб-сайтов администраций всех территорий и из статистических источников: Региональная статистика. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics; Арктическая зона РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/arc_zona.html; Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13279> (дата обращения: 11.08.2023).

Здесь видно, что весьма низкими показателями по среднедушевым доходам на Северо-Востоке выделяется Камчатский край, также как и по ВРП на одного человека. А этот показатель значительно выше в Магаданской области и на Чукотке. Конечно, нужно более подробно изучать первичные причины возникающих социально-экономических диспропорций на этих территориях, их отраслевую структуру и промышленную специализацию, воспроизводственные и прочие связи. Тогда будет более понятны причины подобных «разрывов». В предлагаемой программе не должна ставиться задача «поголовного» выравнивания развития всех территорий этого мезорегиона – главное не допустить существенных различий в их основных показателях,

серьезно нарушающих интеграционные процессы в этой зоне.

В социально-экономическом плане эти территории обладают и еще одной особенностью. В настоящее время они находятся на весьма критическом этапе их пространственно-хозяйственного развития, а именно: их производственный потенциал проходит стадию существенных трансформаций и перемещается в своем развитии с начального этапа освоения их природно-ресурсной базы на более высокий индустриальный тип формирования новой экономической структуры. Этот процесс требует серьезных и весьма существенных преобразований как во всем производственном аппарате, так и в обслуживающих его отраслях и сферах инфраструктуры. Опережающее фор-

мирование магистральных (федеративного значения) элементов критической инфраструктуры здесь должно *решить одновременно двойную задачу*, а именно – и в части обеспечения этого перехода от сырьевого к индустриальному типу развития, и в части решения геостратегических проблем.

Что касается индивидуальных особенностей, непосредственно связанных с человеком как индивидом, его физических и духовных качеств, уровней его культурного и социального развития – эти факторы обычно уходят на второй план во всех проектах и программах регионального развития. В разрабатываемой программе они должны занять достойное место, тем более что на всех этих территориях проживают представители коренных малочисленных народов Севера (КМНС), что требует особого подхода. Спецификой здесь отличается и организация вахтовых и стационарных поселений пришлого населения. Это связано не только с социальной инфраструктурой и уровнем заработной платы. Создание на Северо-Востоке страны соответствующих условий для поддержания достаточно высоких индивидуальных *комплексных нормативов* обеспечения жизнедеятельности людей также может выступать интегрирующим стимулом в данном пространственном образовании.

Говоря о институциональных структурах, действующих в данной зоне, в первую очередь нужно иметь в виду достаточно активно функционирующие администрации всех перечисленных выше территорий, которые, как было отмечено, реализуют не только текущие планы их развития, но и долгосрочные стратегические программы. Но что касается вопросов развития их межрегиональных и федеральных интеграционных взаимосвязей, выходящих за пределы всего Северо-Восточного мезорегиона, то они по большому счету оста-

ются без «хозяина» и решаются отдельными «точечными» акциями в основном по отраслевому принципу. Сейчас, как показывает практика, возникла новая тенденция в развитии этой зоны, когда акцент перемещается с отраслевого на территориальный принцип планирования. Наверняка эта тенденция будет усиливаться на перспективном этапе этого развития.

Итак, судя по тем тенденциям и особенностям развития территорий Северо-Восточного мезорегиона, которые демонстрируют преобладающую роль критической магистральной инфраструктуры в формировании более «полнокровного» и готового к самовоспроизводству хозяйственного конгломерата, предлагаемую стратегическую научно-прикладную программу можно предварительно назвать следующим образом: *«Формирование опорной сети системно-организованной критической магистральной инфраструктуры на северо-арктических геостратегических территориях Северо-Восточного мезорегиона как части Дальнего Востока на долгосрочную перспективу».*

Конечно, проведение всей системы научно-прикладных исследований по этой программе должно быть согласовано с методологией и методикой стратегического планирования, являющегося базой государственного регулирования, которые тесно связаны именно со стратегическими оценками опережающего создания элементов пространственной инфраструктуры, в первую очередь – ее магистральных критических составляющих. В основе системы стратегического планирования лежит Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁵. Весьма существенные дополнения в систему стратегического планирования были внесены в июне 2022 г. специальным Распоряжением правительства РФ⁶. Из документов по стратегическому планированию пре-

⁵ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: [dc5442cb47f4b0a30f3adf9a0f530d26](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420383/25ab2a7d8fd7d8dcde11c233997f6517915bfba/) (дата обращения: 17.08.2023).

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 25.06.2022 № 1704-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420383/25ab2a7d8fd7d8dcde11c233997f6517915bfba/ (дата обращения: 18.08.2023).

красно видно, что роль инфраструктуры в реализации различного рода программ государственного регулирования развития пространственно-хозяйственных образований весьма высока, что требует повышенного внимания к научной проработке ее проблем, тем более в специфических условиях дальневосточного сектора АЗРФ.

Данная программа с достаточно перспективным временным лагом даст импульс к реализации всех других возможностей повышения эффективности экологически ответственного, экономически рационального и социально сбалансированного дальнейшего освоения и устойчивого развития восточно-арктических территорий АЗРФ в тесной связи с «подпитываемыми» это развитие приарктическими высокоширотными территориями Северо-Востока страны. Схема исследовательских разработок по данной программе должна быть представлена двумя ветвями: *федеральной*, отражающей иерархические, государственные интересы и предпринимательские интересы крупных компаний в этой зоне, и *региональной* с ориентацией на соблюдение гетерархических, региональных интересов и интересов местного предпринимательства. Консенсус в соблюдении государственных и региональных интересов в развитии опорной сети магистральной инфраструктуры на данных территориях будет определяться по согласованию обеих ветвей рабочих групп.

Выводы

Обсуждаемые в этой статье подходы к разработке специальной научно-прикладной программы развития Северо-Восточного мезорегиона в основном будут акцентироваться на оценке влияния магистральных элементов критической инфраструктуры этого региона. На данном этапе важно ускоренное и опережающее создание сети опорных, системно-организованных, «стержневых» элементов этих видов инфраструктуры, которые должны пронизывать все уровни пространственно-хозяйственных образований и формировать тесные взаимосвязи в воспроизводственных циклах и цепочках, а также в социумах регио-

нального, межрегионального и федерального уровней.

В этом отношении роль «подарктических» территорий Магаданской области, в особенности с ее незамерзающим морским портом и географически «прикрытыми» морскими коммуникациями с югом Дальнего Востока, должна существенно усилиться в поддержке геостратегической устойчивости непосредственно приграничных территорий Чукотки и Камчатки в контактной зоне со штатом Аляска. А роль высокоширотных районов Крайнего Севера Якутии должна активизироваться в поддержке северо-арктических улусов Республики в контактах с арктическим бассейном в морях Северного Ледовитого океана. Формирующаяся здесь опережающими темпами достаточно развитая сеть критической инфраструктуры создаст не только больше возможностей для роста эффективности хозяйственных процессов, но и в геостратегическом плане обеспечит регион более высокой степенью мобильности перемещения в критических ситуациях необходимых объемов материально-технических, продовольственных и человеческих ресурсов на межрегиональном уровне.

Нужно учитывать, что этот регион является весьма удаленным от основных баз не только страны, но и южных, относительно развитых территорий Дальневосточного макрорегиона. И его территории должны быть подготовленными в социально-экономическом плане к определенному автаркичному существованию на некий стратегический период в критической ситуации, пока поддержка со стороны «большой» и дальневосточной России в необходимых масштабах не придет в эти районы. Именно в этих целях данным территориям необходимы развитые мобильные, круглогодичные коммуникационные межрегиональные связи в *континентальной части* по всей арктической и «приарктической» пространственно-хозяйственной зоне, тем более если будут нарушены коммуникационные контакты на основной морской магистрали – Севморпути.

Альтернативой здесь могут служить транспортно-логистические маршруты в континентальной части данных территорий, но сложившаяся динамика роста протяженности и «плотности» магистральных элементов критической инфраструктуры, например, автомобильных дорог, на территориях Северо-Восточного мезорегиона в 2015–2021 гг. показывает следующее⁷. Магистральные (федерального значения) элементы транспортной инфраструктуры в течение этого периода не создавались вообще на Камчатке, Чукотке и в Магаданской области. В минимальных объемах они создавались в южной Якутии, не затрагивая Северо-Восточный мезорегион в целом. Строительство дорог было сосредоточено в значительной степени на региональных и поселковых дорогах. Камчатский край был лишен даже межпоселковых дорог, Магаданская область – поселковых. Статистика показывает, что в этот период во всем Северо-Восточном мезорегионе не строились дороги магистрального (федерального) уровня, т. е. не формировались даже в минимально необходимом размере необходимые интеграционные связи между территориями в этой зоне.

На новом этапе развития исследуемых территорий должна быть сформирована достаточно развитая транспортно-логистическая и энергообеспечивающая инфраструктурная «сетка» коммуникаций.

В широтном плане – усилена автотрасса «Кольма» от Магадана до Якутска и далее с завершением строительства моста через р. Лену. В арктической континентальной зоне построена, хотя бы частично, высокоширотная автодорога по трассе нынешних зимников от Тикси (Якутия) до Анадыря (Чукотка), параллельно морским коммуникациям Севморпути. В меридиональном плане – усилена сеть речных коммуникаций по рекам региона Анабара, Лена, Яна, Индигирка и Кольма. Есть предложения по строительству меридиональной круглогодичной автомагистрали по трассе нынешнего автозимника «Арктика» протяженностью 1600 км, связывающе-

го центральную часть трассы «Кольма» между Якутском и Магаданом с отдаленными и труднодоступными районами северо-востока Якутии и Чукотки вплоть до пос. Черский. Эта транспортная коммуникация также должна стать «стержневым» магистральным инфраструктурным элементом мезорегиона. Назрела необходимость в строительстве межрегиональной автомобильной дороги Кольма – Омсукчан – Омолон – Анадырь, которая, соединяя Магаданскую область с Чукоткой, будет также являться меридиональным элементом транспортной инфраструктуры, связывающим арктические территории Дальнего Востока с «подарктическими» северо-восточными районами [Краснопольский, 2023].

Но все эти проекты не сведены в единый документ, выступающий неким стратегическим планом для комплексных пространственно-хозяйственных преобразований. Разрабатываемая программа в качестве сводного институционального документа, еще раз подчеркнем, будет иметь двойное назначение: и для смены процессов перехода хозяйственного развития на более высокий индустриальный уклад в этой зоне, и для повышения геостратегической устойчивости нашей страны на ее северо-восточных рубежах.

Заключение

Динамика пространственно-хозяйственных преобразований в исследуемом регионе показывает довольно четкую закономерность нынешнего этапа освоения восточно-арктических территорий АЗРФ. Это освоение естественным образом переходит в пространственном плане с низового регионального микроуровня «чисто» арктических территорий на следующую ступень – мезоуровень межрегиональных пространственных систем, включая тесно интегрированные с ними высокоширотные территории Крайнего Севера. Эти преобразования послужат базой создания более «полнокровных» пространственно-хозяйственных образований в этой зоне. И одним из направлений этих преобразований будет являться формирование Северо-Восточного мезорегиона.

Список источников:

1. Гранберг А. Г. Становление в России научного направления «пространственная экономика» // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. Т. 2, № 26. С. 18–24.
2. Гранберг А. Г. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов // Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 87–107.
3. Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов / отв. ред. Б. Х. Краснопольский; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2021. 248 с.
4. Журавель В. П., Тимошенко Д. С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 105–124. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105
5. Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории: Пер. с англ. Москва: Мир, 1999.
6. Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / под ред. к.э.н. О. В. Тарасовой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. 456 с.
7. Клейнер Г. Б. Системная экономика: шаги развития. Предисловие академика В. Л. Макарова. Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2021. 746 с.
8. Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А. Системная сбалансированность экономики. Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2017. 320 с.
9. Краснопольский Б. Х. Инфраструктура в системе регионального хозяйственного комплекса Севера (методические особенности исследования) / Отв. ред. Э. Б. Алаев. Москва: «Наука», 1980, 145 с.
10. Краснопольский Б. Х. Институциональная инфраструктура пространственно-хозяйственных образований Арктики // Экономика региона. 2022. Т. 18, вып. 2. С. 353–368. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-4>.
11. Краснопольский Б. Х. Инфраструктура и пространственная экономика: теоретические и прикладные исследования / отв. ред. П. А. Минакир. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. 234 с.
12. Кузнецова А. И. Инфраструктура: Вопросы теории, методологии, прикладные аспекты современного инфраструктурного обустройства. Геоэкономический подход. Изд. 3-е. Москва: КомКнига, 2013. 456 с.
13. Ланцов А. Е. Инфраструктура: понятие, виды и значение // Экономика, статистика, информатика. 2013. № 3. С. 47–52. DOI: 10.21686/2500-3925-2013-3-47-52
14. Лукин Ю. Ф. 2022: Российская Арктика во времена перемен // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 249–271. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.249
15. Маллаев Х. Н., Аврамчикова Н. Т. Теоретические основы формирования институциональной инфраструктуры региона // Менеджмент социальных и экономических систем. 2017. № 1. С. 39–46.
16. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике / отв. ред. В. М. Полтерович. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
17. Минакир П. А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепции пространственной организации экономики // Пространственная экономика. № 4. 2018. С. 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020.
18. Нельсон Р. Р., Уинтер У. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. Москва: Дело, 2002. 536 с.
19. Скуфьина Т. П., Митрошина М. Н. Трансформация социально-экономического пространства российской Арктики в контексте геополитики, макроэкономики, внутренних факторов развития // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 87–112. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.87.

20. Современные проблемы пространственного развития / Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти и 75-летию со дня рождения академика А. Г. Гранберга. 2011. Москва: СОПС, 623 с.
21. Buhr W. What is Infrastructure? // Siegen Discussion Paper. 2003. No. 107-03. 32 p.
22. Gramlich E. Infrastructure Investment: A Review Essay // Journal of Economic Literature. 1994. Vol. 32(3). P. 1176–1196.
23. Jochimsen R. Theorie der Infrastruktur: Grundlagen der marktwirtschaftlichen Entwicklung. Tübingen, J.C.B. Mohr, 1966. 253 p.

References:

1. Granberg A. G. (2009). Establishment of the scientific direction «spatial economics» in Russia. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya)* [Bulletin of the University (State University of Management)]. Vol. 2, no. 26: 18–24. (In Russ).
2. Granberg A. G. (2007). Modeling of spatial development of the national and world economy: evolution of approaches. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: economics and sociology]. No. 1: 87–107. (In Russ).
3. The Far Eastern and Pacific Arctic: at the crossroads of two oceans and continents. (2021) / ed. by B. H. Krasnopolski. *Institut ekonomicheskikh issledovanij DVO RAN. Habarovsk: IEI DVO RAN* [Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk: ERI FEB RAS], 248 p. (In Russ).
4. Zhuravel V. P., Timoshenko D. S. (2022). The Russian Arctic, Sanctions Pressure and Geopolitical Instability. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. No. 49: 105–124. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105. (In Russ).
5. Zang V.-B. (1999). Synergetic economy. Time and Changes in Nonlinear Economic Theory. Trans. From Eng. Moscow: Mir, 1999.
6. Infrastructure of spatial development of the Russian Federation: transport, energy, innovation system, life support / ed. Ph.D. O.V. Tarasova]. (2020). Novosibirsk: IEOPP SB RAS. 456 p. (In Russ).
7. Klejner G. B. (2021). Systemic Economics: Development Steps / Foreword by Academician V.L. Makarov. Scientific Library Publishing House. 746 p. (In Russ).
8. Klejner G. B., Rybachuk M. A. (2017). Systemic balance of the economy. Moscow: Scientific Library. 320 p. (In Russ).
9. Krasnopolski B. H. (1980). Infrastructure in the system of the regional economic complex of the North (methodological features of the study) / ed. by E.B. Alaev. Moscow: Nauka. 145 p. (In Russ).
10. Krasnopolski B. H. (2022). Institutional infrastructure of spatial and economic formations of the Arctic. *Ekonomika regiona* [Economy of the region]. Vol. 18. No. 2: 353–368. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-4>. (In Russ).
11. Krasnopolski B. H. (2023). Infrastructure and Spatial Economics: Theoretical and Applied Research / ed. by P.A. Minakir. Economic Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 248 p. (In Russ).
12. Kuznezova A. I. (2013). Infrastructure: Questions of theory, methodology, applied aspects of modern infrastructure arrangement. Geo-economic approach. Ed. 3-e. *M: KomKniga*, [Moscow: KomKniga]. 456 p. (In Russ.).
13. Lancov A. E. (2013). Infrastructure: concept, types and meaning]. *Ekonomika, statistika, informatika*. [Economics, statistics, informatics]. No. 3: 47-52. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2013-3-47-52>. (In Russ).
14. Lukin Yu. F. (2023). 2022: The Russian Arctic in times of change. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. No. 50: 249–271. (In Russ.).
15. Mallaev H. N., Avramchikova N. T. (2017). Theoretical foundations of the formation of the institutional infrastructure of the region. *Menedzhment social'nyh i ekonomicheskikh system* [Management of social and economic systems]. No. 1: 39–46. (In Russ.).

16. Minakir P. A., Demyanenko A. N. (2014). Essays on spatial economics / ed. V.M. Polterovich. Khabarovsk: ERI FEB RAS. 272 p. (In Russ).
17. Minakir P.A. (2018). "Strategy of spatial development" in the interior of the concept of spatial organization of the economy. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. No. 4: 8–20. <https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020/>. (In Russ).
18. Nelson R. R., Uinter U. Dzh. (2002). Evolutionary theory of economic change. Moscow: Delo. 536 p. (In Russ).
19. Skufina T. P., Mitroshina M. N. (2020). Transformation of the Socio-Economic Space of the Russian Arctic in the Context of Geopolitics, Macroeconomics, and Internal Factors of Development. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. No. 41: 87–112. (In Russ).
20. Modern problems of spatial development. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the memory and 75th anniversary of the birth of Academician A.G. Granberg. (2011). Moscow: Polygraph-Plus. 623 p. (In Russ).
21. Buhr, W. (2003). What is Infrastructure? *Fakul'tet ekonomiki, Shkola ekonomicheskikh distsiplin, Zigerskiy universitet*. [Department of Economics, School of Economic Disciplines, University of Siegen]. Siegen Discussion Paper No. 107-03: 32.
22. Gramlich, E. (1994). Infrastructure Investment: A Review Essay *Zhurnal ekonomicheskoy literatury* [Journal of Economic Literature]. Vol. 32(3): 1176–1196.
23. Jochimsen, R. (1966). Theorie der Infrastruktur: Grundlagen der marktwirtschaftlichen Entwicklung. Tübingen, J.C.B. Mohr. 253 p.

Статья поступила в редакцию 23.08.2023; одобрена после рецензирования 31.08.2023; принята к публикации 01.09.2023.

The article was submitted 23.08.2023; approved after reviewing 31.08.2023; accepted for publication 01.09.2023.

Информация об авторе

Б. Х. Краснопольский – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

B. K. Krasnopol'skiy – Doctor of Economics, Professor, chief scientist, the Economic Research Institute FEB RAS.

Научная статья
УДК 338.24(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-32-46

Пространственное развитие Дальневосточного макрорегиона: роль городов

Елена Борисовна Веприкова¹, Александра Анатольевна Кисленок²

^{1,2} Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования», Хабаровск, Россия

¹ e.veprikova@vostokgosplan.ru

² a.kislenok@vostokgosplan.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы пространственного развития Дальневосточного макрорегиона в контексте Стратегии пространственного развития Российской Федерации, в рамках которой особая роль отведена городам. Для определения их влияния на близлежащие территории и макрорегион в целом проведена сравнительная оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. Несмотря на то, что города вносят существенный вклад в экономику регионов, они имеют ограниченное влияние на соседние территории. Для выявления причин слабого распространения агломерационных эффектов проведен анализ пространственного расположения городов, их вклада в экономику региона и сделаны соответствующие выводы. Кроме того, описаны возможные результаты проводимой государственной политики, направленной на центры роста. Приведены возможные направления принятия управленческих решений и их последствий для пространственного развития Дальневосточного макрорегиона.

Ключевые слова: пространственное развитие, города, факторы «первой» и «второй» природы, центры роста, агломерационный эффект, социально-экономическое развитие, муниципальные образования

Для цитирования: Веприкова Е. Б., Кисленок А. А. Пространственное развитие Дальневосточного макрорегиона: роль городов // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 32–46. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-32-46>

Spatial development of the Far-Eastern macro-region: the role of cities

Elena B. Veprikova¹, Aleksandra A. Kislenok²

^{1,2} The Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center», Khabarovsk, Russia

¹ e.veprikova@vostokgosplan.ru

² a.kislenok@vostokgosplan.ru

Abstract. The article deals with the issues of the Far-Eastern macro-region spatial development in the context of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation, within which a special role is assigned to the cities. To determine their impact on the nearby territories and the macro-region development level, a comparative assessment of the socio-economic development of municipalities of subjects of the Russian Federation that are part of the Far Eastern Federal District was carried out. Despite the fact that cities make a significant contribution to the regional economy, they have a limited impact on neighboring territories. To identify the reasons for the

weak spread of agglomeration effects, an analysis of the city's spatial location, their contribution to the regional economy was made, and the corresponding conclusions were drawn. Assessment of possible results of the ongoing state policy aimed at the growth centers is given. Possible directions for making managerial decisions and their consequences for the spatial development of the Far-Eastern macro-region are given.

Keywords: *spatial development, cities, factors of the «first» and «second» nature, growth centers, agglomeration effect, socio-economic development, municipalities*

For citation: Veprikova E. B., Kislenok A. A. Spatial development of the Far-Eastern macro-region: the role of cities // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 32–46. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-32-46>

Введение

Управление пространственным развитием территории (страны, макрорегиона, региона) является сложной задачей как для практической реализации, так и для научного осмысления. Прежде всего, это связано с высоким межрегиональным неравенством и внутрирегиональными различиями по уровню социально-экономического развития.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации декларирует сокращение межрегиональной дифференциации как важнейшую задачу управления пространственным развитием. В то же время в документе прослеживается ориентир на опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом, и на перспективные центры экономического роста, к которым относятся крупные города и ресурсные центры. При этом отмечается их недостаточное количество для обеспечения ускорения экономического роста.

То, что города являются драйверами социально-экономического развития более крупных территориальных систем (регион, макрорегион, страна), доказано научными исследованиями. Однако интенсивный экономический рост и улучшение социальной среды в городах не всегда позволяют сократить диспропорции пространственного развития. Еще в 1970 году Ч. Харрис отмечал, что «в России роль больших городов велика, только сеть редкая, что усиливает поляризацию пространственной организации» [Harris, 1970]. Данное утверждение еще в большей степени проявляется в Дальнево-

сточном макрорегионе, где нет ни одного города-миллионника, и только в двух административных центрах численность населения превышает 500 тыс. человек.

Поэтому вопрос, связанный с определением степени и характера влияния городов на пространственное развитие Дальневосточного макрорегиона, остаётся открытым.

Целью настоящего исследования является определение роли городов в пространственном развитии Дальневосточного макрорегиона. Также предполагается провести сравнительную оценку уровня социально-экономического развития локальных территорий субъектов РФ в составе Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО).

Обзор литературы

В научных работах, посвященных анализу основных направлений экономических исследований в части территориального развития и неоднородности экономического пространства, отмечается, что категория «пространство» упоминается еще в трудах мыслителей классического периода. А. Смита и Д. Риккардо многие исследователи в области региональной экономики и экономической географии считают основателями науки о пространственной организации хозяйства [Наумов и др., 2020; Иванов, Ложко, 2015; Минакир, Демьяненко, 2010, 2011]. Именно они развивали теории международного обмена, в основе которых были наблюдения различий факторов производства в разных точках экономического пространства.

Существенный вклад в формирование и развитие учений о размещении производств внесли немецкие исследователи.

И. Тюнен, В. Лаунхарт, А. Вебер разработали теорию штандорта сельского хозяйства и промышленного производства, обосновали систему факторов размещения. Классическое учение о штандортах дополнила теория «центральных мест» В. Кристаллера, обосновавшего тезис об иерархической структуре экономического пространства. Эта теория рассматривает факторы, способствующие грамотному расселению на отдельно взятой территории. По мнению автора, экономический центр, помимо своих собственных потребностей, удовлетворяет потребности окружающих его территорий.

Дальнейшее развитие данного направления связано с исследованиями А. Леша. Новизна его подходов связана с обобщением теории размещения населения на территории и производства, переходом от уровня предприятий к уровню регионов, дополнением новых факторов размещения.

Следующий этап исследований направлен на изучение центропериферийных отношений и кумулятивного роста, которые рассматриваются в работах Г. Мюрдаля, П. Потье, Ф. Перру, Т. Хегер-странда, Дж. Фридмана и др.

Особого внимания заслуживают исследования П. Кругмана, который представил объяснение перемещения факторов производства в модели «ядро – периферия» [Krugman, 1991]. Кроме того, Кругман выделил факторы, формирующие преимущества или барьеры пространственного развития: «первой природы» – не зависят от деятельности человека (природные ресурсы, географическое положение) и «второй природы», т. е. производные от человеческой деятельности (агломерационный эффект, человеческий капитал, институциональная среда) [Krugman, 1993].

Большинство исследователей опирается на данную классификацию при обосновании неоднородности экономического пространства. Концентрация конкурентных преимуществ в одних точках определяет высокий потенциал для роста, в свою очередь отсутствие каких-либо преимуществ у других территорий приводит к их отставанию по уровню социально-экономического раз-

вития. Это во многом объясняет неоднородность пространства и существенную дифференциацию между странами, регионами и локальными территориями.

В отечественной науке изучению пространственного развития посвящены фундаментальные работы советских экономистов – Н. Н. Баранского, В. С. Немчинова, А. Е. Пробста, Р. И. Шнипера, М. К. Бандмана. Данные исследования преимущественно концентрировались на осуществлении экономического районирования, определении принципов и закономерностей размещения производительных сил, разработке методов планирования и регулирования территориального развития.

В постсоветском периоде вопросами пространственного развития занимались известные ученые-регионалисты: А. Г. Гранберг, О. С. Пчелинцев, Е. М. Бухвальд, С. А. Суспицын, Е. А. Коломак, П. А. Минакир и др.

Диспропорции пространственного развития отечественными учеными активно изучались в 1990-х и начале 2000-х гг. В данных исследованиях существенное внимание уделялось проблемным или депрессивным территориям [Корсунский, Леонов, 1999; Куперштох, 1996; Лексин, 2001 и др.], затем фокус публикационной активности сместился в сторону изучения вопросов неравенства между регионами, центром и периферией, а также муниципалитетами [Зубаревич, 2013; Зубаревич, 2019; Казанцева, 2019; Коломак, 2010 и др.].

В данном контексте особый интерес вызывают исследования о влиянии городов на пространственное развитие стран и регионов. Изучению роли городов посвящены работы Т. Г. Нефедовой, Н. В. Зубаревич, А. Н. Швецова, О. В. Кузнецовой, Г. М. Лаппо, П. А. Лавриненко и др. В фокусе внимания ученых находятся мегаполисы и моногорода, агломерационные эффекты и процессы урбанизации, неравенство городов, проблемы административных центров и вице-столиц регионов и др.

Однако, на наш взгляд, можно отметить сравнительно малую степень изученности вопроса о влиянии городов на

территориальное развитие регионов и макрорегионов. Нерешенными остаются проблемы, связанные с определением городов, которые действительно могут быть точками роста, и определением границ их влияния.

Для ответа на эти вопросы проведем сравнительную оценку уровня социально-экономического развития муниципальных образований субъектов РФ в составе ДФО.

Данные и методы

Информационной базой исследования стали база данных показателей муниципальных образований, отчетность ФНС России, данные органов исполнительной власти дальневосточных регионов и справочно-аналитической системы «СПАРК-Интерфакс».

Сравнительная оценка 215 муниципалитетов проводилась в 2021–2022 гг. на основе данных 2019 и 2020 гг. (в динамике за периоды 2015–2019 гг., 2016–2020 гг.)¹.

В качестве методической основы для оценки использован ранее разработанный подход, в основе которого лежит выявление признаков депрессивности локальных территорий [Веприкова, Кисленок, Гулидов, 2022]. Методика оценки предполагает расчёт интегральных индексов на основе сформированной системы показателей по каждому из трёх направлений: «состояние экономики», «экономическая динамика» и «условия для сохранения человеческого потенциала».

Полученные результаты и обсуждение

Полученные результаты позволили сгруппировать муниципальные образования дальневосточных регионов в три группы: территории-лидеры (з – зелёная зона), территории догоняющего развития (ж – желтая зона) и территории-аутсайдеры (к – красная зона) (табл. 1)

По результатам сплошной оценки, из трёх оцениваемых направлений наименьшее количество муниципалитетов-лидеров развития выявлено по направлению «состояние экономики» (18 терри-

торий – в 2020 г., 17 – в 2019 г.). В разрезе регионов самая большая доля зелёной зоны приходится на Магаданскую область (33,3%). Максимальное абсолютное их количество в Республике Саха (Якутия) – 6 территорий.

Наиболее благоприятная картина отмечается по экономической динамике. По результатам оценки 2019 г. позитивные изменения фиксировались в 53 % муниципалитетов. В 2020 г. число муниципальных образований с отрицательной динамикой увеличилось, что во многом объясняется влиянием ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции. Тем не менее положительная динамика фиксируется более чем у 48% муниципалитетов. По итогам 2020 г. наибольшая доля территорий с благоприятной динамикой отмечается в Хабаровском крае (68,4%), а с отрицательной динамикой – в Еврейской автономной области (66,7%).

По направлению «условия для сохранения человеческого потенциала» результаты сравнительной оценки 2020 г. хуже, чем по данным 2019 г.: доля территорий, находящихся в красной зоне, увеличилась на 9,3% и составила 68,4%. Особенно остро данная проблема стоит для Амурской области и Еврейской автономной области, где ни один муниципалитет не отнесён к группе лидеров, а также для Республики Бурятия и Забайкальского края, где доля территорий-аутсайдеров составляет более 90%.

Сопоставление результатов по трём направлениям оценки, в соответствии с используемым подходом [Веприкова, Кисленок, Гулидов, 2022], позволяет провести группировку муниципальных образований по уровню социально-экономического развития и отнести их к лидерам, территориям догоняющего развития или аутсайдерам (рис. 1).

В большинстве регионов преобладают муниципальные образования красной зоны. При этом в 2020 г. в сравнении с данными 2019 г. количество отстающих

¹ Более актуальные данные не использовались по причине отсутствия значений отдельных показателей в базах данных Росстата на момент проведения исследования. Не охвачены исследованием муниципальные образования Чукотского автономного округа по причине неполноты статистических данных

Таблица 1

**Группировка муниципальных образований
дальневосточных регионов**

Регион	Состояние экономики				Экономическая динамика				Условия для сохранения человеческого потенциала				
	2019		2020		2015-2019		2016-2020		2019		2020		
	кол-во	% к числу МО	кол-во	% к числу МО	кол-во	% к числу МО	кол-во	% к числу МО	кол-во	% к числу МО	кол-во	% к числу МО	
Республика Бурятия	З	0	0,0	0	0,0	11	47,8	14	60,9	1	4,3	1	4,3
	Ж	4	17,4	5	21,7	3	13,0	3	13,0	3	13,0	1	4,3
	К	19	82,6	18	78,3	9	39,2	6	26,1	19	82,6	21	91,4
Республика Саха (Якутия)	З	6	17,1	6	17,1	17	48,6	17	48,6	7	20,0	5	14,3
	Ж	13	37,1	18	51,4	4	11,4	4	11,4	18	51,4	10	28,6
	К	16	45,7	11	31,4	14	40,0	14	40,0	10	28,6	20	57,1
Забайкальский край	З	0	0,0	0	0,0	13	40,6	14	43,8	1	3,1	1	3,1
	Ж	2	6,3	2	6,3	7	21,9	2	6,3	5	15,6	2	6,3
	К	30	93,7	30	93,8	12	37,5	16	50,0	26	81,3	29	90,6
Камчатский край	З	2	16,7	2	16,7	9	75,0	5	41,7	4	33,3	5	41,7
	Ж	6	50,0	8	66,7	1	8,3	1	8,3	3	25,0	3	25,0
	К	4	33,3	2	16,7	2	16,7	6	50,0	5	41,7	4	33,3
Приморский край	З	2	6,1	2	6,1	23	69,7	17	51,5	1	3,0	1	3,0
	Ж	9	27,3	14	42,4	4	12,1	8	24,2	8	24,2	4	12,1
	К	22	66,6	17	51,5	6	18,2	8	24,2	24	72,7	28	84,8
Хабаровский край	З	1	5,3	1	5,3	9	47,4	13	68,4	1	5,3	1	5,3
	Ж	4	21,1	9	47,4	2	10,5	1	5,3	3	15,8	2	10,5
	К	14	73,7	9	47,4	8	42,1	5	26,3	15	78,9	16	84,2
Амурская область	З	2	7,1	2	7,1	19	67,9	11	39,3	1	3,5	0	0,0
	Ж	4	14,3	5	17,9	2	7,1	1	3,6	5	17,9	6	21,4
	К	22	78,6	21	75,0	7	25,0	16	57,1	22	78,6	22	78,6
Магаданская область	З	2	22,2	3	33,3	3	33,3	6	66,7	2	22,2	2	22,2
	Ж	5	55,6	4	44,4	3	33,3	2	22,2	5	55,6	5	55,6
	К	2	22,2	2	22,2	3	33,3	1	11,1	2	22,2	2	22,2
Сахалинская область	З	2	11,1	2	11,1	8	44,4	5	27,8	2	11,1	4	22,2
	Ж	12	66,7	13	72,2	1	5,6	3	16,7	15	83,3	14	77,8
	К	4	22,2	3	16,7	9	50,0	10	55,6	1	5,6	0	0,0
Еврейская автономная область	З	0	0,0	0	0,0	2	33,3	2	33,3	0	0,0	0	0,0
	Ж	1	16,7	1	16,7	1	16,7	0	0,0	3	50,0	1	16,7
	К	5	83,3	5	83,3	3	50,0	4	66,7	3	50,0	5	83,3
Всего по ДФО	З	17	7,9	18	8,4	114	53,0	104	48,4	20	9,3	20	9,3
	Ж	60	27,9	79	36,7	28	13,0	25	11,6	68	31,6	48	22,3
	К	138	64,2	118	54,9	73	34,0	86	40,0	127	59,1	147	68,4

Условные обозначения: МО – муниципальное образование

З территория-лидер; Ж территория «догоняющего развития»; К территория-аутсайдер.

Источник: расчеты авторов.

территорий увеличилось в 5 регионах, сократилось – в 4-х регионах и в одном – осталось неизменным (Камчатский край). Следует отметить, что перемещение из одной группы в другую в рамках одного региона касается 1–2 муниципа-

литетов. Исключение составляет Хабаровский край, где число отстающих муниципальных образований сократилось на 5 единиц за счёт перехода их в группу территорий догоняющего развития.

Количество муниципалитетов-лидеров

Рис. 1. Распределение муниципальных образований по группам территорий в 2019 г. и 2020 г.

социально-экономического развития осталось прежним в 8 из 10 оцениваемых регионов. Изменения произошли в Магаданской области (+1 ед.) и Приморском крае (-1 ед.), при этом общее число лидеров развития в макрорегионе осталось прежним (17 муниципалитетов). В эту группу вошло большинство административных центров регионов² и муниципальных образований со значительными запасами высокомаржинальных минерально-сырьевых ресурсов и/или имеющих доступ к водно-биологическим ресурсам Дальневосточного промышленного бассейна. Данные территории, как правило, демонстрируют более высокие удельные инвестиции, доходы бизнеса и населения. В группу лидеров не вошли муниципалитеты Забайкальского края и Еврейской автономной области, что свидетельствует о сравнительно низком уровне социально-экономического развития в данных регионах (табл. 2).

Состав муниципальных образований, являющихся ресурсными центрами, меняется, что связано со значительной зависимостью от конъюнктурных изменений, инвестиционными фазами и жизненным циклом месторождений. Это подтверждает, что в настоящее время

факторы «первой природы» для развития территорий имеют меньшее значение в сравнении с факторами «второй природы». Они могут обеспечить лишь экономический рост, ограниченный во времени, а этого зачастую недостаточно для территориального развития.

Относительно стабильным является положение административных центров регионов, в которых в наибольшей степени сконцентрирован человеческий капитал, формируются экономические и социальные отношения. Это, на наш взгляд, является вполне логичным, так как способность относительно крупных городов притягивать человеческий капитал и удерживать его является основным фактором развития. Однако далеко не все города макрорегиона обладают такими свойствами, что подтверждается результатами оценки, в соответствии с которыми к лидерам отнесено лишь 7 из них. Крупные города являются более привлекательными для проживания, экономика и социальная сфера в них более разнообразны, выше потенциал дальнейшего роста и шире агломерационное влияние на прилегающие неурбанизированные территории. Большинство отечественных исследователей к агломерациям относят

² Кроме г. Читы, г. Биробиджана и г. Южно-Сахалинска. При этом Южно-Сахалинск имеет высокое значение интегральных показателей по направлениям «состояние экономики» и «условия для сохранения человеческого капитала», но имеет отрицательную экономическую динамику, что не позволило ему занять место среди лидеров развития.

Таблица 2

Лидеры социально-экономического развития Дальневосточного макрорегиона по результатам оценки 2019 г. и 2020 г.

Регион	Лидеры по результатам оценки		Специализация экономики
	2019 г.	2020 г.	
Республика Бурятия	ГО «Город Улан-Удэ»	ГО «Город Улан-Удэ»	Городская экономика
Республика (Саха) Якутия	ГО г. Якутск (с ГО «Жатай»)	ГО г. Якутск (с ГО «Жатай»)	Городская экономика
	Алданский МР	Алданский МР	Добыча МСР (золото)
	Ленский МР	Ленский МР	Добыча МСР (алмазы, нефть и газ)
	Нерюнгринский МР	Нерюнгринский МР	Добыча МСР (золото, уголь)
	Усть-Майский МР	–	Добыча МСР (золото)
	–	Оймяконский МР	Добыча МСР (золото)
Камчатский край	Петропавловск-Камчатский ГО	Петропавловск-Камчатский ГО	Городская экономика, морской порт
	Соболевский МР	Соболевский МР	Добыча и переработка ВБР, добыча газа
	Усть-Большерецкий МР	Усть-Большерецкий МР	Добыча и переработка ВБР
	Карагинский МР	Карагинский МР	Добыча и переработка ВБР
Приморский край	Владивостокский ГО	Владивостокский ГО	Городская экономика, морской порт
	Находкинский ГО	–	Городская экономика, морской порт
Хабаровский край	ГО г. Хабаровск	ГО г. Хабаровск	Городская экономика
Амурская область	ГО г. Благовещенск	ГО г. Благовещенск	Городская экономика
Магаданская область	ГО г. Магадан	ГО г. Магадан	Городская экономика, сервисный центр
	Тенькинский ГО	Тенькинский ГО	Добыча МСР (золото)
	–	Хасынский ГО	Добыча МСР (золото)
Сахалинская область	Ногликский ГО	–	Добыча углеводородов
	–	Южно-Курильский ГО	Добыча ВБР

ГО – городской округ, МР – муниципальный район

Источник: составлено и рассчитано авторами.

города с численностью населения от 250 тыс. человек [Волчкова, Минаев, 2014]. Но большие шансы для развития имеют города с численностью населения свыше 500 тыс. человек [Гурович, 2020].

В Дальневосточном федеральном округе, по данным Росстата, находится 82 города³, из которых крупными (более 500 тыс. чел. населения) являются г. Ха-

баровск⁴ и г. Владивосток⁵.

Критериям агломерации по численности населения среди административных центров дальневосточных регионов по состоянию на 01 января 2023 г. соответствуют еще три города – г. Улан-Удэ (436,1 тыс. чел.), г. Якутск (361,2 тыс. чел.) и г. Чита (333,7 тыс. чел.)⁶.

Экономические выгоды от concentra-

³ Из них более половины (44 ед.) с численностью населения от 10 до 50 тыс. человек.

⁴ Численность населения на 01.01.2023 – 617,2 тыс. чел. По данным Росстата URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2023.xlsx (дата обращения: 15.03.2023)

⁵ Численность населения на 01.01.2023 – 597,2 тыс. чел. По данным Росстата URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2023.xlsx (дата обращения: 15.03.2023)

⁶ При этом г. Чита по результатам сравнительной оценки муниципальных образований дальневосточных регионов не вошел в число лидеров, в значительной степени уступая по интегральным показателям административным центрам с существенно меньшей численностью населения (г. Магадан, г. Южно-Сахалинск, г. Благовещенск)

ции населения в столицах Приморского и Хабаровского краев не ограничиваются административными границами города и оказывают влияние на прилегающие территории, которое угасает по мере удаления от него. Прилегающие территории выступают по отношению к городу периферией, экономически зависящей от роста города. Роль периферии – быть ресурсным донором центров роста, получая в обмен широкий ассортимент товаров и услуг для своих жителей и спрос для локализованных производств. Кроме того, города генерируют и распространяют инновации, повышающие уровень жизни и качество институтов в формате догоняющего развития. Такой взаимобмен и формирует агломерацию.

Кроме того, по мнению учёных, агломерационные эффекты могут быть реализованы и в городах с меньшей численностью населения. Например, исследователи Института географии РАН отмечают, что «существование развитых городских агломераций с людностью ядра менее 250 тыс. вполне вероятно» [Лаппо, Полян, Селиванова, 2007], а авторы унифицированной методики агломерации делят по типам, выделяя крупногородские (более 250 тыс. человек) и большого-родские (от 100 до 250 тыс. человек) [Полян, Заславский, Наймарк, 1988].

Следовательно, к данной категории городов могут быть отнесены административные центры Камчатского края, Амурской и Сахалинской областей. Кроме того, крупными по масштабам ДФО и имеющими важное значение для своих регионов являются также города Комсомольска-на-Амуре (236,2 тыс. чел.) в Хабаровском крае; Артем (108,7 тыс. чел.), Уссурийск (179,9 тыс. чел.) и Находка (136,1 тыс. чел.) в Приморском крае.

Однако степень проявления агломерационных эффектов этих городов разная, в том числе и в силу объективных причин. Например, в Хабаровском крае расстояние между столицей и вторым по численности населения городом Комсомольском-на-Амуре достаточно большое (400 км). В непосредствен-

ной близости г. Комсомольска-на-Амуре крупные населенные пункты отсутствуют. Это является одной из причин того, что даже, имея статус «города президентского внимания», он не получил должного импульса к развитию, в результате чего продолжает терять население⁷.

По мнению ученых Института географии РАН, для проявления значительных эффектов в агломерационной зоне должно быть не менее 5 городских населённых пунктов с совокупной численностью жителей городов-спутников не менее 50 тыс. человек. С этой точки зрения, наиболее благоприятные условия сложились в Приморском крае, так как в непосредственной близости (в пределах двухчасовой изохроны) от региональной столицы находятся три относительно больших города, суммарно в которых проживает более 350 тыс. человек. Кроме того, расширение границ агломерации возможно также за счет г. Большой Камень (116 км до г. Владивостока), г. Арсеньева (154 км до г. Уссурийска).

В настоящее время более половины населения региона сконцентрировано в административных центрах и крупных городах в четырёх регионах (рис. 2). Столицы этих регионов, по итогам сравнительной оценки муниципальных образований, относятся к лидерам социально-экономического развития.

Два из четырёх субъектов РФ относятся к территориям Крайнего Севера – Магаданская область и Камчатский край, где большая часть населения проживает в административных центрах. Главным образом, это объясняется регистрацией в них бизнеса, связанного с добычей высокомаржинальных полезных ископаемых и водно-биологических ресурсов. В двух других регионах преимущественное влияние оказывают факторы «второй природы», обеспечивающие развитие городской экономики и распространение агломерационного эффекта.

Центры концентрации населения преимущественно обеспечивают преобладающий вклад в экономику региона (табл. 3).

В большинстве регионов вклад круп-

⁷ Численность населения по данным Росстата сократилась с 263,9 тыс. чел. (на конец 2010 г.) до 236,2 тыс. человек (на конец 2022 г.).

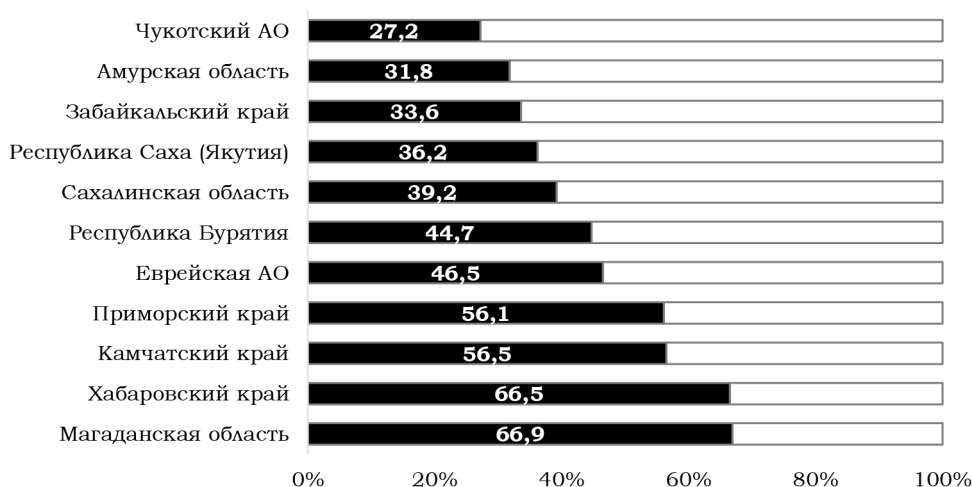

Рис. 2. Доля населения региона, проживающего в административном центре и крупных городах региона (на 1 января 2023 г.)

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата (Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_MO_2023.xlsx)

Таблица 3

Вклад административных центров и крупных городов в экономику региона в 2021 г., %*

Административный центр	Среднегодовая численность работников организаций	Инвестиции в основной капитал	Основные фонды организаций	Оборот розничной торговли
г. Улан-Удэ	53,2	63,4	54,3	61,6
г. Якутск	23,4	11,5	20,8	59,5
г. Чита	38,7	45,2	55,8	63,5
г. Петропавловск-Камчатский	56,1	68,8	78,7	87,0
г. Владивосток	42,4	48,0	66,2	78,5
г. Хабаровск	54,8	55,5	76,4	70,5
г. Благовещенск	28,4	11,6	25,1	67,3
г. Магадан	51,3	28,0	63,4	90,0
г. Южно-Сахалинск	51,3	33,5	92,5	74,7
г. Биробиджан	56,0	57,9	78,5	98,9
г. Анадырь	34,5	63,7	53,2	53,0
г. Комсомольск-на-Амуре	18,1	2,4	6,1	19,5
г. Артем	4,8	2,0	2,4	6,7
г. Уссурийск	8,6	2,4	2,3	3,8
г. Находка	8,2	8,6	9,7	7,3

*Без учёта субъектов малого предпринимательства

Источник: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 15.02.2023)

ных городов по всем представленным в таблице параметрам превышает 50 %. Крупные города обеспечивают занятость

населения, приток инвестиций, в них сосредоточена большая часть основных производственных фондов. Относитель-

но меньший вклад в экономику региона административных центров и крупных городов отмечается в менее урбанизированных территориях, где крупные инвестиционные проекты реализуются за их пределами (Амурская область, Республика Саха (Якутия)). В этих регионах самая низкая доля инвестиций приходится на административный центр. Незначительный объем инвестиций отмечается во втором по численности городе Хабаровского края – Комсомольске-на-Амуре – 2,4 % краевых инвестиций в основной капитал при доле занятых в 18,1%. Это может свидетельствовать о недостаточности мер по развитию этих городов или отсутствию условий для инвестирования.

Таким образом, города вносят значительный вклад в развитие Дальневосточного макрорегиона. Главным образом это обеспечивается за счет факторов «второй природы», в том числе распространения агломерационных эффектов. Однако, действие агломераций ограничено, так как эффект ослабевает при значительном удалении от города. Поэтому при малом количестве крупных городов или их значительном удалении друг от друга эффект агломерации оказывается недостаточным для поддержания взаимобмена урбанизированных и неурбанизированных территорий и возникают области локальной депрессивности – территории, не получающие положительных эффектов от обмена ресурсами с городами, но, возможно, поставляющие им свои ресурсы.

Для понимания влияния городов-центров роста и минерально-сырьевых центров на периферийные территории приведем картографическое представление результатов сравнительной оценки муниципальных образований дальневосточных регионов (табл. 1), где в цветовой индикации представлены лидеры (зеленая зона), территории догоняющего развития (желтая зона), аутсайдеры (красная зона) (рис. 3).

Анализ пространственного расположения муниципальных образований, имеющих разный уровень социально-экономического развития, позволил выявить несколько закономерностей:

1) в большинстве случаев администра-

тивные центры соседствуют с муниципальными образованиями желтой и/или зеленой зон (за исключением городского округа г. Биробиджан, городского округа г. Улан-Удэ, г. Чита), что соответствует модели «центр периферийных отношений», где города выступают внешними драйверами развития – агломерационный эффект,

2) муниципалитеты-лидеры (зеленая зона), как правило, располагаются рядом с территориями желтой или зеленой зоны, что свидетельствует о проявлении эффекта «диффузии»,

3) основная часть муниципальных образований красной зоны на территории регионов примыкают друг к другу и формируют территориально связанные зоны депрессивности, при этом можно заметить выход за административные границы регионов – территориальную близость муниципальных образований красной зоны с отстающими муниципалитетами соседних регионов.

Большая красная зона расположилась в центральной и северо-восточной части Республики Саха (Якутия). Практически единым массивом красных муниципалитетов объединена южная зона макрорегиона: Республика Бурятия, Забайкальский край, северные и юго-восточные территории Амурской области, Еврейской автономной области, Хабаровский и Приморский края. Наиболее проблемными регионами являются Республика Бурятия и Забайкальский край, где преобладают муниципалитеты красной зоны.

Картографирование результатов сравнительной оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований дальневосточных регионов наглядно продемонстрировало, что имеющееся количество относительно крупных городов и сырьевых центров не способно в достаточной степени обеспечить развитие макрорегиона за счёт проявления агломерационных эффектов и эффектов диффузии, сократить отставание периферийных территорий и тем самым сократить диспропорции территориального развития. Главным образом этому препятствуют сложившаяся структура расселения, большие расстояния между центрами роста и огромная территория.

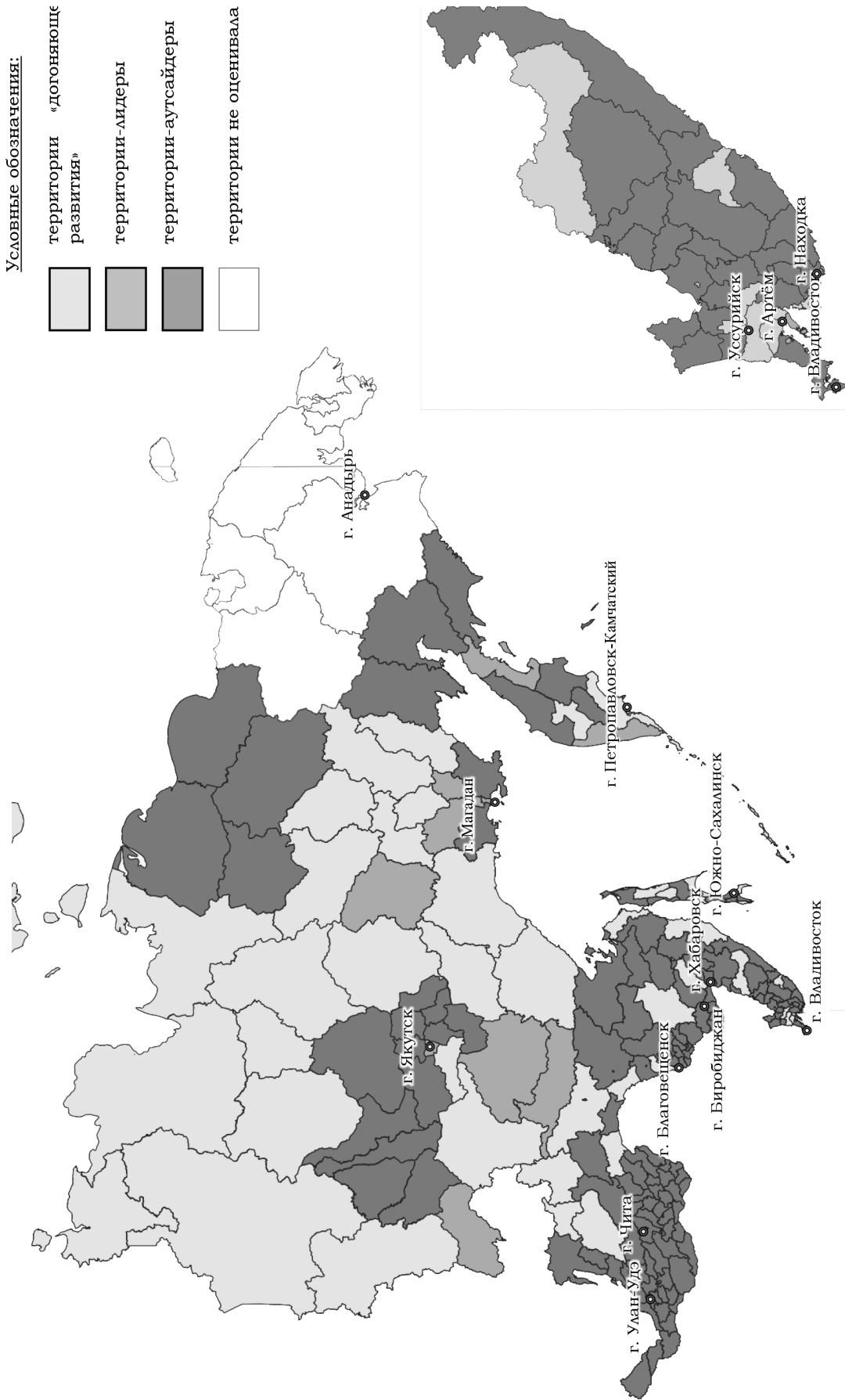

Рис. 3. Картографическое представление группировки муниципальных образований по результатам сравнительной оценки уровня социально-экономического развития (2020 г.)

Заключение

В настоящее время государственная политика ориентирована на стимулирование развития центров роста, которыми преимущественно являются города.

Формирование вне городов центров экономического роста возможно только при наличии исключительно выгодных факторов «первой природы»⁸. На таких территориях могут создаваться специализированные центры роста, которые будут развиваться, пока существует высокий спрос на продукцию их специализации. Для таких территорий высоки риски утраты селитебности после использования последних значимых ресурсов. В неопределенном будущем для этих территорий возможен новый цикл освоения при изменении ситуации в экономике, демографии или геополитике.

Главным вопросом здесь являются пределы централизации, так как конкурентные преимущества всегда различны, и центры роста обладают ими в разной степени; после стягивания ресурсов периферии процесс концентрации продолжится за счет самих центров роста. Это уже происходит, так как малые города не могут конкурировать с более крупными, а те, в свою очередь, проигрывают мегаполисам. Этот процесс не ограничивается административными границами, так как все города конкурируют между собой за основной ресурс – качественный человеческий капитал.

Возникает вопрос, что делать системе управления в этой ситуации? В теории возможны 3 варианта:

- 1) реализовывать инерционный сценарий развития;
- 2) проводить политику регулирования, выравнивая за счет государственных инструментов ситуацию с пространственным развитием;
- 3) поддерживать «естественные» процессы, чем ускорить их действия.

У каждого из вариантов есть положительные и отрицательные эффекты. Абсолютизация процессов конкуренции на

основе факторов роста в среднесрочной перспективе означает нарастающее пространственное неравенство, а в перспективе – пространственное сжатие с утратой освоенности и порождением комплекса новых проблем, которые запустят обратный процесс – децентрализацию и новое освоение.

Деятельность в отношении территорий экономической периферии носит фрагментарный характер (отдельные мероприятия или проекты, например, по поддержке малых городов или по устойчивому развитию сельских территорий) и в основном предусматривает поддержку социальной инфраструктуры. То есть это своего рода «паллиативная помощь», не способная «вдохнуть жизнь» в депрессивные территории.

При этом не учитываются все последствия такого развития, например:

эти территории в настоящее время являются освоенными – на них проживают люди, связанные с этой землей поколениями предков, образом жизни и т. д., и они не покинут свой дом одномоментно, процесс урбанизации растянется во времени на десятки или сотни лет с нарастающим снижением численности населения. А при снижении численности населения повышаются затраты со стороны государства на поддержание жизнедеятельности оставшегося населения, при истощающихся источниках их покрытия;

снижение уровня освоенности означает безвозвратные потери ресурсов, затраченных на освоение данных территорий в прошлом (человеческих жизней, денег, времени и сил);

повышаются инфраструктурные затраты и риски на преодоление «пустых территорий»;

для приграничных территорий возрастают издержки на поддержание функционирования государственной границы и сохранения суверенитета своей территории.

Несмотря на множественность субъек-

⁸ Доступность высокомаржинальных природных ресурсов (минерально-сырьевых или биологических); эксклюзивные природные объекты, привлекательные для туристов; точки пересечения транспортных путей, например, морские порты, пункты пропуска на сухопутной государственной границе, узловые центры транспортной инфраструктуры.

тов управления и различие условий их деятельности, можно отметить преобладающую ориентацию этих решений на вовлечение в экономический рост факторов «первой природы» через использование геоэкономических преимуществ (в основном транзитных) и природных ресурсов. Данные программы не предусматривают значительных изменений институциональной среды, слабо ориентированы на использование агломерационных эффектов, они хотя и содержат меры, влияющие на человеческий капитал, но без их увязки с развитием территорий.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации декларирует сокращение уровня межрегиональной дифференциации как важнейшую задачу управления пространственным развитием. Однако в большинстве стратегических документов преобладает подход стимулирования развития центров экономического роста с концентрацией в них финансовых и трудовых ресурсов, что означает централизацию ресурсов за счет их вытягивания из «экономической периферии», которая вследствие этого

утрачивает итак ограниченные возможности для роста, становясь депрессивной территорией. Обратное влияние возможно за счет агломерационного эффекта или диффузии экономического роста.

Возможности «центров роста» распространять эффект развития на экономическую периферию через «эффект диффузии» ограничены. Локальные эффекты роста при отсутствии позитивных изменений в остальных территориях могут существенно снижать общую эффективность из-за нарастания диспропорций и возрастания рисков формирования депрессивных зон. Наличие депрессивных территорий в рамках одной территориальной системы снижает общую результативность государственной политики, так как позитивные изменения в развитии одних территорий нивелируются негативными процессами в других. В связи с этим при выборе приоритетов государственной политики важно оценивать ее потенциальные эффекты как для «центров роста», так и для территорий отстающего развития с высокими рисками депрессивности.

Список источников:

1. Веприкова Е. Б., Кисленок А. А., Гулидов Р. В. Методика оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона на основе выявления признаков локальной депрессивности // *Власть и управление на Востоке России*. 2022. № 3 (100). С. 71–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86>
2. Волчкова И. В., Минаев Н. В. Теория и практика управления развитием агломераций: монография. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та. 2014. – 234 с.
3. Гурович А. М. Роль городов и агломераций в пространственной организации Российской Федерации // *Журнал прикладных исследований*. 2020. №1. С. 36–40.
4. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. С. 16–17.
5. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 57–70.
6. Иванов С. А., Ложко В. В. О пространственном подходе в теории региональной экономики // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономка и менеджмент»*. 2015. Т. 9. № 1. С. 18–25.
7. Казанцева Е. Г. Проблемы регионального неравенства в России // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2019. № 2 (58). URL: <https://eee-region.ru/article/5804/> (дата обращения: 10.09.2022).
8. Коломак Е. А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // *Вопросы экономики*. 2013. № 2. С. 132–150.
9. Корсунский Б. А., Леонов С. Н. Депрессивный район в переходной экономике // *Рос. акад. наук. Дальневост. отд-ние. Ин-т экон. исслед.* Владивосток: Дальнаука, 1999. – 176 с.
10. Куперштох В. А., Соколов В. М., Суспицын С. А., Ягольницер М. А. Методические

основы выделения депрессивных и отсталых регионов // Регион: Экономика и социология. 1996. № 2. С. 3–33.

11. Лавриненко П. А., Михайлова Т. Н., Ромашина А. А., Чистяков П. А. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3. С. 50–59.

12. Лаппо Г. М., Полян П. М., Селиванова Т. В. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 45–52.

13. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Общественное развитие: междисциплинарные взаимодействия пространственных проекций // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 124–134. <https://doi.org/10.14530/se.2011.4.124-134>

14. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32. <https://doi.org/10.14530/se.2010.2.006-032>

15. Наумов И. В., Сидельников В. М., Аверина Л. М. Эволюция теорий пространственного развития: принципиальные особенности и современные задачи исследований // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 2. С. 383–398. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.12>

16. Полян П. М., Заславский И. Н., Наймарк Н. И. Проблемы делимитации городских агломераций: сравнение и синтез ведущих методик // Проблемы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах. Свердловск, 1988. С. 26–40.

17. Harris Ch. Cities of the Soviet Union: Studies of their Function, Size, Density and Growth. Chicago: Rand McNally, 1970. – 484 p.

18. Krugman P. R. Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99. № 3. Pp. 483–499. <https://doi.org/10.1086/261763>

19. Krugman P. R. First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location // Journal of Regional Science. 1993. Vol. 33. P. 129–144. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1993.tb00217.x>

References:

1. Veprikova E. B., Kislenok A. A., Gulidov R. V. (2022) Methodology for assessing the level of socio-economic development of municipalities in the region based on identifying signs of local depression *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 3 (100): 71–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86>. (In Russ.)

2. Volchkova I. V., Minaev N. V. (2014) Theory and practice of managing the development of agglomerations: monograph. Tomsk: Publishing house Tom. state architect-builds un-ta. 234 p. (In Russ.)

3. Gurovich A. M. (2020) The role of cities and agglomerations in the spatial organization of the Russian Federation *ZHurnal prikladnyh issledovaniy* [Journal of Applied Research]. No. 1: 36–40. (In Russ.)

4. Zubarevich N. V., Safronov S. G. (2013) Inequality of socio-economic development of regions and cities of Russia in the 2000s: growth or decline? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 2: 16–17. (In Russ.)

5. Zubarevich N. V. (2019) Inequality of regions and large cities of Russia: what changed in the 2010s? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 4: 57–70. (In Russ.)

6. Ivanov S. A., Lozhko V. V. (2015) On the spatial approach in the theory of regional economics *Vestnik YUUrGU. Seriya «Ekonomika i menedzhment»* [Bulletin of the South Ural State University. Series «Housekeeper and management»]. Vol. 9. No. 1: 18–25. (In Russ.)

7. Kazantseva E. G. (2019) Problems of regional inequality in Russia *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional economy and management: electronic scientific journal]. No. 2 (58). URL: <https://eee-region.ru/article/5804/> (date of access: 09/10/2022). (In Russ.)

8. Kolomak E. A. (2013) Uneven spatial development in Russia: explanations of new economic geography *Voprosy ekonomiki* [Economic Questions]. No. 2: 132–150. (In Russ.)
9. Korsunsky B. L., Leonov S. N. (1999) Depressive area in a transitional economy. Vladivostok: Dalnauka, 176 p. (In Russ.)
10. Kupershtokh V. L., Sokolov V. M., Suspitsyn S. A., Yagolnitser M. A. (1996) Methodological basis for identifying depressed and backward regions *Region: Ekonomika i sociologiya* [Region: Economics and Sociology]. No. 2: 3–33. (In Russ.)
11. Lavrinenko P. A., Mikhailova T. N., Romashina A. A., Chistyakov P. A. (2019) Agglomeration effects as a tool for regional development *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development]. No. 3: 50–59. (In Russ.)
12. Lappo G. M., Polyan P. M., Selivanova T. V. (2007) Agglomerations of Russia in the 21st century *Vestnik Fonda regional'nogo razvitiya Irkutskoj oblasti* [Bulletin of the Irkutsk Region Regional Development Fund]. No. 1: 45–52. (In Russ.)
13. Minakir P. A., Demyanenko A. N. (2011) Social development: interdisciplinary interactions of spatial projections *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics]. No. 4: 124–134. <https://doi.org/10.14530/se.2011.4.124-134> (In Russ.)
14. Minakir P. A., Demyanenko A. N. (2010) Spatial economics: evolution of approaches and methodology *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics]. No. 2: 6–32. <https://doi.org/10.14530/se.2010.2.006-032> (In Russ.)
15. Naumov I. V., Sidelnikov V. M., Averina L. M. (2020) Evolution of theories of spatial development: fundamental features and modern research tasks *ZHurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory]. Vol. 17. No. 2: 383–398. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.12> (In Russ.)
16. Polyan P. M., Zaslavsky I. N., Naimark N. I. (1988) Problems of delimitation of urban agglomerations: comparison and synthesis of leading methods *Problemy territorial'noj organizatsii prostranstva i rasseleniya v urbanizirovannykh rajonakh* [Problems of territorial organization of space and settlement in urbanized areas]. Sverdlovsk, pp. 26–40. (In Russ.)
17. Harris Ch. (1970) Cities of the Soviet Union: Studies of their Function, Size, Density and Growth. Chicago: Rand McNally. 484 p.
18. Krugman P. R. (1991) Increasing Returns and Economic Geography *The Journal of Political Economy* [The Journal of Political Economy]. Vol. 99. No. 3: 483–499. <https://doi.org/10.1086/261763>
19. Krugman P. R. (1993) First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location *Journal of Regional Science* [Journal of Regional Science]. Vol. 33: 129–144. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1993.tb00217.x>

Статья поступила в редакцию 24.07.2023; одобрена после рецензирования 08.08.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 24.07.2023; approved after reviewing 08.08.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Информация об авторах

Е. Б. Веприкова – кандидат экономических наук, начальник научного отдела, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»

А. А. Кисленок – кандидат экономических наук, руководитель научных проектов, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»

Information about the authors

E. B. Veprikova – Candidate of Economics, Head of the Research Department, the Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center»

A. A. Kislenok – Candidate of Economics, Project Team Leader, the Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center»

Научная статья

УДК 314.18(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-47-61

Демографические процессы в системе расселения северных районов Дальнего Востока (на материалах Амурской области)

Владимир Николаевич Дьяченко

Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия

dvn48@list.ru

Аннотация. *Происходящие в последние десятилетия на Дальнем Востоке России преобразования сопровождаются значительным по масштабам сокращением численности населения, связанным с миграционным оттоком и превышением уровня смертности над рождаемостью, деградацией сложившейся системы расселения. Особенно сильно эти тенденции проявляются в северных субъектах, а также в северной части краев и областей юга региона. Целью данной работы является оценка изменений в демографических процессах, происходящих в населенных пунктах муниципальных образований Амурской области, приравненных к районам Крайнего Севера, определение происходящих при этом трансформаций в сложившейся системе расселения за период 1989–2023 гг. Анализ особенностей развития демографических процессов в районах, приравненных к Крайнему Северу, с учетом особенностей муниципальных образований и сложившейся в ходе развития хозяйственной деятельности системы населенных пунктов позволяет оценить возможности реализации программных целей и перспективы трансформации системы расселения. Проведена оценка особенностей миграции и естественного движения населения в муниципальных образованиях севера региона, свидетельствующих об убыли населения, деградации его структуры. В работе дана характеристика динамики изменения численности населения в населенных пунктах различной хозяйственной специализации, величины и удаленности от районного центра. Определена роль природно-климатических факторов, особенностей организации производства в добывающих отраслях. Выявлено, что складывающаяся динамика демографических процессов определяется совокупностью факторов, среди которых, помимо природно-климатических условий, существенную роль занимают особенности хозяйственной деятельности, уровень развития комплекса социальной инфраструктуры в поселениях и центрах расселения. Полученные результаты создают информационную основу для дополнения разрабатываемых программ социально-экономического развития муниципальных образований северных территорий определением перспектив преобразований на уровне отдельных населенных пунктов.*

Ключевые слова: *население, демографическая динамика, естественное движение, миграционное движение, расселение, муниципальные районы, населенные пункты, переписи населения, Крайний Север, Дальний Восток России*

Для цитирования: Дьяченко В. Н. Демографические процессы в системе расселения северных районов Дальнего Востока (на материалах Амурской области) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 47–61. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-47-61>

Demographic processes in the settlement system of the northern regions of the Far East (based on materials from the Amur Region)

Vladimir N. Dyachenko

The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
dvn48@list.ru

Abstract. Transformations taking place in the Russian Far East in the recent decades have been accompanied by a significant reduction in the population associated with the migration outflow and excess of the mortality rate over the birth rate, degradation of the existing settlement system. These trends are especially strong in the northern regions, as well as in the northern part of the territories and regions of the south of the region. The purpose of this work is to assess changes in demographic processes occurring in the settlements of municipalities of the Amur region, equated to the regions of the Far North, to determine the transformations taking place in the current settlement system for the period of 1989–2023. Analysis of the features of development of demographic processes in areas equated to the Far North, taking into account the characteristics of municipalities and the system of settlements that has developed during the development of economic activity, allows us to assess the possibilities of implementing program goals and prospects for the transformation of the settlement system. Assessment of the features of migration and natural movement of population in the municipalities of the north of the region, indicate decline of the population, degradation of its structure. The paper describes the dynamics of population change in settlements of various economic specialization, size and distance from the district center. The role of natural and climatic factors, the peculiarities of the organization of production in the extractive industries is determined. It is revealed that the emerging dynamics of demographic processes is determined by a combination of factors, among which. In addition to natural and climatic conditions, a significant role is played by the peculiarities of economic activity, the level of development of the complex of social infrastructure in settlements and settlement centers. Obtained results create informational basis for supplementing the developed programs of socio-economic development of municipalities of the northern territories with the definition of prospects for transformations at the level of individual settlements.

Keywords: population, demographic dynamics, natural movement, migration movement, settlement, municipal districts, settlements, population censuses, the Far North, the Far East of Russia

For citation: Dyachenko V. N. Demographic processes in the settlement system of the northern regions of the Far East (based on materials from the Amur Region) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 47–61. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-47-61>

Введение

Среди задач социально-экономического развития Дальнего Востока одно из важнейших мест занимает улучшение демографической ситуации. На снижение естественной убыли и оттока населения, улучшение условий жизни, преодоление сложившихся негативных тенденций в системе расселения направлен широкий спектр мер, определенных в госу-

дарственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» и Национальных проектах. Несмотря на масштабные инвестиции, реализацию крупных экономических проектов, стимулирование рождаемости и меры, направленные на снижение смертности, переломить негативные тенденции не удается [Минакир, Исаев, Найден, 2022].

Разнообразие природно-климатических условий, хозяйственной специализации, уровня освоенности территории, плотности расселения, инфраструктурной обустроенности обуславливают значительную дифференциацию в социально-экономическом развитии территориальных образований региона разного уровня, требующую дополнения общих управленческих подходов выработкой и использованием специальных механизмов, обеспечивающих устойчивость развития, преодоление дискриминации по территориальному принципу.

На решение этих задач направлен комплекс программ, разрабатываемых на региональном и муниципальном уровнях. Основу их эффективности составляет полнота представлений об особенностях социально-экономического развития, включая эволюцию системы расселения, складывающиеся тенденции в демографических процессах.

Особую важность научная оценка особенностей развития приобретает при выработке инструментария регулирования процессов на территории Севера, где специфика сложившейся ситуации и перспектив дальнейшего освоения существенно ограничивают возможности использования подходов, сформированных для плотно заселенных территорий с высоким уровнем устойчивости системы расселения.

Дополнительные сложности по программированию развития северных территорий вносят сложившиеся ограничения использования опыта, накопленного в период, предшествующий современным радикальным экономическим реформам.

Многочисленные хозяйственные проекты, реализуемые крупными ресурсными корпорациями, привносят в практику освоения новые формы кадрового обеспечения с широким использованием вахтового метода ведения работ, не предусматривающих заселение территории, развитие системы расселения. В результате формируется новая территориальная структура процесса освоения, требующая пересмотра стратегий развития.

Материалы и методы

Проводимый анализ практики про-

граммирования в регионах ресурсных территорий свидетельствует, что в абсолютном большинстве территориальная специфика конкретных мест освоения не учитывается, пространство рассматривается лишь как вместительный ресурс; собственные свойства местного пространства, территории не принимаются во внимание [Замятина, Пилясов, 2018].

Сохранение в регионе процесса сокращения численности населения, сопровождающегося деградацией системы расселения, во многом связано с ограничениями в практике программирования макроуровнем без должного учета дифференциации, складывающейся на уровне муниципальных образований, населенных пунктов и их групп, формируемых в ходе развития хозяйственной деятельности. [Фаузер, Смирнов, Фаузер, 2023].

В проводимых в последние годы исследованиях делаются попытки анализа демографической ситуации, складывающейся на муниципальном уровне [Симагин, 2018].

Оценивая возможности совершенствования государственного регулирования, как представляется, необходимо более полно учитывать особенности развития складывающихся территориальных локалитетов, включая уровень отдельных населенных пунктов. Соответственно, в проводимых исследованиях концентрировалось внимание не на выявлении общих закономерностей, а на оценке специфических черт, требующих учета при разработке мер государственного регулирования.

Характеристика демографической ситуации и сети расселения в Амурской области

Процесс освоения региона на территории современной Амурской области складывался под определяющим влиянием природно-климатических условий. До начала русской колонизации ввиду отсутствия пастбищных угодий, пригодных для кочевого оленеводства, север области оставался практически незаселенным.

Для развития сельскохозяйственного производства в наибольшей мере располагала расположенная на юге региона Зейско-Буреинская равнина, поэтому

здесь началось формирование сети сельскохозяйственных поселений.

Создание небольших промышленных производств осуществлялось на севере, локализуясь вдоль небольших речек, выносящих золото из разрушенных пород. Для обеспечения их деятельности стали создаваться рабочие поселки, период существования которых определялся исчерпанием ресурсной базы.

Строительство Транссиба обусловило формирование линейной сети расселения, состоящей первоначально из поселений-станций.

Развитие сети расселения строилось за счет движения аграрных форм хозяйствования с юга на север, а промышленного производства – с севера на юг, в ходе чего осуществлялось промышленно-городское освоение [Дьяченко, 2015].

К современному периоду для региона характерно сочетание обжитых и заселенных районов с незаселенными и необжитыми пространствами. Разреженность сети расселения, дисперсность населенных пунктов дополняются преобладанием среди них мелких и средних по численности населения [Дьяченко, Бурлаев, 2017].

В составе Амурской области по состоянию на 1 января 2023 г. находились 8 городов областного подчинения, 2 города районного подчинения, 15 поселков го-

родского типа, 602 сельских населенных пункта. На протяжении последних десятилетий устойчивой тенденцией развития Амурской области является сокращение численности населения (табл. 1).

За период с 1989 г. по 2022 г. снижение числа жителей составило 26,2%. Наиболее интенсивно сокращение численности населения региона произошло в период с 1989 г. по 2010 г., когда численность населения уменьшилась на 20,6%. В дальнейшем темпы сокращения снизились, но при этом общая тенденция не изменилась. Отрицательная динамика сложилась за счет оттока населения и естественной убыли. В соответствии с итогами Всероссийской переписи населения 2020 г., на 1 января 2023 г. численность населения области составила 756,2 тыс. человек, из которых 68,4% постоянно проживали в городах, 31,6% являлись сельскими жителями (табл. 2).

Отрицательное сальдо складывалось как за счет миграционного оттока, так и за счет естественной убыли, превышения числа умерших над числом родившихся.

В системе расселения и размещения населения сложились существенные территориальные различия. Более высокая заселенность южной зоны региона, где плотность населения по муниципальным образованиям в 2021 г. колебалась от 11,1 чел./кв. км в Благовещенском районе до

Таблица 1

**Изменение численности населения Амурской области
в населенных пунктах с различным административным статусом**

Населенные пункты с различным административным статусом	Изменение численности населения, в процентах				
	2010 г. к 1989 г.	2018 г. к 2010 г.	2022 г. к 2018 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.
областной центр	104,9	105,0	99,9	104,9	110,1
город областного подчинения	75,8	92,8	96,7	89,8	68,0
город районного подчинения	58,5	94,8	91,4	86,6	50,7
райцентр, не имеющий статуса города	82,7	93,1	96,6	89,9	74,4
центр поссовета	82,4	90,4	95,4	86,3	71,1
центр сельсовета	66,4	92,8	94,5	87,7	58,2
периферийный населенный пункт	71,9	97,4	93,9	91,5	65,7
Итого по всем населенным пунктам	79,4	96,2	96,8	93,1	73,8

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

Таблица 2

Основные демографические показатели Амурской области

Показатели	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2022 г. ¹⁾
Численность постоянного населения на конец года – всего, тыс. человек	923,1	828,7	781,8	756,2
городское	615	554	530,4	517,1
сельское	308,1	274,7	251,4	239,1
в общей численности населения, %				
городское	66,6	66,9	67,8	68,4
сельское	33,4	33,1	32,2	31,6
Естественный прирост, убыль (-) населения, человек	-4099	-1261	-4910	-4308
Миграционный прирост, отток (-) населения, человек	-4300	-3681	-3144	-3064

¹⁾ Оценка от окончательных итогов ВПН-2020

Источник: Демографический ежегодник Амурской области. Стат. сб., Амурстат, Благовещенск, 2023, <https://irbis.amursu.ru>

4,3 чел./кв. км в Михайловском районе. На севере региона значительная часть территории муниципальных образований не заселена. Если на юге региона леса уже практически отсутствуют, занимая, например, в Тамбовском районе 0,4% общей площади, то на севере в Селемджинском районе лесистость составляет 76,8%, а плотность населения – 0,2 чел./кв. км. Соответственно различается и густота сети населенных пунктов, составляя на севере региона 0,03 ед./10000 кв. км.

Высокий уровень заселенности сложился и в центральной части региона, где плотность населения несколько ниже, чем на юге, но густота сети населенных пунктов выше и является наиболее высокой по региону в Белогорском муниципальном образовании (1,39 ед./10000 кв.км), где на плотность населения и густоту сети населенных пунктов существенное влияние оказывает обслуживающие железнодорожного транспорта.

Существенно дифференцирована устойчивость населения муниципальных образований. Позитивной динамикой по изменению численности населения выделяются прилегающий к областному центру Благовещенский район, где в 2023 г. численность населения составила 192,6% к уровню 1989 г., а в г. Благовещенске – 118,5%. В то же

время в Зейском районе сохранилось только 28,5% численности населения, а в Селемджинском районе – 36,0%.

Важнейшим фактором пространственной дифференциации являются различия, связанные с особенностями природно-климатических условий, определивших выделение южной, центральной, горно-таежной и северной зон. Динамика изменений численности населения по зонам имеет существенные различия (табл. 3).

Если в среднем по региону численность населения за 1989–2022 гг. сократилась на 26,2%, то в результате перераспределения населения между муниципальными образованиями численность жителей в южной зоне в 2022 г. по сравнению с 1989 г. выросла, составив 103,4%. В северной зоне за этот период потери численности населения составили 50,8%.

Следствием протекающих в регионе миграционных процессов и естественного движения населения явилось последовательное наращивание доли жителей, проживающих в южной зоне, и сокращение в других зонах. Наиболее остро складывается проблема депопуляции в северной зоне, что требует детального рассмотрения этих процессов не только на муниципальном уровне, но и на уровне населенных пунктов.

Таблица 3

**Изменения численности населения в природно-климатических зонах
Амурской области**

Природно-климатические зоны	Изменение численности, в процентах					Доля населения, в процентах			
	2010 г. к 1989 г.	2018 г. к 2010 г.	2022 г. к 2018 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.	1989 г.	2010 г.	2018 г.	2022 г.
	Южная зона	98,4	103,9	99,5	103,4	101,7	30,7	38,1	41,2
Центральная зона	78,0	92,7	95,4	88,4	69,0	36,5	35,9	34,6	34,1
Горно-таежная зона	68,8	90,0	93,0	83,7	57,6	15,3	13,2	12,4	11,9
Северная зона	57,8	89,5	95,0	85,0	49,2	17,5	12,7	11,9	11,6
Итого по всем зонам	79,4	96,2	96,8	93,1	73,8	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

Трансформации в системе расселения северных районов Приамурья

Формирование сети населенных пунктов в Амурской области в северной зоне, муниципальные образования которой приравнены к районам Крайнего Севера, первоначально происходило в ходе развития золотодобывающей промышленности, дополнившись затем организацией лесозаготовок и созданием, благодаря строительству БАМа, транспортных узлов.

Для организации деятельности горнодобывающих предприятий создавались относительно крупные поселки с численностью от 1 до 5 тыс. человек, являющиеся стационарными базовыми центрами приисков, дополняющиеся мелкими населенными пунктами, возникающими в непосредственной близости от месторождений, где велись горные выработки, и прекращающие свое существование в связи с исчерпанием сырьевой базы. Дальнейшие этапы освоения привели к созданию городов и крупных поселков городского типа (далее – пгт.), связанных с развитием регионального топливно-энергетического комплекса, включая строительство и эксплуатацию в г. Зей Зейской ГЭС и строительство и организацию эксплуатации БАМа, центрами которой стали г. Тынды и пгт. Февральск.

Происходивший до 1990 г. прирост населения севера региона сменился на убыль, которая до 1999 г. складывалась только за счет миграционного оттока, а затем дополнилась и естественной убы-

лью населения (табл. 4).

Изменение численности населения в северных районах Амурской области представлено в таблице 5.

Оценка тенденций развития демографических процессов и расселения в северных муниципальных образованиях Амурской области

Среди северных районов области, специализирующихся на добывающей промышленности и лесозаготовках, наиболее длительную историю имеет Селемджинский район, анализ складывающихся процессов в котором в этой связи позволяет сформировать представление о наиболее общих тенденциях освоения и социально-экономического развития территорий с такого рода территориально-хозяйственной специализацией.

Развитие хозяйственной деятельности на территории Селемджинского района связано с открытием многочисленных месторождений россыпного золота, положивших начало золотодобыче старательским способом со второй половины XIX века [Маркова, 2007; Кочегарова, 2000].

Узкая отраслевая специализация в Селемджинском районе определила его экономический и социальный облик. Большая рассредоточенность по территории месторождений, неравномерность залегаемого сырья при сохранении низкой транспортной доступности мест приложения труда обусловили формирование территориально-организационной структуры, в основе которой лежало

Таблица 4

**Динамика показателей естественного движения и миграции
в районах Крайнего Севера Амурской области (на 1000 чел. населения)**

Показатели	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2021 г.	2022 г.	Амурская область 2022 г.
Родившихся	16,7	11,0	9,4	12,0	13,4	8,7	9,4	9,1
Умерших	5,6	10,2	11,7	14,6	14,3	17,9	16,9	14,8
Умерших в возрасте до 1 года (на 1000 родившихся)	18,4	16,7	14,7	15,3	9,5	10,2	7,9	4,4
Естественный прирост, убыль (-)	11,1	0,8	-2,3	-2,6	-0,9	-9,2	-7,5	-5,7
Миграционный прирост, убыль (-)	-7,9	-15,0	-9,7	-1,7	-11,1	-5,9	-15,1	-4,0
Браков	6,4	7,7	6,8	7,7	9,2	7,3	10,3	7,0
Разводов	5,1	6,7	6,4	5,0	6,3	4,9	7,2	5,6

Источник: Амурская область в зеркале демографии: нацпроекты и степень их влияния Записка. Амурстат, Благовещенск, 2023, <https://irbis.amursu.ru>

Таблица 5

**Изменение численности населения в северных районах
Амурской области, в %**

Северные районы	Изменение численности, в процентах					Доля населения, в процентах			
	2010 г. к 1989 г.	2018 г. к 2010 г.	2022 г. к 2018 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.	1989 г.	2010 г.	2018 г.	2022 г.
Зейский	51,1	87,0	87,9	76,4	39,1	18,0	15,9	15,5	14,3
Зея	77,3	93,1	96,3	89,7	69,3	17,7	23,6	24,6	24,9
Селемджинский	58,4	88,2	92,7	81,7	47,7	10,9	11,0	10,8	10,6
Тында	58,3	91,1	98,8	90,1	52,5	34,0	34,3	34,9	36,3
Тындинский	45,2	83,7	92,9	77,7	35,2	19,4	15,2	14,2	13,9
Общий итог	57,8	89,5	95,0	85,0	49,2	100	100	100	100

Рассчитано авторами по источнику: Демографический ежегодник Амурской области. Стат.сб., Амурстат, Благовещенск, 2023, <https://irbis.amursu.ru>

создание небольших производственных подразделений, первоначально размещавшихся в максимальной близости от горных выработок.

В их рамках обеспечивалось проведение относительно замкнутого производственно-технологического цикла, включающего в себя специализированные горно-заготовительные работы, дражную обработку породы и получение золотосодержащих концентратов, рекультивацию отработанного грунта. Последующее же обогащение полученного на других драгах шлихта, требующее применения спе-

циальных технологий, осуществляется уже в условиях стационарных шлихтообогатительных фабрик (участков), располагающихся, как правило, в базовых центрах приисков. Там же сосредотачиваются и службы снабжения, ремонтно-технологические подразделения приисков, управленческие службы.

В соответствии со сложившейся схемой ведения работ развертываются и трудовые коллективы золотодобывающих предприятий. В непосредственной близости от месторождений дислоцируются мобильные производственные подразде-

ления, ведущие горноподготовительные работы и дражную добычу золотоносной породы. Работники этих подразделений постоянно проживают в стационарных поселках, как правило, мелких и средних по своим размерам, расположенных рядом с обрабатываемыми месторождениями. Фактически места их работы и жительства сомкнуты в рамках единой производственно-поселенческой среды, являющейся периферическим элементом общей производственно-поселенческой структуры прииска.

В базовых же центрах (более крупных по своим размерам поселениях) располагаются стационарные производственные подразделения по обогащению золота, ремонтно-технические подразделения, обслуживающие, управленческие и снабженческие службы. Здесь же постоянно проживают и работники этих служб.

Таким образом, трудовые коллективы золотодобывающих предприятий представляют собой устойчивые производственные формирования в регионе освоения. Несмотря на территориальную рассредоточенность производства и отдельных подразделений, общая производственно-поселенческая структура предприятий носит целостный характер. Базовые же центры, несмотря на мобильность периферии, длительное время продолжают играть роль опорных тылов хозяйственной деятельности.

В настоящее время наряду с разработкой месторождений россыпного золота, все большую роль начинает играть добыча рудного золота, с которой связываются дальнейшие перспективы развития отрасли. В 2022 г. добычу золота вели 14 хозяйствующих субъектов. Роль системообразующих предприятий играют ООО «Албынский рудник», ООО «Маломырский рудник» и АО «Хэргу». Кроме золотодобычи в районе 14 организаций занимается развитием заготовки древесины. Добычу каменного угля ведут ООО «Огоджинская угольная компания» и ООО ПО «Росса», в районе получили развитие обрабатывающие производства, представленные переработкой древесины и производством пищевых продуктов.

Данные переписей населения свидетельствуют, что, несмотря на дифференциацию в ситуации, складывающуюся в отдельных видах деятельности, в целом до 1989 г. происходил рост численности населения в Селемджинском районе (табл. 6).

Кризисный период между переписями 1989 г. и 2010 г. ознаменовался масштабным сокращением численности населения муниципального образования, потери которого составили 42,2%. В дальнейшем темпы сокращения снизились, однако в целом в 2022 г. численность жителей муниципального образования составила только 49,5% от имевшегося по итогам

Таблица 6

Изменение численности населения в населенных пунктах с различной хозяйственной специализацией в Селемджинском муниципальном образовании, в %

Населенные пункты с различной хозяйственной специализацией	1979 г. к 1970 г.	1989 г. к 1979 г.	2010 г. к 1989 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.
сельскохозяйственный центр	414,0	31,4	80,7	85,7	69,2
золотодобыча	88,1	87,4	49,2	79,2	38,9
лесная промышленность	91,4	84,9	62,3	59,7	37,2
промышленный центр	84,7	95,5	49,0	75,4	37,0
транспортный центр	86,7	817,9	58,6	84,5	49,5
другое	107,9	114,4	65,9	77,9	51,3
Итого по всем населенным пунктам	110,6	153,6	57,8	81,7	47,2

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

переписи 1989 г. Наиболее значительное сокращение числа жителей произошло в населенных пунктах, в которых сосредоточены основные для района виды хозяйственной деятельности – золотодобыча (38,9%) и лесная промышленность (37,2%). По данным Амурстата сокращение численности населения в последние десятилетия (с 2000 г. по 2022 г.) происходило под влиянием как миграционного оттока, так и естественного движения населения. Главную роль при этом играла миграция. Так, в 2000 г. миграционный прирост (отток) населения на 1000 населения составил -24,7, а естественный прирост (убыль) на 1000 населения сложился в размере -1,3. В 2020 г. соотношение этих показателей сложилось как -17,1 и -6,3.

Сравнение изменений в численности населения отдельных населенных пунктов свидетельствует о значительных масштабах дифференциации. В наибольшей мере численность населения сохранилась в с. Ивановское (77,5%) и с. Февральское (61,5%). При этом в пгт. Токур численность населения составила только 31,1%, а в с. Селемджинск – 30,4% от имевшихся в 1989 г. жителей.

Важным итогом происходящих трансформаций явилось измельчание населенных пунктов. Средняя людность населенных пунктов сократилась с 1425,3 чел. в 1989 г., до 679,1 в 2022 г. Столь значительные изменения в сети расселения приводят к ухудшению условий жизни, деградации социальной инфраструктуры и усложнению населению доступа к различным услугам.

Оценивая перспективы изменений численности населения района, следует учитывать, что система населенных пунктов имеет корпоративно-ячеечную структуру, ориентированную на обеспечение добычи золота и лесозаготовку, определяющие величину и размещение поселений. Организация добычи рудного золота и ведение сезонных лесозаготовок происходит на основе использования вахтового метода кадрового обеспечения, ориентированного на завоз работников и предполагающего создание временных вахтовых поселений, лишая тем самым перспектив развития сложившейся си-

стемы расселения.

В настоящее время в Тындинском муниципальном образовании (далее – МО) сложилась сеть населенных пунктов, в административно-территориальную структуру которой входит 24 населенных пункта, включенных в 20 сельских муниципальных образований.

За рассматриваемый период (1989–2022 гг.) в Тындинском МО одной из важнейших демографических тенденций явилось существенное сокращение численности населения, при котором потери общей численности населения составили 64,8%.

В динамике изменений численности населения населенных пунктов Тындинского МО за 1989–2022 гг. сложились существенные различия. Показатели устойчивости выше средних значений были в 12 населенных пунктах, ниже средних – в 11 населенных пунктах.

При сокращении численности населения в МО в среднем до 35,2%, в п. Соловьевск (75,0%) и с. Усть-Нюкжа (76,0%) потери численности составили менее 20%. В то же время в поселках Чильчи (11,4%) и Ларба (16,7%) за 1989–2022 гг. сохранилось менее 20% жителей, а с. Янкан и п. Лапри превратились в однодворки. Важно отметить, что существенное сокращение численности произошло в населенных пунктах с численностью населения, превышающей в 1989 г. 1500 человек (п. Ларба – 2113 чел., п. Чильчи – 1661 чел.). При этом происходило измельчание сети населенных пунктов. При средней численности в 1989 г., составившей 1543,6 чел., в 2010 г. численность уменьшилась до 698,5 чел. и до 543,0 чел. в 2022 г. (табл. 7).

Важнейшая роль в формировании системы расселения Тындинского района и изменениях в демографических процессах принадлежит развитию хозяйственной деятельности. Создание населенных пунктов связано с развитием хозяйственной деятельности, в ходе которой в районе сформировался многоотраслевой комплекс, включающий в себя золотодобычу, лесную и деревообрабатывающую промышленность и железнодорожный транспорт. Изменение численности насе-

ления в населенных пунктах с различной хозяйственной специализацией Тындинского МО представлено в таблице 8.

Сокращение числа жителей произошло в населенных пунктах всех видов хозяйственной деятельности. Особенно значительными они были в населенных пунктах транспортной специализации, где сохранилось в 2022 г. только 27% от числа жителей на 1989 г.

Возникновение значительной части населенных пунктов Тындинского МО связано со строительством БАМа, в ходе которого было построено 15 новых поселков. Рост численности населения в период строительства, после его завершения сменился миграционным оттоком его участников. В настоящее время продолжается выполнение комплекса работ по модернизации всего Восточного полигона железных дорог России, в том числе

и на территории района.

Сеть автомобильных дорог общего пользования не позволяет обеспечить круглогодичное транспортное сообщение между населенными пунктами. Только 10% населенных пунктов района имеет автобусное сообщение. В местностях с ограниченным завозом грузов проживает 833 чел. или 6,2%.

Развитие золотодобычи определяется деятельностью АО «Прииск Соловьёвский», четыре из шести добывающих карьеров которого расположены в Тындинском районе. Наряду с традиционно развивающейся добычей россыпного золота прииском и ООО «Березитовый рудник» начата добыча рудного золота, открывающего перспективы успешного развития на длительный временной период. Перспективы развития золотодобычи связаны также с разведкой Бамского золоторудного место-

Таблица 7

**Средняя людность населенных пунктов Тындинского МО
с различной хозяйственной специализацией, чел.**

Населенные пункты с различной хозяйственной специализацией	1989 г.	2010 г.	2022 г.
сельскохозяйственный центр	605	437,5	393,8
другое	245	5	6
золотодобыча	1660,3	1343,7	1112,3
транспортный центр	1966,6	719,7	531,2
центр промышленности и транспорта	325,0	203,0	135,0
Всего	1543,6	698,5	543,0

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

Таблица 8

Изменение численности населения в населенных пунктах с различной хозяйственной специализацией Тындинского МО

Населенные пункты с различной хозяйственной специализацией	Изменение численности населения, в %					Доля населения, в %			
	2010 г.	2018 г.	2022 г.	2022 г.	2022 г.	1989 г.	2010 г.	2018 г.	2022 г.
	к 1989 г.	к 2010 г.	к 2018 г.	к 2010 г.	к 1989 г.				
сельскохозяйственный центр	72,3	91,5	98,3	90,0	65,1	6,8	10,9	11,9	12,6
другое	2,0	120	100	120	2,4	0,7	0,0	0,0	0,0
золотодобыча	80,9	88,3	93,7	82,8	67,0	14,0	25,1	26,5	26,7
транспортный центр	36,6	80,6	91,5	73,8	27,0	77,5	62,7	60,4	59,5
центр промышленности и транспорта	62,5	75,9	87,7	66,5	41,5	0,9	1,3	1,1	1,1
Общий итог	45,2	83,7	92,9	77,7	35,2	100,0	100	100	100

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

рождения, осуществляемой золотодобывающей компанией «Полюс Золото».

Лесопромышленный комплекс Тындинского района представлен основными предприятиями АО «Туранлес», ДОЗ «Восточный» и ООО «Тугаул Лес». В п. Восточный введен в эксплуатацию деревообрабатывающий завод.

Существенным фактором ослабления усилий хозяйствующих субъектов по повышению устойчивости местного населения явилось все более широкое распространение использования вахтового метода ведения работ. Численность работников, занятых в экономике района, в 2018 г. составила 9 631 чел. или 98% от численности работников 2017 г. Количество работников, привлекаемых предприятиями из других регионов для работы на территории района, составляет 2900 чел. или 30% от численности работников, занятых в экономике района.

К числу северных муниципальных образований Амурской области относится г. Тында, который создавался на базе рабочего поселка с численность населения по итогам переписи 1970 г. 3422 чел. в связи с началом в 1974 г. строительства Байкало-Амурской магистрали.

Высокую значимость города как транспортно-логистического центра определило его положение на пересечении БАМа с железнодорожной веткой выхода на Транссибирскую магистраль и федеральной автомобильной трассой А360 «Лена», обеспечивающей связь Амурской области и Республики Саха (Якутия). В рамках сложившейся на севере региона линейно-очаговой структуры системы расселения г. Тында служит важнейшим опорным центром.

Формируясь первоначально как центр дислокации строительных организаций, город уже к переписи 1979 г. насчитывал 42,6 тыс. чел. постоянного населения, а в 1989 г. – 62,2 тыс. чел. В дальнейшем происходило существенное сокращение численности населения. Уже к 2022 г. население города составило по сравнению с 1989 г. 64,4%, к 2010 году – 58,3%, а к 2022 году – 52,5%.

Динамика естественного прироста населения с 2010 г. характеризуется сни-

жением уровня рождаемости. С 2013 г. происходит естественная убыль населения, дополняющая сокращение численности населения города, происходящее за счет миграции. Основную часть миграционного оттока составляла межрегиональная миграция. Жители города переезжали на постоянное место жительства за пределы Амурской области. Во многом это определяется тем, что подавляющая часть участников строительства БАМа изначально не рассматривала себя как переселенцев и планировала отъезд по завершении строительства.

Численность работников, занятых в экономике города на 1 января 2023 г. – 18388 чел., из которых на крупные и средние организации приходится 14052 чел. или 76,4%. Текущие и перспективные потребности в трудовых ресурсах, связанные с действующими производственными объектами и инвестиционными проектами, будут покрываться как за счет местного населения, так и завоза квалифицированных кадров с юга области и территорий за ее пределами [Белевских, Беляев 2016].

В перспективе Тында рассматривается как стратегически важный транспортный узел, обеспечивающий железнодорожные и логистические связи межрегионального и международного значения. Важную роль город будет продолжать играть как центр Тындинского муниципального округа.

Зейский район является крупнейшим по территории в Амурской области и составляет 87,5 тыс. кв. км или 24% территории. При этом район является малозаселенным. Густота сети населенных пунктов составляет 0,03 ед./10000 кв. км.

В Зейском муниципальном образовании 31 сельский населенный пункт объединен в 20 сельских муниципальных образований. Систему расселения района отличает высокий уровень дисперсности и низкой территориальной доступности. На расстоянии до 30 км от районного центра находится 4 населенных пункта (далее – НП), от 30 до 50 км – 6 НП, от 50 до 70 км – 5 НП. На расстоянии более 100 км от районного центра расположено 13 НП, среди которых посёлок Бомнак – 227

км, поселок Огорон – 260 км, поселок Тунгала – 385 км. Семь сел относится к труднодоступным. Сообщение между северными поселками (Береговой, Горный, Октябрьский, Хвойный, Бомнак) – авиационное. Между южными поселками сообщение – автомобильное. В одном из северных сел района проживают коренные малочисленные народы Севера – эвенки.

За 1989–2022 гг. потери численности населения района составили 60,9%. Особенно значительными они были в период между переписями 1989–2010 гг., когда потери численности населения составили 48,9%. В дальнейшем темпы снижения численности уменьшались, но общая тенденция сохранялась.

Формирование негативных тенденций происходит за счет оттока населения и естественной убыли. Число прибывающих в район мигрантов существенно меньше числа выбывающих, число умерших превышает число родившихся. Важным результатом демографических трансформаций явился рост доли населения старше трудоспособного возраста. Если в 2020 г. удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения составлял 15,2%, то в 2020 г. – 23,4%. В результате происходящего измельчания сети расселения Зейского района средняя численность населения, составлявшая в 1989 г. 1062,8 чел., сократилась более чем вдвое и составила в 2022 г. 415,3 чел.

Одним из наиболее значимых проявлений внутрорегиональных различий в развитии демографических процессов является низкая представительность средних по региону показателей. Так, при том, что в целом по району за 1989–2022 гг. сохранилось 39,1% населения, только в одном НП показатели были в пределах пяти процентных значений ниже средней, еще в 3 НП различия не превышали 10% ниже средней, в 5 НП различия ниже среднего значения колебались в пределах от 10% до 20%, еще в 5 НП – от 20% до 30% ниже среднего, в п. Ясный потери численности населения были более 30%. Село Алексеевка, где в 1989 г. проживало 9 чел., к 2022 г. осталось без населения. Наиболее значитель-

ными были потери численности населения в менее крупных НП. В 14 НП значения были выше среднего, при этом в двух НП – селе Заречная слобода (80,4%) и селе Сосновый Бор (92,3%) сохранилось более 80% численности населения.

Оценивая причины сложившейся дифференциации устойчивости численности населения НП Зейского района, автором была проверена гипотеза влияния особенностей хозяйственной специализации. При этом в качестве типов были выделены населенные пункты, связанные с золотодобычей, лесной промышленностью, транспортом и сельским хозяйством (табл. 9).

Среди выделенных типов наименьшие потери численности населения в 1989–2022 гг. в НП сельскохозяйственной специализации. В транспортных центрах существенное сокращение численности происходило только в 1989–2010 гг., что было связано с окончанием строительства БАМа. В дальнейшем устойчивость численности населения сохранялась на высоком уровне.

Значительно меньшей была устойчивость численности населения в НП, связанных с лесной промышленностью и золотодобычей. Выделенные типы хозяйственной специализации, как и величина НП, хотя и показали себя существенным дифференцирующим фактором, не являются достаточным для оценки складывающейся неравномерности. Так, в 2020 г. в районе работало 26 золотодобывающих предприятий, и в целом результаты по добыче золота свидетельствовали о позитивных тенденциях развития отрасли. Однако при этом размеры обрабатываемых россыпей, стадии их разработки существенно различались, что предполагает сочетание в районе роста производства на одних месторождениях и его падения, и свертывания работ на других. Как следствие, при потерях численности населения в НП, связанных с золотодобычей, составивших за 1989–2022 гг. 68,8%, в двух НП они составили только 36,1% и 42,3%, тогда как в двух других НП, потери численности населения составили 90,3% и 92,0% (табл. 10).

Таблица 9

Изменение численности населения Зейского муниципального образования в населенных пунктах с различной хозяйственной специализацией, %

Населенные пункты с различной хозяйственной специализацией	2010 г. к 1989 г.	2018 г. к 2010 г.	2022 г. к 2018 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.
золотодобыча	45,8	80,0	85,2	68,2	31,2
лесная промышленность	43,1	82,2	83,5	68,6	29,6
транспортный центр	34,7	91,5	90,5	82,9	28,7
сельскохозяйственный центр	71,6	87,5	86,8	76,0	54,4
центр промышленности и транспорта	63,6	87,7	93,0	81,5	51,8
центр промышленности и сельского хозяйства	69,0	91,5	90,3	82,6	57,0
сельскохозяйственный центр	71,6	87,5	86,8	76,0	54,4
Всего по населенным пунктам	51,1	87,0	87,9	76,4	39,1

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

Таблица 10

Изменение численности населения Зейского муниципального образования в отдельных населенных пунктах, связанных с золотодобычей, %

Населенный пункт Зейского района	2010 г. к 1989 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.
посёлок Тунгала	63,7	100,4	63,9
посёлок Бомнак	67,8	85,2	57,7
село Умлекан	55,2	79,1	43,7
посёлок Береговой	55,9	70,1	39,1
посёлок Огорон	46,9	70,1	32,9
Поселок Октябрьский	41,5	68,4	28,3
село Золотая Гора	23,6	44,2	10,5
посёлок Кировский	20,0	48,6	9,7
посёлок Ясный	17,2	46,7	8,0
Всего по населенным пунктам	49,4	74,0	36,5

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

Тем самым можно констатировать, что уровень персонификации демографического развития НП очень высок и при определении перспектив каждый НП должен учитываться индивидуально.

Заключение

Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что демографические процессы, происходящие в муниципальных образованиях, приравненных к районам Крайнего Севера, во многом определяются тяжестью природно-климатических условий, снижающих их привлекательность как мест постоянного проживания.

Следствием этого является разреженность сети расселения, удаленность создаваемых населенных пунктов от региональных центров обслуживания населения, низкая транспортная доступность, ограниченность возможностей обеспечения продовольственной безопасности.

Формирование сети поселений, величина и продолжительность существования населенных пунктов, их хозяйственная специализация определяющим образом зависят от сырьевой базы, носящей поселкообразующий характер.

Ограничения в развитии комплекса

социальной инфраструктуры поселений во многих случаях, носящих временный характер, существенно повышают значимость районных центров как центров обслуживания населения, требующих развития в них специальных элементов, ориентированных на предоставление услуг населению региональной периферии.

Малая людность районных центров способствует сохранению коммерчески неэффективного пространства, ограничивая перспективы развития объектов

обслуживания, предоставляющих услуги периодического и эпизодического спроса. Преодоление этих ограничений может достигаться только при условии осуществления специальной государственной поддержки.

Альтернативой мерам, направленным на увеличение численности населения территориальных образований, приравненных к районам Крайнего Севера, может служить развитие вахтового метода ведения работ.

Список источников:

1. Белевских Т. В., Беляев Д. П. Рынок труда северных территорий России и северная территориальная премия. Мурманск: Баренц-пресс, 2016. 105 с.
2. Дьяченко В. Н. Современные тенденции трансформации процесса заселения Приамурья // Наука – XXI век. Сборник материалов международной научной конференции. 2015. С. 167–177.
3. Дьяченко В. Н., Бурлаев Е. А. Асимметрия в демографическом развитии муниципальных образований Амурской области // Ученые записки / под ред. д-ра экон. наук О.М. Прокапало. Выпуск 1. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2017. С. 33–48.
4. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5 <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
5. Кочегарова Е. Д. К истории развития золотопромышленности Приамурья (конец XIX – нач. XX вв.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2000. вып. 3. С. 219–225.
6. Маркова Н. А. Золотопромышленное предпринимательство в Приамурье (вторая половина XIX - начало XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 2(56). С. 38–44.
7. Минакир П. А., Исаев А. Г., Найден С. Н. Экономическое развитие и социальная динамика на Дальнем Востоке России: сценарный прогноз // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. С. 23–36. <https://doi.org/10.14530/reg.2022.6.23>
8. Пилясов А. Н., Замятина Н. Ю. Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57
9. Симагин Ю. А. Территориальное распространение сильной депопуляции в России на муниципальном уровне // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 60–69. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-05.
10. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 1. С. 64–79. DOI:10.37614/2220-802X.1.2023.79.004

References:

1. Belevskikh T. V., Belyaev D. P. (2016) The labor market of the northern territories of Russia and the Northern territorial award. Murmansk: Barents Press. 105 p. (In Russ.)
2. D'yachenko V. N. (2015) Modern trends in the transformation of the settlement process of the Amur region. Nauka – XXI century. Collection of materials of the international

scientific conference. Pp. 167–177. (In Russ.)

3. D'yachenko V. N., Burlaev E. A. (2017) Asymmetry in the demographic development of municipalities of the Amur region *Uchenyye zapiski* [Scientific notes]. Issue 1. Khabarovsk: Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pp. 33–48. (In Russ.)

4. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. (2018) A new theory of development (space) of the Arctic and the North: a multi-scale interdisciplinary synthesis. *Arktika i Sever* [Arctic and the North]. No. 31: 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5 (In Russ.)

5. Kochegarova E. D. (2000) On the history of the development of the gold industry of the Amur region (late XIX – early XX centuries.) *Istoricheskiy opyt osvoyeniya Dal'nego Vostoka* [Historical experience of the development of the Far East]. 2000. Issue. 3: 219–225. (In Russ.)

6. Markova N. A. (2007) Gold-mining entrepreneurship in the Amur region (the second half of the XIX – the beginning of the XX century.). *Russia and the Asia-Pacific region* [Rossiya i ATR]. No. 2(56): 38–44. (In Russ.)

7. Minakir P. A., Isaev A. G., Naiden S. N. (2022) Economic development and social dynamics in the Russian Far East: scenario forecast. *Regionalistics* [Regionalistika]. Vol. 9. No. 6: 23–36. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.6.23> (In Russ.)

8. Pilyasov A. N., Zamyatina N. Yu. (2019) The development of the North 2.0: challenges of the formation of a new theory. *Arctic and the North* [Arktika i Sever]. No. 34: 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57 (In Russ.)

9. Simagin Yu. A. (2018) Territorial distribution of strong depopulation in Russia at the municipal level. *Population* [Narodonaselenie]. Vol. 21. No. 1: 60–69. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-05. (In Russ.)

10. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N. (2023) Demographic dynamics and transformation of the settlement system in the North of Russia in the coordinates of the population census of 2021. *The North and the market: the formation of an economic order* [Sever i ryok: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka]. No. 1: 64–79. DOI:10.37614/2220-802X.1.2023.79.004 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.08.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 30.08.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication 07.09.2023.

Информация об авторе

В. Н. Дьяченко – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

V. N. Dyachenko – Candidate of Philosophy, senior researcher, the Economic Research Institute FEB RAS

Научная статья
УДК 331.57(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-62-69

Занятость как показатель устойчивого развития сельских территорий в регионе Дальнего Востока с особым режимом природопользования (на примере Республики Бурятия)

Сембрика Нимаевна Иванова¹, Арнольд Кириллович Тулохонов²

^{1,2} Федеральное государственное бюджетное учреждение науки, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия

¹ sambrika@binm.ru

² aktulohonov@binm.ru

Аннотация. *Статья является продолжением цикла публикаций, посвященных исследованию социальных проблем и противоречий устойчивого развития территорий. Авторы отмечают, что существенные ограничения для развития хозяйственной деятельности, в том числе сельского хозяйства, обусловленные особым режимом природопользования на Байкальской природной территории, в целом сдерживают развитие региональной экономики. В частности, в настоящей статье авторы исследуют влияние экологических ограничений на занятость сельского населения как показателя устойчивого развития сельских территорий. В качестве объекта исследования взяты Баргузинский, Прибайкальский, Кабанский, Северо-Байкальский районы и г. Северобайкальск, в границах которых проходит центральная экологическая зона Байкальской природной территории в Республике Бурятия. В исследовании использованы методы сравнительного анализа и экономико-статистические методы. Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики за 1990–2023 гг. Рассмотрены изменения базовых видов экономической деятельности по доле занятого в них населения. Определены факторы, негативно влияющие на развитие сельского хозяйства и других отраслей агропромышленного комплекса в регионе с экологической регламентацией. Исследования показали, что для развития сельского хозяйства, повышения занятости населения сельских территорий, снижения рисков миграционных потерь необходимы целевые меры повышения доступности транспортных и социальных услуг. Основные выводы и рекомендации могут быть использованы органами власти при разработке программ содействия занятости и социально-экономического развития регионов с особым режимом природопользования.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, сельские территории, природопользование, экологические ограничения, занятость населения*

Благодарность: *исследование выполнено в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН Проект №АААА-А21-121011590039-6 (0273-2021-0003).*

Для цитирования: Иванова С. Н., Тулохонов А. К. Занятость как показатель устойчивого развития сельских территорий в регионе Дальнего Востока с особым режимом природопользования (на примере Республики Бурятия) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 62–69. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-62-69>

Employment as an indicator of sustainable development of rural areas in the Far-Eastern region with a special nature management regime (on the example of Republic of Buryatia)

Sembrika N. Ivanova¹, **Arnold K. Tulokhonov**²

^{1,2} The Baikal Institute of Nature Management, the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

¹ sambrika@binm.ru

² aktulohonov@binm.ru

Abstract. *The article is a continuation of a cycle of publications devoted to the study of social problems and contradictions of sustainable development of the territories. The authors note that significant restrictions on the development of economic activity, including agriculture, due to the special nature management regime in the Baikal natural territory, generally hinder the development of the regional economy. In particular, in this article, the authors explore the impact of environmental restrictions on the employment of the rural population as an indicator of the sustainable development of rural areas. The object of study was the Barguzinsk, Pribaikalsk, Kabansk, Severo-Baikalsk districts and the city of Severobaikalsk, within the boundaries of which the central ecological zone of the Baikal natural territory in the Republic of Buryatia passes. The study used methods of comparative analysis and economic and statistical methods. The information base was the data of the Federal State Statistics Service for 1990–2023. Changes in the basic types of economic activity in terms of the share of the population employed in them are considered. The factors negatively affecting the development of agriculture and other branches of the agro-industrial complex in the region with environmental regulation are determined. Studies have shown that in order to develop agriculture, increase employment in rural areas, and reduce the risk of migration losses, targeted measures are needed to increase the availability of transport and social services. The main conclusions and recommendations can be used by the authorities in development of the programs to promote employment and socio-economic development of the regions.*

Keywords: *sustainable development, rural areas, nature management, environmental restrictions, employment*

Acknowledgments: *the study was carried out within the framework of the state task of the Baikal Institute of Nature Management, SB RAS Project No. AAAA-A21-121011590039-6 (0273-2021-0003).*

For citation: Ivanova S. N., Tulokhonov A. K. Employment as an indicator of sustainable development of rural areas in the Far-Eastern region with a special nature management regime (on the example of Republic of Buryatia) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 62–69. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-62-69>

Введение

Особенность экономического развития Республики Бурятия заключается в том, что практически вся ее территория отнесена к Байкальской природной территории, на которой введен особый ре-

жим природопользования, что означает предъявление повышенных экологических требований как к населенным пунктам, так и к объектам хозяйственной деятельности. Это естественно обуславливает увеличение затрат по жизнеоб-

спечению поселений, значительно усложняет любую хозяйственную деятельность и существенно сдерживает развитие региональной экономики. Устойчивое развитие сельских территорий определяется различными показателями, в числе которых особое место занимают показатели занятости, в том числе в сельском хозяйстве. Сельское хозяйство является отраслью, обеспечивающей продовольственную безопасность страны, роль которого за годы трансформационных процессов в России несколько снизилась: если в 1990 г. его доля в ВВП составляла 16,5%, то в 2021 г. – только 4,2%¹. В качестве объекта исследования были проанализированы г. Северобайкальск и Северо-Байкальский, Баргузинский, Прибайкальский, Кабанский районы, в границах которых проходит центральная экологическая зона Байкальской природной территории в Республике Бурятия (далее – ЦЭЗ БПТ).

Материалы и методы исследования

В исследовании были использованы методы сравнительного анализа и экономико-статистические методы. Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики за 1990–2023 гг.

Особенности рассматриваемых территорий

В исследованиях [Сысоева, Кузнецова, 2019. С. 89–105] отмечается, что конкурентные преимущества соседнего региона – Иркутской области – как раз и создаются в ущерб Бурятии, на которую приходится основная часть экологических ограничений и издержек. Хозяйственная деятельность на территории ЦЭЗ БПТ осуществляется в соответствии с действующей нормативно-правовой базой, в числе которой особую роль выполняют: Водный кодекс РФ², Федеральный закон «Об охра-

не озера Байкал»³ и постановление Правительства РФ № 2399⁴, которое утвердило обширный перечень видов деятельности на рассматриваемой территории.

Как показали исследования [Михеева, Максанова, Абидуева, Бардаханова, 2016. С. 210–217; Михеева, 2017. С. 159–162], преобладание административных запретов и ограничений, правовые коллизии приводят к эколого-экономическим проблемам и ухудшению условий жизнеобеспечения и жизнедеятельности местного населения. Эти обстоятельства обуславливают низкий уровень социальной устойчивости сельских территорий Баргузинского, Прибайкальского, Северо-Байкальского районов [Михеева, Аюшеева, 2013. С. 92–98]. Следующими сдерживающими факторами социально-экономического развития Байкальской природной территории (далее – БПТ) являются транспортная удаленность от регионального и других экономических центров страны, сложность рельефа, убыль населения [Хандажапова, Дагбаева, Аюшеева, Санжеев, Лубсанова, Еремко, 2016. С. 137–143].

Проблемы политики аграрного природопользования на БПТ рассмотрены авторами работ [Тулохонов, Болданов, Дагбаева, 2019. С. 62–69; Ющенко, Вислогузова, 2020. С. 24–32], и следует признать обоснованность их выводов о том, что необходимо привести в соответствие с современными реалиями действующее законодательство об охране озера Байкал и предусмотреть планы экономического и социального развития БПТ. Цели сохранения благоприятной окружающей среды и природного потенциала должны сопровождаться повышением качества жизни проживающего здесь населения.

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VsmOjUs8/tab36.htm>

² Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). URL: <https://base.garant.ru/12147594/> (дата обращения: 06.08.2023).

³ Федеральный закон от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» (с изменениями и дополнениями) [Эл. ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2157025/> (дата обращения: 06.09.2023).

⁴ Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2399 «Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/400167820/> (дата обращения: 06.08.2023).

Результаты исследования и их об- суждение

Динамика структуры населения с 1991 по 2022 гг. показывает увеличение доли населения в возрасте старше трудоспособного (табл. 1). В анализируемых районах Республики Бурятия сократилась доля населения в трудоспособном возрасте, этот показатель меньше, чем в среднем по Республике Бурятия.

Анализ динамики численности населения рассматриваемых муниципальных районов показал, что с 2011 г. население сократилось почти на 20 тысяч человек (13%) (табл. 2). Ситуация с убылью населения в населенных пунктах, расположенных в границах ЦЭЗ БПТ, более удручающая. В границах ЦЭЗ БПТ убыль населения в Баргузинском районе составила

16,0%; Кабанском – 19,3%; Прибайкальском – 16,0%. Введение в 2017 г. запрета на вылов омуля негативно отразилось на численности постоянного населения, поскольку были закрыты рыбооловецкие предприятия, нарушен традиционный уклад жизни местного населения, усилился миграционный отток. С 2011 по 2017 гг. в рассматриваемых районах совокупная убыль населения составила 6848 чел. (4,6%), в период 2017–2023 гг. – 12641 чел. (8,8%). Уровень занятости сельского населения в Республике Бурятия в 2021 г. составил 46,3%, городского – 55,3%.

Данные таблицы 3 демонстрируют уменьшение количества сельскохозяйственных организаций, в районах ЦЭЗ БПТ убывающая динамика более выражена.

Сельское хозяйство является важней-

Таблица 1

Динамика структуры населения по основным возрастным группам в муниципальных районах Республики Бурятия, в %

Территория	Год	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Старше трудоспособного возраста
Республика Бурятия	1991	31,26	55,67	13,07
	2022	24,42	56,54	19,03
г. Северобайкальск	1991	28,72	65,88	5,41
	2022	23,52	55,63	20,85
Баргузинский район	1991	31,32	53,38	15,30
	2022	34,84	48,41	16,75
Кабанский район	1991	28,80	54,56	16,64
	2022	24,49	54,68	20,83
Прибайкальский район	1991	32,03	52,29	15,69
	2022	25,54	53,83	20,63
Северо-Байкальский район	1991	28,74	63,60	7,66
	2022	24,19	56,63	19,18

Источник: рассчитано авторами по данным: Численность и состав населения. Естественное движение населения. Миграция. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/demo>

Таблица 2

Показатели изменения численности постоянного населения

Территория	2011 г.	2017 г.	2023 г.	Прирост/убыль (-), чел			Прирост/убыль (-), %		
				2011-2017	2017-2023	2011-2023	2011-2017	2017-2023	2011-2023
Баргузинский	23521	22294	19820	-1227	-2474	-3701	-5,2	-11,1	-15,7
Кабанский	59780	57094	51105	-2686	-5989	-8675	-4,5	-10,5	-14,5
Прибайкальский	26780	26756	23913	-24	-2843	-2867	-0,1	-10,6	-10,7
Северо-Байкальский	13966	12262	10349	-1704	-1913	-3617	-12,2	-15,6	-25,9
г. Северобайкальск	24880	23673	24431	-1207	758	-449	-4,9	3,2	-1,8
Итого по районам ЦЭЗ БПТ	148927	142079	129618	-6848	-12461	-19309	-4,6	-8,8	-13,0
Республика Бурятия	972175	984134	974628	11959	-9506	2453	1,2	-1,0	0,3

Источник: рассчитано авторами по данным: Численность и состав населения. Естественное движение населения. Миграция. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/demo>

шей отраслью экономики, которая обеспечивает продовольственную безопасность государства. В данной отрасли в нашей стране занято 4490 тыс. человек, в Республике Бурятия – 25,9 тыс. человек.

Рассмотрены изменения базовых видов экономической деятельности по доле занятого в них населения (табл. 4). В структуре занятости населения выраженным трендом последних лет стала смена «промышленности» в качестве ключевого

вида деятельности «торговлей». Теперь в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств и мотоциклов занят каждый пятый работник. Изменения в структуре занятости демонстрируют развитие процессов деиндустриализации и усиление торговых и сервисных сегментов экономики. Вторым из ключевых видов экономической деятельности по доле занятого населения в Республике Бурятия является образование (10,3%).

Таблица 3

Число сельскохозяйственных организаций в районах ЦЭЗ БПТ

Территория	2013 г.	2022 г.	Прирост, убыль (-), %
Республика Бурятия	1036	792	-23,6
Баргузинский район	28	19	-32,1
Кабанский район	55	40	-27,3
Прибайкальский	32	20	-37,5
Северо-Байкальский район	44	38	-13,6
г.Северобайкальск	12	10	-16,7
Итого по районам ЦЭЗ БПТ	171	127	-25,7

Источник: рассчитано авторами по данным статистического ежегодника. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: https://03.rosstat.gov.ru/bur_compendium

Таблица 4

Базовые виды экономической деятельности по доле занятого в них населения в 1995 и 2021 гг.

Территория	Ранжирование видов экономической деятельности в структуре занятости населения	
	1995 г.	2021 г.
Российская Федерация	1. Промышленность (25,8%) 2. Сельское хозяйство (14,7%) 3. Оптовая и розничная торговля, общественное питание (10,1%) 4. Строительство 9,3 5. Образование 9,2 6. Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение (6,7%)	1. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (18,7%) 2. Обрабатывающие производства (14,1%) 3. Строительство (9,2%) 4.Транспортировка и хранение (8%) 5. Образование (7,5%) 6. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (6,35) 7. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (6,3%)
Республика Бурятия	1. Промышленность (21,1%) 2. Сельское хозяйство (15,8%) 3. Образование (12,5%) 4. Оптовая и розничная торговля, общественное питание (10,5%) 5. Строительство (9,1%) 6. Транспорт (7,5%).	1. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (22%) 2. Образование (10,3) 3. Обрабатывающие производства (10%) 4. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (8,1%) 5. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (7,0%) 6. Строительство (6,4%)

Источник: рассчитано авторами по данным: Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Далее идут обрабатывающая промышленность; строительство; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг и сельское хозяйство.

Заметные изменения произошли в отрасли сельского хозяйства. В 1995 г. в этой отрасли в Республике Бурятия было занято 15,8% занятого населения, для сравнения в РФ – 14,7%. В 2021 г. – уже 7,0% в Республике Бурятия (в РФ – 6,3%), и это с учетом того, что в статистических расчетах к данному виду экономической деятельности были присоединены лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство. В 1995 г. сельское хозяйство для Бурятии, как и в целом для России, было вторым из базовых видов экономической деятельности, в 2021 г. – пятым в Бурятии и шестым в РФ.

Уровень занятости сельского населения в Республике Бурятия в 2021 г. составил 46,3%, а городского – 55,3%.

Выводы

За годы масштабного реформирования, охватившего практически все сферы жизни, изменилась социальная структура населения сельских территорий. На сегодняшний день основной сферой деятельности сельского населения стали бюд-

жетные отрасли экономики: образование, здравоохранение, государственное управление. Уровень занятости сельского населения ниже среднероссийского уровня. Для сельских территорий характерны низкая продолжительность жизни и миграционный отток населения [Дагбаева, 2018. С. 40–43; Иванова, 2021. С. 30–34].

К основным факторам, сдерживающим устойчивое развитие сельских территорий на БПТ, помимо уже обозначенных, следует отнести: низкий уровень заработной платы, низкую занятость населения, низкий уровень развития учреждений здравоохранения, социальной сферы (образования, культуры и т. п.), жилищно-коммунального комплекса и других сфер. [Дагбаева, 2019. С. 38–42].

Для повышения уровня занятости населения сельских территорий необходимо принятие мер, направленных на повышение доступности инфраструктурных услуг, включая социальные, транспортные, медицинские, образовательные. Цели сохранения уникальности экологической системы озера Байкал, благоприятной окружающей среды должны сопровождаться с необходимостью повышения качества жизни проживающего здесь населения.

Список источников:

1. Дагбаева С. Д.-Н. Проблемы и противоречия развития социальной сферы в российской и зарубежной практике // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12(56). С. 40–43. DOI 10.24158/spp.2018.12.5.
2. Дагбаева С. Д.-Н. Территориальные проблемы развития социальной инфраструктуры // Фундаментальные исследования. 2019. № 4. С. 38–42. DOI 10.17513/ft.42435
3. Иванова С. Н. Пространственные аспекты развития сельских территорий Северной Азии // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 2(380). С. 30–34. DOI 10.24412/2587-6740-2021-2-30-34.
4. Михеева А. С., Аюшеева С. Н. Исследование социально-экономической устойчивости сельских территорий Республики Бурятия // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 2(41). С. 92–98. – EDN PZDLAZ.
5. Михеева А. С., Максанова Л. Б.-Ж., Абидуева Т. И., Бардаханова Т. Б. Эколого-экономические проблемы и конфликты природопользования в центральной экологической зоне Байкальской природной территории (Республика Бурятия) // География и природные ресурсы. 2016. № S5. С. 210–217. DOI 10.21782/GIPR0206-1619-2016-5(210-217). EDN XQRYOP.
6. Михеева А. С. Экологическое обоснование допустимости размещения объектов хозяйственной деятельности на Байкальской природной территории // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании. Москва: Российский экономический университет имени Г. В.

Плеханова. 2017. С. 159–162. EDN YMTRQV.

7. Сысоева Н. М., Кузнецова А. Н. Байкальская природная территория в новой сетке макрорегионов Сибири // ЭКО. 2019. №5. С. 89–105. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-5-89-105.

8. Тулохонов А. К., Болданов Т. А., Дагбаева С. Д.-Н. О критериях, условиях и рисках в оценке эффективности экономики и политики аграрного природопользования в России // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2019. № 3. С. 62–69. DOI 10.18101/2304-4446-2019-3-62-69. EDN APKUSX.

9. Хандажапова Л. М., Дагбаева С. Д.-Н., Аюшеева С. Н., Санжеев Э. Д., Лубсанова Н. Б., Еремко З. С. Современное использование территории и перспективы социально-экономического развития центральной экологической зоны Байкальской природной территории (Республика Бурятия) // География и природные ресурсы. 2016. № S5. С. 137–143. DOI 10.21782/GIPR0206-1619-2016-5(137-143). EDN XQRYLD.

10. Ющенко М. С., Вислогузова И. В. Правовые особенности сельскохозяйственной деятельности на Байкальской природной территории и перспективы для производства органической продукции // Сельское хозяйство. 2020. № 2. С. 24–32. DOI 10.7256/2453-8809.2020.2.33301. EDN WWTXQ.

References:

1. Dagbaeva S. D.-N. (2018) Problems and contradictions in the development of the social sphere in Russian and foreign practice *Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. No. 12(56): 40–43. DOI 10.24158/spp.2018.12.5 (In Russ.)

2. Dagbaeva S. D.-N. (2019) Territorial problems of social infrastructure development *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental research]. No. 4: 38–42. DOI 10.17513/fr.42435 (In Russ.)

3. Ivanova S. N. (2021) Spatial aspects of the development of rural areas of North Asia *Mezhdunarodnyj selskokhozyajstvennyj zhurnal* [International Agricultural Journal]. No. 2(380): 30–34. DOI 10.24412/2587-6740-2021-2-30-34 (In Russ.)

4. Mikheeva A. S., Ayusheeva S. N. (2013). Study of the socio-economic sustainability of rural areas of the Republic of Buryatia *Vestnik VSGUTU* [Bulletin of the ESGUTU]. No. 2(41): 92–98. (In Russ.)

5. Mikheeva A. S., Maksanova L. B.-Zh., Abidueva T. I., Bardakhanova T. B. (2016) Ecological and economic problems and conflicts of nature management in the central ecological zone of the Baikal natural territory (Republic of Buryatia) *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and natural resources]. No. S5: 210–217. DOI 10.21782/GIPR0206-1619-2016-5(210-217) (In Russ.)

6. Mikheeva A. S. (2017) Ecological substantiation of the admissibility of placing objects of economic activity on the Baikal natural territory. Modern problems of project management in the investment and construction sphere and nature management. Moscow: Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov. Pp. 159–162. (In Russ.)

7. Sysoeva N. M., Kuznetsova A. N. (2019) Baikal natural territory in the new grid of Siberian macroregions *EKO* [ECO]. No. 5: 89–105. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-5-89-105 (In Russ.)

8. Tulokhonov A. K., Boldanov T. A., Dagbaeva S. D.-N. (2019) On criteria, conditions and risks in evaluating the effectiveness of the economy and policy of agrarian nature management in Russia *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment*. [Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management]. No. 3: 62–69. DOI 10.18101/2304-4446-2019-3-62-69 (In Russ.)

9. Khandazhapova L. M., Dagbaeva S. D.-N., Ayusheeva S. N., Sanzheev E. D., Lubsanova N. B., Eremko Z. S. (2016) Modern use of the territory and prospects for socio-economic development of the central ecological zone of the Baikal natural territory (Republic of Buryatia) *Geografiya i prirodnye resursy*. [Geography and natural resources]. No. S5: 137–143. DOI 10.21782/GIPR0206-1619-2016-5(137-143) (In Russ.)

10. Yushchenko M. S., Visloguzova I. V. (2020) Legal features of agricultural activity in the Baikal natural territory and prospects for the production of organic products *Selskoe*

khozyajstvo [Agriculture]. No. 2: 24–32. DOI 10.7256/2453-8809.2020.2.33301 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; одобрена после рецензирования 18.08.2023; принята к публикации 21.08.2023.

The article was submitted 08.08.2023; approved after reviewing 18.08.2023; accepted for publication 21.08.2023.

Информация об авторах

С. Н. Иванова – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУН Байкальский институт природопользования Сибирского отделения Российской академии наук

А. К. Тулохонов – академик РАН, доктор географических наук, профессор, научный руководитель, ФГБУН Байкальский институт природопользования Сибирского отделения Российской академии наук

Information about the authors

S. N. Ivanova – Doctor of Sociology, Associate Professor, senior researcher, the Baikal Institute of Nature Management, the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences

A. K. Tulokhonov – Academician, the Russian Academy of Sciences, Doctor of Geography, Professor, Scientific Supervisor, the Baikal Institute of Nature Management, the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 339.54(470:510)

doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-70-87

Россия и Китай: текущие проблемы торговых взаимодействий и долгосрочные перспективы сближения экономик

Дмитрий Александрович Изотов

Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия
izotov@ecrin.ru

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей и текущих проблем торгово-экономических взаимодействий России и Китая в условиях пандемии COVID-19 и широкомасштабных санкций к российской экономике со стороны западных стран, на основе которого определены перспективы сближения двух экономик. Выявлено, что для 2022 г. большей достоверностью значений российско-китайской торговли характеризовались данные Таможенного комитета КНР. Определена дифференцированная реакция в расходах на транспортировку товаров между странами в период пандемии: инвариантность – из Китая в Россию; увеличение более чем в два раза – из России в Китай. Показано, что пандемия и санкции способствовали наращиванию поставок товаров из Китая на российский рынок, замещая на нем продукцию из западных стран. Выявлено, что главным источником увеличения импорта из России в Китай являлись топливно-энергетические товары в связи с увеличением цен и физических объемов поставок на китайский рынок. Показано, что наряду с существующими эндогенными и экзогенными рисками ориентация на китайский рынок может сгенерировать негативные эффекты от монополии, а также снижение экспортной выручки для российской стороны. Доказывается, что в перспективе возможно ожидать наращивание поставок товаров в Россию компаниями КНР регионального уровня, увеличение значения приграничной торговли, расширение транспортных коридоров, снижение тарифных барьеров, освоение рынка Китая российским бизнесом, а также привлечение китайских инвестиций и интенсификации расчетов в национальных валютах. Показано, что экономики Китая и России функционируют в целом на основе рыночных принципов и тесно включены в глобальную экономику, несмотря на текущие и будущие экзогенные ограничения.

Ключевые слова: экспорт, импорт, зеркальная статистика, COVID-19, санкции, кооперация, Россия, Китай

Для цитирования: Изотов Д. А. Россия и Китай: текущие проблемы торговых взаимодействий и долгосрочные перспективы сближения экономик // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 70–87. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-70-87>

Russia and China: current problems of trade interactions and the long-term prospects for economic cooperation

Dmitriy A. Izotov

The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia
izotov@ecrin.ru

Abstract. *The study is devoted to the analysis of features and current problems of trade and economic interactions between Russia and China during the COVID-19 pandemic and sanctions against the Russian economy. Based on this analysis, the author identified possibility of cooperation between the economies. It was found that for 2022, China's customs data was reliable for determining the value of Sino-Russian trade. Differentiated response in the costs of transporting goods between these countries during the pandemic was determined: invariant - from China to Russia; more than doubling costs – from Russia to China. The pandemic and sanctions contributed to an increase in exports from China to Russia. It was revealed that the main source of increasing imports from Russia to China was fuel and energy goods, due to an increase in prices and volumes of supplies. At the same time, for the Russian companies, redirection of goods to China was forced, and their subsequent expansion of these goods into the Chinese market requires significant investments. Along with the existing endogenous and exogenous risks, for the Russian companies targeting the Chinese market could generate negative effects from monopsony, as well as a decrease in export revenue. In the future, we can expect: an increase in supplies to Russia by the regional-level Chinese companies, an increase of cross-border trade and a reduction in mutual tariff barriers; development of the Chinese market by Russian business, as well as attracting Chinese investment and expanding settlements in national currencies.*

Keywords: *export, import, mirrors statistics, COVID-19, sanctions, cooperation, Russia, China*

For citation: Izotov D. A. Russia and China: current problems of trade interactions and the long-term prospects for economic cooperation // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 70–87. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-70-87>

Введение

За последнюю четверть века политические и экономические взаимоотношения России и Китая заметно интенсифицировались. Наблюдается взаимная заинтересованность руководства России и Китая в поддержании двустороннего стратегического партнерства. Экономики России и Китая являются достаточно разными с точки зрения специализации и насыщенности факторами производства, однако они дополняют друг друга, во всяком случае, на данном этапе развития. По вполне объективным причинам Китай стал одним из основных торговых партнеров для России, заметно увеличив поставки своей продукции на российский рынок, предьявляя при этом

устойчиво высокий спрос на традиционные товары российского экспорта. За Россией постепенно стал закрепляться статус крупнейшего поставщика в КНР по ряду ключевых сырьевых товаров, а китайский рынок стал важным направлением для целей диверсификации экспорта сырьевых товаров и источником бесперебойного функционирования российской экономики. Тем не менее за последние пять лет произошли заметные изменения в глобальной экономике, вызванные факторами «форс-мажора», непосредственно затронувшими экономики России и Китая.

Во-первых, в конце 2019 г. на территории Китая возник эпицентр распространения коронавируса COVID-

19 [Экономика..., 2021. С. 11], вызвав рост избыточной смертности населения во многих странах мира. В результате, вплоть до 2022 г. в большинстве стран мира осуществлялась структурная перестройка экономики для оперативного реагирования на возникшую угрозу, в том числе за счет создания барьеров для внешних трудовых и торговых потоков, создания импортозамещающих производств на фоне снижения доходов населения и высокой инфляции. Поскольку в Китае сосредоточено большое число ориентированных на экспорт сборочных производств ведущих глобальных и субглобальных корпораций, то увеличение издержек значительно усложнило глобальный товарообмен по причине простоя производственных мощностей ввиду многочисленных «локдаунов» и роста сравнительных затрат на транспортировку товаров. Наряду с этим китайское руководство с конца 2019 г. последовательно придерживалось политики жестких мер для сдерживания коронавируса или стратегии «нулевой терпимости» к COVID-19, основанной на избыточных административных ограничениях, что негативно повлияло на экономику Китая [Изотов, 2021]. В конце 2019 г. – 2021 г. были зафиксированы наиболее строгие ограничения в Китае в рамках стратегии «нулевой терпимости», а в 2022 г. данные меры стали постепенно ослабевать в отличие от подавляющего большинства других стран, которые к этому времени уже отказались от соответствующих профилактических мер. В рамках пандемии COVID-19, принявшей в 2020–2021 гг. глобальный характер, наблюдалась существенная коррекция цен на сырьевые товары, составляющие основу российского экспорта. В частности, отмечалось серьезное снижение цен на сырую нефть в 2020 г. на глобальном рынке.

Во-вторых, введение широкомасштабных санкций к российской экономике со стороны западных стран в 2022 г. Расширение стратегического взаимодействия российской экономики с западными странами, преимущественно с государствами Европейского союза (далее – ЕС), осуществлялось продол-

жительное время. До 2010 г. казалось, что Россия и ЕС способны создать интеграционный торгово-экономический формат, однако последующее накопление противоречий в двусторонних политических отношениях привело к снижению активности в этом направлении. Значительное углубление «разлома» в двусторонних отношениях произошло после введения санкций со стороны подавляющего большинства западных стран к экономике России с начала 2022 г., в их числе – финансовые санкции, секторальные ограничения, создание барьеров для торговли, гибридные санкции, ограничения для перевозок и т. д. [Тимофеев, 2022]. Фундаментальные ограничения на поддержание торгово-экономических отношений с Россией со стороны данных стран способствовали тому, что российский бизнес стал искать возможности для осуществления кардинальной переориентации своей торговли в пользу других стран и объединений [Simola, 2022; Simola, 2023]. Появился перечень «дружественных» для России стран, которые в явном виде не присоединились к широкомасштабным санкциям по отношению к российской экономике, к числу которых относится вторая после США экономика в мире – Китай. При этом риски, связанные с возможностью расширения экономических санкций, в том числе вторичных, создают значительные препятствия для торгово-экономических взаимодействий с российским рынком для большинства стран, не присоединившихся к ограничениям к российской экономике.

С исследовательской точки зрения, сложность для анализа динамики торговли между Россией и Китаем стала заключаться в том, что с 2022 г. Федеральная таможенная служба России перестала публиковать данные по географическому распределению российской внешней торговли. Поэтому с 2022 г. определение объемов внешней торговли России, декомпозированной по зарубежным странам, является довольно проблематичным. К настоящему времени имеются два основных источника для анализа динамики российской внешней

торговли, декомпозированной по странам: «предварительные» статистические данные, которые представляют собой оценочные значения, публикуемые международными организациями; данные «зеркальной» статистики экспортных и импортных потоков стран-партнеров. С этой точки зрения, представляется важным выяснить, какой из указанных источников статистических данных является более достоверным для анализа российско-китайской торговли за 2022 г. В этом случае, отталкиваясь от релевантных статистических данных, возможно провести более корректный анализ динамики торговых взаимодействий России с КНР в рамках периода пандемии и санкций. Также на основании имеющихся фактологических и статистических данных возможно обозначить ключевые проблемы и перспективы торгово-экономической кооперации между КНР и Россией в новых условиях.

Взаимодействия между Россией и Китаем: корректность статистических данных двусторонней торговли во время санкций

Отслеживание динамики торговых взаимодействий России с Китаем по состоянию на 2022 г. возможно на основе «предварительных» статистических данных и данных «зеркальной» статистики КНР. «Предварительные» данные публикуются международными организациями, среди которых выделяется ООН¹. Другим способом определения торговли России с КНР является использование соответствующей таможенной статистики Китая². Несмотря на то, что использованная в таком виде статистика отличается от реальных значений, поскольку «зеркальный» экспорт отражается в ценах FOB, а импорт – в ценах CIF, т. е. включая транспортные расходы и расходы на страхование груза, в текущих условиях применение такого подхода является довольно логичным для сопоставительного анализа двусторонней торговли.

Поскольку в данном исследовании

интерес представляет определение корректной динамики двусторонней торговли, то для сравнения использованы как «предварительные», так и «зеркальные» данные торговых взаимодействий России с КНР (рис.1).

Соотнесение «предварительных» и «зеркальных» статистических данных российско-китайской торговли указало на их сопоставимость для периода 2018–2021 гг., в рамках которого товарооборот России с КНР характеризовался положительным сальдо торгового баланса. Видимое сокращение товарооборота между странами во время пандемии COVID-19 было зафиксировано только в 2020 г. в период жестких ограничений и в результате снижения цен на сырьевую продукцию, являющейся основой российских поставок в Китай. По статистике 2022 г. подобного соотношения между показателями не наблюдалось, указывая в целом на слабую сопоставимость между «предварительной» и «зеркальной» статистикой российско-китайской торговли, ввиду явной недооценки «предварительных» данных экспорта из России в КНР и импорта в Россию из КНР.

Можно предположить, что заметная разница между показателями определяется наращиванием транспортных расходов в связи с санкциями по отношению к России со стороны западных стран, существенно ограничившими доступ российских экспортеров и импортеров к рынку глобальных перевозок. В случае корректного ведения статистического учета товарообмена между двумя торгующими странами разница между «зеркальным» импортом, отраженным в ценах CIF, и экспортом, рассчитанным в ценах FOB, представляет собой сумму транспортных и страховых издержек на перемещение товаров между этими странами [Globerman, Storer, 2010]. Отношение значения данной разницы к экспорту представляет собой долю издержек на транспортировку товаров из страны i в страну j в стоимости этого

¹ UNCTADstat. https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

² Customs statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China.: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>

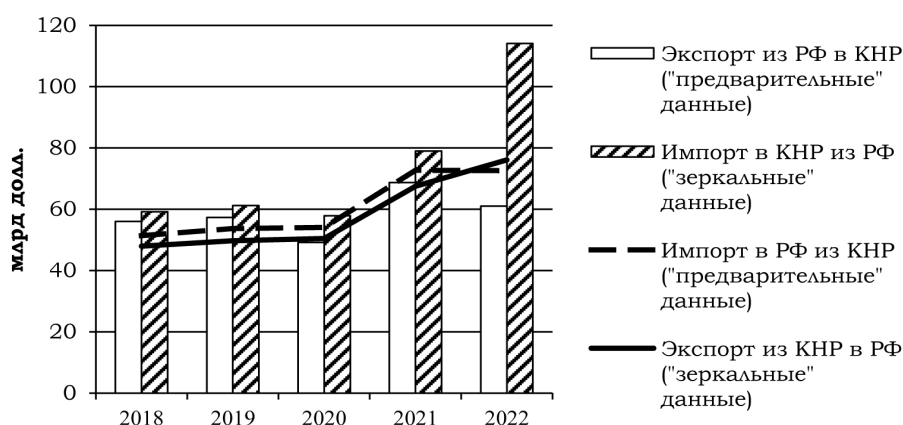

Рис. 1. Динамика российско-китайской торговли: «предварительные» и «зеркальные» статистические данные

Источник: UNCTADstat. https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en; Customs statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>

товара на территории страны j :

$$TC_{ij} = ((Import_{ji} - Export_{ij}) / Export_{ij}) \times 100\%, \quad (1)$$

где: $Import_j$ – импорт в страну j из страны i в ценах СИФ; $Export$ – экспорт из страны i в страну j в ценах FOB. В рамках обозначенного методического подхода, на основе имеющихся данных «предварительной» и «зеркальной» статистики российско-китайской торговли, были оценены издержки на транспортировку для потоков российских товаров в КНР и китайских товаров на российский рынок (рис. 2).

С одной стороны, оценка указала на увеличение (более чем в два раза) расходов на транспортировку российского экспорта в Китай в рамках пандемии в 2020 г. и в 2021 г. (17,7% и 15,0% соответственно) по сравнению с 2018 г. и 2019 г. (5,6% и 6,8% соответственно), что объяснялось строгостью проводимой политики внешней изоляции КНР в период распространения COVID-19, выражавшейся в частых запретах на ввоз зарубежных товаров, в том числе из России, всеми видами транспорта, за исключением трубопроводного. В свою очередь, из-

держки на транспортировку китайских товаров на российский рынок не увеличились в период пандемии, указывая на менее жесткие правила ввоза товаров в Россию из Китая в 2020–2021 гг.

С другой стороны, расчеты подтвердили несопоставимость между «предварительной» и «зеркальной» статистикой российско-китайской торговли, поскольку в 2022 г. доля расходов на транспортировку товаров из России в КНР составила бы 87,1% от их стоимости, а из КНР в Россию и вовсе была бы отрицательной. Относительно учета российского экспорта в Китай можно утверждать, что в 2022 г. расходы на транспортировку российских товаров на китайский рынок не были выше 2020–2021 гг., поскольку поставки из России в КНР осуществлялись главным образом по коридорам, пересекающим совместную сухопутную границу между странами. По этой причине санкции со стороны западных стран не могли значительно увеличить стоимость перевозки товаров из России в Китай. Поэтому реальный стоимостной объем экспорта из России в Китай, очевидно, превышает значения «предварительной» статистики ООН.

Что касается импорта в Россию из Китая, то различия между «предвари-

Рис.2. Доля издержек на транспортировку товаров между Россией и КНР

Рассчитано по: UNCTADstat. https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en; Customs statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>

тельной» и «зеркальной» статистикой могут быть частично объяснены смещением торговых потоков из КНР в третьи страны, поскольку в данном случае, чисто статистически, до российских потребителей доходил не весь китайский импорт. Можно, конечно, предположить, что в этом случае осуществлялся банальный реэкспорт китайских товаров в пользу третьих стран, но более правдоподобным объяснением данного «феномена» является недостаточный статистический учет импорта из КНР в связи с ограничениями по отношению к России со стороны западных стран расчетов в доминирующих валютах – долларе США, евро и т. д. В этой связи теряется возможность учета реального стоимостного объема импорта, ввозимого на территорию России. Поэтому для дальнейшего анализа динамики российско-китайских взаимодействий между странами будет использована статистика торговли Китая с Россией согласно данным Таможенного комитета КНР, т. е. «зеркальная» статистика для российской стороны.

Динамика торговых взаимодействий России с КНР: «сквозь призму» китайской таможенной статистики

Согласно данным китайской статистики, товарооборот между Китаем и Россией за 2018–2022 гг. увеличился почти на 77,6%: со 107,1 млрд долл. до 190,3 млрд соответственно. По размеру това-

рооборота в 2022 г. Россия вошла в десятку крупнейших торговых партнеров КНР, уступая США (761,7 млрд долл.), Республике Корея (362,3 млрд), Японии (357,4 млрд), Тайваню (319,8 млрд), Гонконгу (305,4 млрд), Вьетнаму (235 млрд), Германии (227,6 млрд), Австралии (220,9 млрд) и Малайзии (203,6 млрд), обогнав по данному показателю Бразилию (171,5 млрд долл.). В свою очередь, суммарный внешний товарооборот Китая в рамках указанного периода увеличился только на 36,6% – с 4620 млрд долл. до 6310 млрд соответственно, указывая на определенный рост сравнительной интенсивности торговых взаимодействий КНР с Россией. При этом доля России в суммарном внешнем товарообороте Китая была небольшой, увеличившись с 2,3% в 2018 г. до 3,0% в 2022 г., прежде всего, за счет наращивания поставок товаров из России на китайский рынок.

В результате, доля России в импортных потоках в КНР увеличилась с 2,8% в 2018 г. до 4,2% в 2022 г., а в экспортных поставках Китая – только с 1,9% до 2,1% соответственно. При этом долгосрочная динамика двусторонней торговли указала на смещение экспортных поставок из КНР на российский рынок в пользу потребительских и инвестиционных товаров с высокой добавленной стоимостью, выпускаемых в том числе на предприятиях с

иностранным капиталом. Экспорт из Китая в Россию за указанный период увеличился на 60% – с 48,0 млрд долл. в 2018 г. и до 76,1 млрд в 2022 г. соответственно. Ограничения, связанные с реализацией политики «нулевой терпимости» к COVID-19, и санкции, примененные западными странами к России, способствовали еще большему наращиванию поставок товаров с высокой добавленной стоимостью из Китая на российский рынок.

В 2020–2021 гг. во время действия жестких ограничений в КНР, связанных с пандемией, структура китайского экспорта в Россию являлась довольно стабильной, несмотря на некоторое сокращение стоимостных объемов продукции пищевой промышленности, что было связано, прежде всего, с реализацией карантинных мер. В поставках из Китая в Россию была заметна доля машин, оборудования и механизмов, электротехнического оборудования, транспортных средств, продукции химической и нефтехимической промышленности (табл. 1).

Ослабление политики «нулевой терпи-

мости» к COVID-19 в КНР в целом совпало с введением санкций против российской экономики в 2022 г. По сравнению с 2021 г. в 2022 г. наблюдалось заметное увеличение доли следующих товарных групп китайского экспорта на российский рынок: транспортные средства; продукция химической и нефтехимической промышленности; изделия из древесины. Наращивание перечисленных товарных групп китайского экспорта способствовало частичной компенсации выбывающих поставок на российский рынок соответствующей продукции из стран ЕС, а также снизившегося выпуска в России на ряде предприятий с капиталом из стран, присоединившихся к санкциям, введенных по отношению к российской экономике.

Помимо продукции химической и нефтехимической промышленности, представленной довольно разнообразными товарами, в том числе инвестиционного назначения, в рамках анализируемого периода одним из наиболее динамичных категорий китайского экспорта в Рос-

Таблица 1

Товарная структура экспорта из КНР в Россию, %

Товарная группа	2018	2019	2020	2021	2022
Живые животные и продукты животного происхождения	0,4	0,5	0,3	0,3	0,3
Продукты растительного происхождения, жиры и масла	2,0	1,8	1,1	1,0	1,1
Готовые пищевые продукты, напитки, табак	1,7	1,4	1,3	1,1	1,1
Минеральные продукты	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Топливо-энергетические товары	0,8	0,7	0,2	0,2	0,4
Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности	4,8	4,8	5,3	5,6	9,2
Пластмассы, каучук, резина и изделия из них	4,1	4,4	4,7	5,3	7,0
Необработанные шкуры, выделанная кожа, натуральный мех и изделия из них	7,8	7,5	4,6	3,1	2,1
Древесина и изделия из нее, древесная масса, бумага, картон	1,1	1,1	1,1	0,9	1,7
Текстильные материалы и изделия	12,1	10,8	10,7	8,0	7,1
Обувь, головные уборы, зонты	4,7	4,5	3,5	3,9	3,7
Изделия из камня, стекла, драгоценные камни и металлы	1,9	1,8	2,0	1,7	1,6
Недрагоценные металлы и изделия из них	7,3	7,8	7,3	8,4	7,3
Машины, оборудование и механизмы, электротехническое оборудование	38,0	37,7	41,4	42,6	39,7
Транспортные средства	5,5	5,4	5,3	7,5	9,7
Разнообразные товары	7,7	9,8	11,0	10,4	7,9

Источник: рассчитано автором по: Customs statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>

сию являлась поставка автомобильного транспорта и запасных частей к ним. По сравнению с 2018 г. к 2022 г. стоимостной объем экспорта автомобилей из Китая в Россию увеличился почти в три раза. После введения санкций к российской экономике со стороны западных стран в 2022 г. в число лидеров по поставкам данной продукции на российский рынок вошел Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, на территории которого стала формироваться производственная и торговая инфраструктура для сбыта и обслуживания автомобилей на рынке Евразийского экономического союза, в который входит Россия. Данное обстоятельство указывает на формирующиеся планы китайского бизнеса долгосрочного присутствия на российском рынке транспортных средств, который стал заметно трансформироваться по причине санкций.

В целом причины расширения экспорта из КНР в Россию продукции с высокой добавленной стоимостью как потребительского, так и производственного назначения были продиктованы следующими обстоятельствами: ограничения, связанные с пандемией, в целом не затрудняли поставку различного рода машин и оборудования из КНР на российский рынок; наблюдалось частичное возмещение китайскими производителями существовавших ранее поставок сложных товаров из западных стран в Россию; на российском рынке, несмотря на санкции, стал постепенно восстанавливаться спрос на импорт, отложенный в связи с пандемией. При этом тенденция замещения на российском рынке ряда европейских товаров китайскими сформировалась до введения широкомасштабных санкций против российской экономики [Garcia-Herrero, Xu, 2016; Garcia-Herrero, Xu, 2019]. В результате, российский рынок в конце 2022 г. стал более открытым для товаров из КНР, при этом стали наблюдаться трудности с поставкой технологически сложной продукции, что было продиктовано опасением китайского бизнеса глобального уровня попасть под возможные

вторичные санкции со стороны западных стран, с которыми корпоративный сектор КНР имеет тесные технические и технологические связи. По мере увеличения масштабов поставок товаров из КНР на российский рынок, а также снятия ограничений, связанных с COVID-19, стоимость контейнерных перевозок из Китая в Россию стала сокращаться, снизившись на 30–35% в конце 2022 г. – начале 2023 г. по сравнению с 2021 г.³

Помимо обозначенных прямых поставок китайских товаров на российский рынок, может осуществляться ввоз в Россию продукции зарубежного сектора китайской экономики по «параллельному» импорту, поскольку бизнес из западных стран, являющийся главным инвестором в КНР, придерживается введенных санкций по отношению к российской экономике, распространяя данные ограничения на свою продукцию, произведенную на территории Китая. По этой причине можно предположить, что экспорт из КНР в Россию по данным китайских таможенных органов не является полным для 2022 г., поскольку не учитывает реэкспорт товаров из Китая (которые производятся на китайской территории на предприятиях с прямыми инвестициями из западных стран) на российский рынок из Казахстана, Армении, Киргизии и других «дружественных» России стран.

Согласно данным китайской таможенной статистики, импорт из России в Китай в рассматриваемом временном промежутке увеличился почти вдвое – с 59,1 млрд долл. в 2018 г. до 114,1 млрд в 2022 г. соответственно. Для поддержки населения и стимулирования экономики в Китае в 2020–2022 гг. были реализованы многочисленные пакеты мер, которые позволили поддержать спрос на зарубежные товары, в том числе из России. Главным источником увеличения импорта из России в Китай являлись ставшие уже традиционными поставки сырьевых товаров, доля которых к 2022 г. составила более 90%, основную часть которых составляли топливно-энергетические товары (табл. 2).

³ Скорлыгина Н. Контейнеры едут фрахтически нормально // Коммерсантъ. 22.05.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5999130> (дата обращения 01.08.2023).

Таблица 2

Товарная структура импорта из России в КНР, %

Товарная группа	2018	2019	2020	2021	2022
Живые животные и продукты животного происхождения	3,1	3,3	3,1	2,1	2,3
Продукты растительного происхождения, жиры и масла	1,4	1,7	2,8	2,0	2,0
Готовые пищевые продукты, напитки, табак	0,8	0,9	1,2	1,3	1,0
Минеральные продукты	2,8	3,8	6,3	5,5	3,4
Топливо-энергетические товары	71,6	69,9	58,7	67,4	74,8
Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности	1,7	2,3	1,9	1,6	1,8
Пластмассы, каучук, резина и изделия из них	0,9	1,0	2,1	1,1	1,1
Древесина и изделия из нее, древесная масса, бумага, картон	10,2	8,7	8,4	7,2	5,0
Текстильные материалы и изделия	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0
Изделия из камня, стекла, драгоценные камни и металлы	0,7	1,1	2,6	2,0	1,4
Недрагоценные металлы и изделия из них	5,2	6,0	11,5	9,0	6,6
Машины, оборудование и механизмы, электротехническое оборудование	0,5	0,5	0,4	0,4	0,3
Транспортные средства	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1
Разнообразные товары	0,7	0,7	0,7	0,3	0,1

Источник: рассчитано автором по: Customs statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>

Следует заметить, что за последние три десятилетия Китай стал ведущим потребителем сырьевых товаров в мире, определенная часть которых компенсируется импортными поставками. Рост городов, увеличение интенсивности транспортных перевозок, а также бурное развитие автомобильной промышленности в КНР способствовали тому, что китайская экономика стала одним из главных потребителей сырой нефти в мире. За последние два десятилетия основными сырьевыми товарами, поставляемыми в Китай, являлась продукция топливно-энергетического и минерально-сырьевого комплексов, охватывая поставщиков данных товаров как из АТР, так и за пределами субглобального региона.

Доля России в суммарном импорте топливно-энергетических товаров в Китай увеличилась с 12,2% в 2018 г. до 16,0% в 2022 г. Нарастивание ввоза из России на китайский рынок топливно-энергетических товаров осуществлялось

как при помощи нефтяной и газовой трубопроводной инфраструктуры («Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) и «Сила Сибири»), так и поставками нефти, нефтепродуктов и угля морским и железнодорожным транспортом, а также сжиженного природного газа из ямальских и сахалинских проектов. В 2022 г. импорт топливно-энергетических товаров в КНР из России увеличился на 60% по сравнению с 2021 г. в связи с увеличением цен на энергоносители на мировом рынке и увеличением физических объемов поставок на китайский рынок. Основная доля в поставках из России в КНР топливно-энергетических товаров приходилась на нефть и нефтепродукты.

Несмотря на увеличение российских поставок, общую ситуацию стало усугублять введение потолка цен на российскую нефть со стороны западных стран, а транспортные компании стали отказываться перевозить данный товар из российских портов. Ценовые ограничения

для российской нефти вызвали заметные изменения в географической структуре ее поставок на внешний рынок. Если до введения широкомасштабных санкций до 75% физического объема вывезенной из России сырой нефти поставлялось в страны ЕС, то в 2022 г. ситуация существенно изменилась: на страны ЕС приходился только 21% от поставок российской нефти за рубеж, при этом на Китай – 46%, на Индию – 26% и на Турцию – 5% [Hilgenstock, Ribakova, Wolff, 2023; Babina, Hilgenstock, Itskhoki, Mironov, Ribakova, 2023]. Наращивание поставок российской нефти в КНР не было случайным, а по причине сложившегося диспаритета цен. Так, российские компании в 2022 г. экспортировали нефть в КНР почти за 82 долл. за баррель, что было гораздо выше цен на данную продукцию, чем на рынках стран ЕС, Турции и Индии (табл. 3).

Российская нефть в Китай поставлялась главным образом из портов юга Дальнего Востока и по ответвлению нефтепровода ВСТО. Однако перенаправление нефтяных потоков из России на рынки прочих стран, к которым относится КНР, по мере сокращения цен на нефть на мировых рынках стало постепенно приводить к заметному сокращению выручки для российских компаний по сравнению с существовавшими прежде направлениями сбыта

данной продукции. Стали проявляться негативные последствия вынужденного изменения географической направленности российской нефти по причине увеличения стоимости транспортировки ввиду значительных расстояний до новых рынков сбыта, проблемами дальнейшей ликвидности выручки, полученной в национальных валютах стран-импортеров, поскольку китайский юань и индийская рупия не являются свободно конвертируемыми, а турецкая лира характеризуется довольно сильной волатильностью по отношению к доллару США и евро.

Стоимостной объем закупок Китаем российского трубопроводного и сжиженного природного газа в 2022 г. увеличился на 6,5 млрд долл. или в 2,5 раза по сравнению с 2021 г., что является рекордным значением для данного показателя за все время продаж газа из России на китайский рынок. Поставки природного газа по трубопроводу «Сила Сибири» из России в Китай в 2022 г. достигли рекордных 15,5 млрд куб. м.⁴ Помимо этого, поставки сжиженного природного газа из Сахалина и Ямала в 2022 г. также ориентировались на восстанавливающийся после пандемии рынок КНР. В результате, к концу 2022 г. поставки из России природного газа в КНР превзошли физические объемы других поставщи-

Таблица 3

Средняя цена на российскую нефть после введения санкций к России в 2022 г.: страны-потребители и маршруты доставки, долл. за баррель

Страна-потребитель	Маршрут доставки						
	Все маршруты	Порты Балтийского моря	Порты Черного моря	Порты Арктики	Порты Тихого океана	Нефтепровод «Дружба»	Нефтепровод ВСТО
Все страны мира	73,7	59,9	63,3	79,3	82,2	63,0	80,9
Страны ЕС	69,8	75,4	68,1	79,8	–	63,0	–
КНР	81,9	64,0	–	–	84,3	–	80,9
Индия	64,0	58,0	58,2	–	69,6	–	–
Турция	68,9	55,7	58,4	–	–	–	–

Источник: [Hilgenstock, Ribakova, Wolff, 2023; Babina, Hilgenstock, Itskhoki, Mironov, Ribakova, 2023].

⁴ Кеффер Л. Новак: поставки по «Силе Сибири» в Китай в 2022 году достигли рекордных 15,5 млрд куб. м газа // Коммерсантъ. 16.01.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5772587> (дата обращения 01.08.2023).

ков данного товара на китайский рынок – Катара, Туркменистана и Австралии. По всей видимости, ввод новых маршрутов поставок природного газа из России в Китай, в том числе через Монголию, позволит в ближайшее десятилетие заметно расширить объемы продаж данного товара на китайский рынок.

Китай является крупнейшим производителем и потребителем угля в мире, дефицит которого активно компенсируется за счет импорта, в том числе из России. Поскольку потоки данного сырьевого товара спешно перенаправлялись российскими компаниями с европейского направления на азиатские страны, в том числе в Китай, в 2022 г. на китайский рынок из России было поставлено по стоимостному объему на 70,0% больше угля по сравнению с 2021 г. При этом Китай не является премиальным рынком для угля в АТР, и для российских угольных компаний данное перенаправление потоков можно рассматривать как вынужденное. В результате оперативной «переброски» угля на китайский рынок на юге Дальнего Востока стал образовываться дефицит пропускной способности на железной дороге, для нивелирования которого потребуются значительные капиталовложения в транспортную инфраструктуру российского макрорегиона.

В связи со смягчением антиковидных ограничений и началом восстановления экономики Северо-Востока КНР в 2022 г. Китай также нарастил поставки электроэнергии из России. При этом поставки электроэнергии из России никогда не занимали заметного места в общем стоимостном объеме российских поставок в Китай. Возможно, что по мере расширения двусторонних экономических взаимодействий излишки электроэнергии, производимой в Амурской области, будут и далее поставляться в провинцию Хэйлунцзян, при этом объемы таких поставок будут сдерживаться существующими возможностями генерирующих мощностей на российской территории.

Помимо топливно-энергетических товаров, китайский рынок становится одним из основных внешних рынков сбыта для рыбной отрасли всего Дальнего Востока России. В целом за прошедшее десятилетие поставки рыбы и морепродуктов из российского Дальнего Востока осуществлялись преимущественно в китайские провинции Шаньдун и Ляонин. Далее, благодаря созданию транспортного коридора «Приморье-2», связавшего порты юга Приморского края России с Северо-Востоком КНР, российская рыбная продукция стала также поступать в китайскую провинцию Цзилинь. В период пандемии Китай довольно часто закрывал свои морские порты для отгрузки рыбной продукции, ввозимой на китайский рынок российскими поставщиками⁵. По мере снятия таких ограничений, стоимостные объемы поставок рыбной продукции в КНР из России стали возрастать, в частности в 2022 г. они увеличились почти на 50% по сравнению с 2021 г.

К 2022 г. постепенно увеличивались поставки из России в Китай продукции сельского хозяйства, а также удобрений. При этом российские поставщики сталкивались со значительными барьерами, препятствующими развертыванию широкомасштабных поставок продукции агросектора в Китай, к которым относились жесткие фитосанитарные требования, высокие экспортные пошлины на российской стороне, проблемы конвертации валют, отсутствие банковской поддержки и нерешенные проблемы совместимости стандартов продукции⁶. С другой стороны, даже в случае снятия административных барьеров, для формирования сухопутного зернового коридора из России в Китай на российской территории необходимы заметные капиталовложения в строительство элеваторов вдоль Транссибирской магистрали и морских терминалов на юге Дальнего Востока. По причине тесной кооперации России с глобальным рынком зерна основной движущей силой наращивания

⁵ Полухин А. Рыбе некуда податься. У Китая тоже нашлись причины закрыть порты // *Коммерсантъ*. 04.03.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5240312> (дата обращения 01 сентября 2023).

⁶ Смирнов Г. Агросектор не спешит на восток // *Коммерсантъ*. 08.06.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5393473> (дата обращения 01.08.2023).

поставок зерна на китайский рынок является баланс между сравнительными выгодами и издержками, отраженными в размере «ценовой маржи» для российских поставщиков [Fu, Tong, 2023].

Поставки недрагоценных металлов из России в Китай главным образом приходились на цветные металлы, основная доля которых торговалась на китайских биржах даже в период жестких ограничений во время пандемии: медь, никель и алюминий. По сравнению с цветными металлами продукцию черной металлургии Китай традиционно закупал в России в гораздо меньших объемах ввиду избытка собственных мощностей по выпуску данной продукции. В 2022 г. поставки черных металлов из России в КНР стали возрастать, указывая на восстановление китайской экономики после пандемии.

Древесина и лесоматериалы являлись традиционно поставляемой продукцией из России в КНР, при этом такие поставки были крайне изменчивы во времени, поскольку сильно зависели от мер промышленной и торговой политики в России [Narins, 2015]. Так, в 2021 г. с целью стимулирования глубокой переработки древесины в России была введена запретительная пошлина на вывоз необработанной древесины, а также сокращено количество пунктов таможенного пропуска на российской стороне, через которые данные товары могут вывозиться в Китай. В результате, в 2022 г., с одной стороны, данные механизмы стимулирования деревообрабатывающей промышленности в России негативно повлияли на поставки российской древесины в КНР, с другой стороны, санкции со стороны западных стран значительно осложнили вывоз древесины на рынок стран ЕС из западных регионов России, которую, в свою очередь, стало довольно сложно переориентировать на китайский рынок без снижения прибыли для российских компаний ввиду значительных транспортных издержек. По всей видимости, Китай в ближайшее время станет крупнейшим потребителем древесины из России, при этом российский бизнес вполне может столкнуться с проявлением нега-

тивных эффектов от монополии.

Проблемы и перспективы торгово-экономической кооперации между КНР и Россией в новых условиях

Санкционное давление со стороны западных стран на российскую экономику с 2022 г. является широкомасштабным. Применение санкций к крупной экономике, которой является Россия, является беспрецедентным. Риски введения вторичных санкций по отношению к третьим странам, взаимодействующим с российской экономикой, постепенно увеличиваются. Китай не присоединился к широкомасштабным санкциям против России, при этом соблюдая некоторые положения данных ограничений, в частности, в явном виде блокируя возможности их обхода для российской стороны, очевидно не желая потерять выгоды от взаимосвязей с большинством западных стран и их объединений. Некоторое давление на Китай по ужесточению санкций к России осуществляется, прежде всего, со стороны США. В случае присоединения Китая к данным санкциям против России, по аналогии с западными странами, кумулятивный отрицательный эффект для российской экономики будет не фатальным, но довольно ощутимым [Mahlstein, McDaniel, Schropp, Tsigas, 2022]. Всеобъемлющая изоляция российской экономики может стать очень опасным прецедентом для глобальной экономики, поскольку Россия является одним из крупнейших в мире экспортеров сырьевых товаров, непосредственно влияя на объем их предложения на глобальном и субглобальном рынках, задавая тем самым их ценообразование, особенно для рынка сырой нефти.

С другой стороны, несмотря на формальное соблюдение Китаем наложенных на Россию санкций, китайское руководство давно относится к нарастанию конфронтации с западными странами как к неминувшему процессу, поскольку КНР рассматривается в руководящих документах большинства западных стран в роли «стратегического» и «системного» противника: в США – с 2011 г.; в ЕС – с 2019 г. Поэтому введение санкций к КНР со стороны западных стран, по аналогии с Россией, в перспективе уже не является

маловероятным. Приведет ли данное развитие событий к биполярному миру или сохранению глобального «статус-кво» – в текущих условиях однозначно ответить довольно сложно, хотя еще десять лет назад серьезных противоречий между Китаем и западными странами в целом не наблюдалось.

Неразрешенность противоречий политических взаимоотношений России и западных стран способствовала наращиванию российско-китайских политических и торгово-экономических взаимодействий [Aksenov, Li, Abbas, Fambo, Popkov, Ponkratov, Kosov, Elyakova, Vasiljeva, 2023]. По итогам 2022 г. Россия вошла в десятку основных торговых партнеров КНР, увеличив поставки на китайский рынок в основном продукции с низкой степенью переработки. В условиях жесткой санкционной политики западных стран к российской экономике Китай становится для России одним из основных рынков сбыта ряда товарных групп, которые ранее поступали на европейский рынок. В ближайшей перспективе вполне возможно заметное наращивание экспорта из КНР в Россию в условиях нивелирования политики «нулевой терпимости» к COVID-19 и расширения санкций, примененных к российской экономике со стороны западных стран.

Динамика и товарная структура поставок китайской продукции на российский рынок объясняется структурной особенностью функционирования экономики России, одним из проявлений которой являлось удовлетворение конечного спроса массовыми импортными поставками. При этом в перспективе возможно изменение экспортных потоков из КНР в Россию за счет следующих процессов: наращивание поставок товаров китайскими компаниями регионального уровня; увеличение значения приграничных регионов Китая в расширении поставок товаров на российский рынок, что способно интенсифицировать торгово-экономические взаимодействия с российским рынком внутренних китайских территорий; расширение пропускной способности сухопутных транспортных маршрутов и снижение тарифных барьеров. Несмотря на

рассматриваемые в контексте политики и безопасности текущие ограничения [Schubert, Savkin, 2016; Krapohl, Vasileva-Dienes, 2020] для заключения преференциального торгового соглашения между Россией и Китаем, в ближайшей перспективе возможно достижение обоюдных договоренностей по созданию интеграционного формата между КНР и Евразийским экономическим союзом, куда входит Россия, а также по снижению барьеров торговых взаимодействий в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Также возможно сближение стран в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь» [Malle, 2017].

Китай является протяженной в пространстве страной и характеризуется довольно дифференцированными торговыми взаимосвязями с российским рынком как для экспортных, так и импортных потоков. По мере нарастания поставок из России в Китай, в связи с восстановлением экономики КНР после пандемии, может быть запущен долгосрочный процесс перенаправления некоторых товаропотоков российских сырьевых товаров с Северо-Востока Китая в развитие китайские приморские регионы. Вероятно, будут появляться возможности по снижению различного рода барьеров, что может способствовать увеличению поставок из России на китайский рынок, диверсифицируя их между регионами КНР и снижая эффект от монополии со стороны бизнеса ряда китайских регионов.

В свою очередь, при прочих равных условиях поставки российских товаров на китайский рынок могут определяться следующими процессами: результативностью расширения ввоза традиционных и новых товарных групп в КНР, в том числе за счет наращивания пропускной способности транспортной инфраструктуры южных регионов Дальнего Востока России; освоением внутреннего рынка КНР российским бизнесом; привлечением китайских инвестиций в совместные проекты на российской территории для вывоза производимой продукции на китайский рынок; расширением расчетов в национальных валютах. На ближайшую перспективу основной задачей для

наращивания поставок России в КНР и увеличения их товарного многообразия является максимально активное присутствие российского бизнеса на внутреннем рынке Китая с точки зрения преодоления всевозможных барьеров, препятствующих двусторонним взаимодействиям. В этом случае положительные эффекты от сближения двух экономик могут возрасти. Возможности непосредственного включения России в процесс торгово-экономического сближения с КНР также могут быть увязаны с целями по развитию российского Дальнего Востока. Снижение барьеров торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России с рынками близлежащих китайских провинций может увеличить интенсивность взаимной торговли, способствуя проявлению положительных эффектов для российской экономики в целом. При снижении барьеров приграничная торговля между двумя странами может быть увеличена в довольно сжатые сроки, поскольку за три десятилетия двусторонних взаимодействий по обе стороны границы сформировалось бизнес-сообщество, имеющее большой опыт предпринимательской деятельности на российском и китайском рынках, создав «сетевые структуры», связывающие производителей и потребителей товаров в России и Китае [Sosnovskikh, 2021].

Особые надежды для России могут быть связаны с расширением инвестиционного сотрудничества с КНР, которое находилось «в тени» бурных торговых взаимодействий между странами. В случае обоюдных договоренностей в экономику России может быть направлен капитал из КНР, а также увеличено кредитование российского и совместно с китайским корпоративного сектора, даже несмотря на приостановку Китаем некоторых прямых инвестиций в России в 2022 г. В частности, на заседании межправительственной комиссии по инвестиционному сотрудничеству представители России и Китая договорились о выделении 1,3 млрд долл. в новые проекты на российской территории, а за первые

восемь месяцев 2022 г. инвестиции из Китая в Россию составили 450 млн долл., увеличившись на 150% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года⁷. Для дальнейшего привлечения в Россию прямых инвестиций из Китая, очевидно, необходимо снижать риски и предоставлять гарантии для китайского капитала [Luzyanin, 2020].

Следует заметить, что восстановление китайской экономики после пандемии COVID-19 проходит довольно медленно. Существуют риски расширения неэффективных капиталовложений и роста долгов в государственном секторе экономики КНР при нарастании кризисных процессов в секторе недвижимости, снижении потребления и роста инфляции. В таких условиях может снизиться спрос на сырьевые товары, закупаемые за рубежом, в том числе в России. В условиях отсутствия альтернативных поставок на другие рынки российская экономика способна оказаться в зависимости от циклов развития китайской экономики. С другой стороны, в Китае могут быть начаты преобразования, способствуя развитию инновационного сектора экономики и росту потребительских расходов на основе тесного сотрудничества с зарубежными странами.

Заключение

На основе сопоставительного анализа «предварительной» и «зеркальной» статистики торговли между Россией и Китаем, сформированной ООН и Таможенным комитетом КНР для 2022 г. соответственно, была выявлена большая достоверность китайских данных. Определено, что Россия и Китай по-разному реализовывали меры по предотвращению распространения COVID-19, что сказалось на дифференцированной реакции расходов на перемещение товаров между странами. Так, полученная оценка выявила увеличение расходов на транспортировку российских товаров в Китай более чем в два раза в период пандемии. При этом в период пандемии издержки на доставку товаров из Китая в Россию не увеличи-

⁷ Баласян А. Россия и Китай договорились проинвестировать совместные проекты на \$1,3 млрд // Коммерсантъ. 08.11.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5652855> (дата обращения 01.08.2023).

лись, указывая на менее жесткие правила ввоза товаров в Россию из КНР.

Опираясь на статистику Таможенного комитета КНР, было показано, что ограничения, связанные с реализацией политики «нулевой терпимости» к COVID-19, и санкции, примененные к России, способствовали наращиванию поставок товаров с высокой добавленной стоимостью из Китая на российский рынок, что способствовало замещению на российском рынке соответствующей продукции из западных стран. Было определено, что ограничения, связанные с пандемией, в целом не затрудняли поставку товаров из Китая в Россию, при этом на российском рынке постепенно восстанавливался отложенный спрос на импорт. В результате, российский рынок стал более открытым для китайских товаров, несмотря на общие трудности с поставкой технологически сложной продукции из-за рубежа.

Для стимулирования экономики во время пандемии в Китае были реализованы крупные пакеты мер государственной поддержки, которые позволили поддержать спрос на зарубежные товары, в том числе из России. Главным источником увеличения импорта из России в Китай являлись топливно-энергетические товары в связи с увеличением цен и физических объемов поставок на китайский рынок. Во время санкций российские компании экспортировали нефть в КНР по более высоким ценам, чем в третьи страны. При этом стали проявляться негативные последствия вынужденного изменения географической направленности российских топливно-энергетических товаров по причине увеличения стоимости транспортировки и проблем дальнейшей ликвидности полученной выручки. В целом для российских компаний перенаправление потоков топливно-энергетических товаров в сторону Китая можно охарактеризовать как вынужденное. Помимо топливно-энергетических товаров, китайский рынок становится одним из основных внешних рынков сбыта для рыбной отрасли России. В период пандемии Китай довольно часто закрывал свои морские порты для отгрузки рыбной продукции, ввозимой на китайский

рынок российскими поставщиками, вынуждая снижать цены за поставляемую продукцию. Большие перспективы для российских поставщиков стали видаться в экспорте зерновых культур на рынок Китая, что потребует капиталовложений в строительство инфраструктуры на юге Дальнего Востока России для хранения и вывоза данной продукции. Также Китай способен стать крупнейшим покупателем древесины из России, при этом российский бизнес вполне может столкнуться с проявлением негативных эффектов от монополии, а также снижением экспортной выручки.

Китай не присоединился к широкомасштабным санкциям против России, при этом соблюдая некоторые положения данных ограничений. В 2022 г. Китай стал одним из главных бенефициаров «разворота» экспортных потоков России с европейского рынка в сторону «дружественных» стран. Данный процесс в какой-то степени подтверждает то обстоятельство, что на самом деле торговые взаимодействия в современной глобальной экономике близки к оптимальным по Парето, поскольку экономические конфликты между отдельными странами создают возможности для выигрыша третьих стран [Афонцев, 2022].

При том, что для России расширение инвестиционного сотрудничества с КНР является перспективным, тем не менее существуют риски привязки сырьевого и потребительского рынка России к Китаю с точки зрения безальтернативности поставок на российский рынок оборудования, специализированных кадров и технологий из КНР. Тем не менее, высказываются вполне обоснованные мнения [Guan, 2022], что при сближении стран важно сокращать зависимость двусторонних взаимодействий от чрезмерной политической координации, делая ставку на расширение кооперации между бизнесом двух стран. Можно резюмировать, что экономики Китая и России функционируют в целом на основе рыночных принципов и широкой интеграции в глобальную экономику, несмотря на имеющиеся и будущие экзогенные ограничения. Данное обстоятельство по-

звolyает бизнесу как России, так и Китая в текущих условиях оперативно наращивать торговые взаимодействия, обходить возникающие внешние и внутренние барьеры для сохранения, укрепления и диверсификации экономических взаимосвязей. Несмотря на имеющиеся ограничения, на фоне обострения конкуренции

на рынках развитых стран китайское руководство продолжает рассматривать Россию в числе стран своего долгосрочного присутствия как для перспективного расширения рынка сбыта продукции отечественного сектора экономики КНР, так и для диверсификации зарубежных источников поставок сырьевых товаров.

Список источников:

1. Афонцев С. А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал новой экономической ассоциации. 2022. №5(55). С.193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10
2. Изотов Д. А. Меры государственной поддержки экономики в странах Большой тройки Северо-Восточной Азии в период пандемии // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 156–178. DOI: 10.14530/se.2021.3.156-178
3. Тимофеев И. Н. Политика санкций против России: новый этап // Журнал новой экономической ассоциации. 2022. №5 (55). С.198–206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11
4. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / Под ред. А.А. Кудрина. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 344 с.
5. Aksenov G, Li R, Abbas Q, Fambo H, Popkov S, Ponkratov V, Kosov M, Elyakova I, Vasiljeva M. Development of Trade and Financial-Economical Relationships between China and Russia: A Study Based on the Trade Gravity Model // *Sustainability*. 2023. Vol.15. Issue 7. Pp.6099. DOI: 10.3390/su15076099
6. Babina T., Hilgenstock B., Itskhoki O., Mironov M., Ribakova E. Assessing the Impact of International Sanctions on Russian Oil Exports // *SSRN Electronic Journal*, 2023, February 23. DOI: 10.2139/ssrn.4366337
7. Fu J., Tong G. The State of Grain Trade between China and Russia: Analysis of Growth Effect and Its Influencing Factors // *Agriculture*. 2023. Vol.13. Issue 7. Pp.1407. DOI: 10.3390/agriculture13071407
8. Garcia-Herrero A., Xu J. The China-Russia Trade Relationship and Its Impact on Europe. Bruegel Working Paper. 2016. Issue 4. 12 p. DOI: 10.2139/ssrn.3160494
9. Garcia-Herrero A., Xu J. How does China fare on the Russian market? Implications for the European Union // *Russian Journal of Economics*. 2019. Vol.5. Issue 4. Pp.385-399. DOI: 10.32609/j.ruje.5.49346
10. Gliberman S., Storer P. Geographic and Temporal Variations in Freight Costs for U.S. Imports from Canada: Measurement and Analysis. Border Policy Research Institute Publications 80. Western Washington University. Western CEDAR, 2010. https://cedar.wvu.edu/bpri_publications/80
11. Guan G. Thirty years of China–Russia strategic relations: achievements, characteristics and prospects // *China International Strategy Review*. 2022. Vol.4. Pp.21-38. DOI: 10.1007/s42533-022-00101-6
12. Hilgenstock B., Ribakova E., Wolff G.B. Toughening Financial Sanctions on Russia // *Intereconomics*. 2023. Vol.58. Issue4. Pp.201-208. DOI: 10.2478/ie-2023-0042
13. Krapohl S., Vasileva-Dienes A. The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia // *Asia Europe Journal*. 2020. Vol. 18. Pp.347-366. DOI: 10.1007/s10308-019-00548-0
14. Luzyanin S.G. The Present and Future of Russia–China Relations // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol.90. Pp.9-14. DOI: 10.1134/S1019331620010190
15. Mahlstein K., McDaniel C., Schropp S., Tsigas M. Estimating the economic effects

of sanctions on Russia: An Allied trade embargo // *The World Economy*. 2022. Vol.45. Pp.3344–3383. DOI: 10.1111/twec.13311

16. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior // *Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8. Issue 2. Pp.136-150. DOI: 10.1016/j.euras.2017.02.003

17. Narins T. Dynamics of the Russia-China Forest Products Trade // *Growth and Change*. 2015. Vol. 46. Issue 4. Pp.688-703. DOI: 10.1111/grow.12108

18. Schubert J., Savkin D. Dubious Economic Partnership: Why a China-Russia Free Trade Agreement Is Hard to Reach // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2016. Vol.2. Issue 4. Pp.529-547. DOI: 10.1142/S2377740016500287

19. Simola H. Made in Russia? Assessing Russia's potential for import substitution. BOFIT Policy Brief, No. 3/2022. <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:fi:bof-202205051182> (дата обращения 01 сентября 2023).

20. Simola H. What the literature says about the effects of sanctions on Russia. BOFIT Policy Brief. 2023 No. 8. <https://publications.bof.fi/handle/10024/52716>

21. Sosnovskikh S. A new form of parallel trading within economics relations between Russia and China // *Post-Communist Economies*. 2021. Vol. 33. Issue 1. Pp.94-118. DOI: 10.1080/14631377.2020.1745562

References:

1. Afontsev S. A. (2022) Political paradoxes of economic sanctions *Zhurnal novej ekonomicheskoy associacii* [The Journal of the New Economic Association]. No. 5(55): 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10 (In Russ.).

2. Izotov D. (2021) Economic Policy Responses to COVID-19 of the Northeast Asia Countries *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 17. No. 3: 156–178. DOI: 10.14530/se..3.156-178 (In Russ.).

3. Timofeev I. N. (2022) Policy of sanctions against Russia: Newest stage *Zhurnal novej ekonomicheskoy associacii* [The Journal of the New Economic Association]. No. 5 (55): 198–206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11 (In Russ.).

4. Economics and Economic Policy in the Context of a Pandemic. Edited by A.L. Kudrin. Moscow, 2021, 344 p. (In Russ.).

5. Aksenov G, Li R, Abbas Q, Fambo H, Popkov S, Ponkratov V, Kosov M, Elyakova I, Vasiljeva M. (2023) Development of Trade and Financial-Economical Relationships between China and Russia: A Study Based on the Trade Gravity Model *Ustoychivoye razvitiye* [Sustainability]. Vol 15. No. 7: 6099. DOI: 10.3390/su15076099

6. Babina T., Hilgenstock B., Itskhoki O., Mironov M., Ribakova E. (2023) Assessing the Impact of International Sanctions on Russian Oil Exports *Elektronnyy zhurnal SSRN* [SSRN Electronic Journal]. February 23. DOI: 10.2139/ssrn.4366337

7. Fu J., Tong G. (2023) The State of Grain Trade between China and Russia: Analysis of Growth Effect and Its Influencing Factors *Sel'skoye khozyaystvo* [Agriculture]. Vol 13. No 7: 1407. DOI: 10.3390/agriculture13071407

8. Garcia-Herrero A., Xu J. (2016) The China-Russia Trade Relationship and Its Impact on Europe *Rabochiy dokument Breygelya* [Bruegel Working Paper]. No 4: 12. DOI: 10.2139/ssrn.3160494

9. Garcia-Herrero A., Xu J. (2019) How does China fare on the Russian market? Implications for the European Union *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Journal of Economics]. Vol. 5. No. 4: 385–399. DOI: 10.32609/j.ruje.5.49346

10. Globerman S., Storer P. (2010) Geographic and Temporal Variations in Freight Costs for U.S. Imports from Canada: Measurement and Analysis *Publikatsii Instituta issledovaniy pogranychnoy politiki 80. Universitet Zapadnogo Vashingtona. Zapadnyy KEDR* [Border Policy Research Institute Publications 80. Western Washington University. Western CEDAR]. https://cedar.wvu.edu/bpri_publications/80Guan G. (2022) Thirty years

of China–Russia strategic relations: achievements, characteristics and prospects *Obzor mezhdunarodnoy strategii Kitaya* [China International Strategy Review]. Vol 4: 21–38. DOI: 10.1007/s42533-022-00101-6

11. Hilgenstock B., Ribakova E., Wolff G. B. (2023) Toughening Financial Sanctions on Russia *Interekonomika* [Intereconomics]. Vol. 58. No. 4: 201–208. DOI: 10.2478/ie-2023-0042

12. Krapohl S., Vasileva-Dienes A. (2020) The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia *Aziatsko-Yevropeyskiy zhurnal* [Asia Europe Journal]. Vol 18: 347–366. DOI: 10.1007/s10308-019-00548-0

13. Luzyanin S.G. The Present and Future of Russia–China Relations *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 2020. Vol. 90: 9–14. DOI: 10.1134/S1019331620010190

14. Mahlstein K., McDaniel C., Schropp S., Tsigas M. (2022) Estimating the economic effects of sanctions on Russia: An Allied trade embargo *Mirovaya ekonomika* [The World Economy]. Vol. 45: 3344–3383. DOI: 10.1111/twec.13311

15. Malle S. (2017) Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior *Zhurnal yevraziyskikh issledovaniy* [Journal of Eurasian Studies]. Vol. 8. No. 2: 136–150. DOI: 10.1016/j.euras.2017.02.003

16. Narins T. (2015) Dynamics of the Russia-China Forest Products Trade *Rost i izmeneniya* [Growth and Change]. Vol. 46. No. 4: 688–703. DOI: 10.1111/grow.12108

17. Schubert J., Savkin D. (2016) Dubious Economic Partnership: Why a China-Russia Free Trade Agreement Is Hard to Reach *Kitayskiy yezhekvartal'nyy zhurnal mezhdunarodnykh strategicheskikh issledovaniy* [China Quarterly of International Strategic Studies]. Vol. 2. No. 4: 529–547. DOI: 10.1142/S2377740016500287

18. Simola H. (2022) Made in Russia? Assessing Russia's potential for import substitution *Kratkoye izlozheniye politiki BOFIT* [BOFIT Policy Brief]. No. 3. <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:fi:bof-202205051182> (accessed September 01, 2023).

19. Simola H. (2023) What the literature says about the effects of sanctions on Russia *Kratkoye izlozheniye politiki BOFIT* [BOFIT Policy Brief]. No. 8. <https://publications.bof.fi/handle/10024/52716> (accessed September 01, 2023).

20. Sosnovskikh S. A new form of parallel trading within economics relations between Russia and China // *Post-Communist Economies*, 2021, vol 33, no 1, pp. 94–118. DOI: 10.1080/14631377.2020.1745562

Статья поступила в редакцию 03.08.2023; одобрена после рецензирования 17.08.2023; принята к публикации 18.08.2023.

The article was submitted 03.08.2023; approved after reviewing 17.08.2023; accepted for publication 18.08.2023.

Информация об авторе

Д. А. Изотов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

D. A. Izotov – Doctor of Economics, leading research fellow, the Economic Research Institute, FEB RAS.

Научная статья

УДК 338.46

doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-88-101

Услуги торговли и питания в методиках оценки качества жизни

Татьяна Васильевна Мазанкова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
mazankova-tv@ranepa.ru

Аннотация. В работе проанализированы и обобщены подходы и методики оценки качества жизни. Разработанные методики оценки качества жизни включают показатели (индикаторы) материального потребления и социальных связей, эти показатели отражают вклад торговли и общественного питания в повышение качества жизни. Разброс показателей (индикаторов), характеризующих потребление услуг торговли и питания, используемых авторами методик, достаточно широкий. Используются абсолютные, относительные, структурные показатели потребления, количественные показатели наличия торговой сети, субъективные оценки качества услуг. Результаты рейтинговой оценки по показателям потребления услуг торговли и питания, включенных в расчет рейтинга качества жизни, рассчитанные ВЭБ. РФ (для г. Хабаровска) и Агентства стратегических инициатив (для Хабаровского края) свидетельствует о низкой субъективной оценке качества при относительно высоких количественных показателях потребления и обеспеченности торговой площадью и точками питания и в г. Хабаровске, и в Хабаровском крае. Региональным органам власти в своей работе по повышению качества жизни следует учитывать сложившиеся итоги рыночных преобразований в обществе, а также инструменты субъективного подхода к оценке качества жизни, использовать апробированные формы работы с бизнесом (ограничение торговых надбавок на социально-значимые товары, обеспечение торговым обслуживанием удаленных сел и др.).

Ключевые слова: качество жизни, услуги торговли, услуги общественного питания, региональные стандарты качества жизни, рейтинг качества жизни, Хабаровский край

Для цитирования: Мазанкова Т. В. Услуги торговли и питания в методиках оценки качества жизни // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 88–101. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-88-101>

Trade and food services in the methods for assessing quality of life

Tatyana V. Mazankova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia
mazankova-tv@ranepa.ru

Abstract. The author analyzed and summarized approaches and methods for assessing the quality of life. Methods for assessing quality of life include indicators of material consumption and social connections. These indicators reflect the contribution of trade and public catering to improving the quality of life. The range of indicators characterizing the consumption of trade and food services is wide. Absolute, relative,

structural indicators of consumption, quantitative indicators of the presence of a trading network, and subjective assessment of the quality of services are used. The results of the rating assessment in terms of consumption of trade and food services included in the calculation of the quality of life rating, calculated by VEB.RF (Khabarovsk) and the Agency for Strategic Initiatives (Khabarovsk Territory) indicate a low subjective assessment of quality with relatively high quantitative indicators of consumption and provision of trade area and food outlets in Khabarovsk and the Khabarovsk territory. Regional authorities in their work to improve quality of life should take into account the current results of market transformations in the society.

Keywords: *quality of life, trade services, catering services, regional quality of life standards, quality of life rating, the Khabarovsk territory*

For citation: Mazankova T. V. Trade and food services in the methods for assessing quality of life // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 88–101. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-88-101>

Введение

Одной из ключевых задач государственных органов управления является повышение качества жизни. Во многих регионах России, в том числе и в Хабаровском крае, для формирования региональных социальных стандартов создаются советы по качеству жизни.

В научной среде проблематика качества жизни стала изучаться учеными в конце XX – начале XXI вв. Парадигма качества жизни рассматривается отечественными и зарубежными учеными как парадигма общественного развития. Как отмечается в работе М. Б. Лига, И. А. Щеткиной (Лига, Щеткина, 2012. С. 59), целью социально-экономического развития многих государств в последние десятилетия становится обеспечение высокого, достойного качества жизни, при этом общими направлениями исследований являются:

влияние экономического развития общества на повышение (понижение) качества жизни;

необходимость формирования системы объективных показателей (индикаторов) качества жизни;

изменение приоритета целей: качество жизни должно становиться приоритетным направлением при разработке новых моделей развития общества.

Недостаточное внимание к вопросам качества жизни может приводить также и к демографическим проблемам. Особенно это актуально для Дальнего Востока. Так, целями современной демогра-

фической политики на Дальнем Востоке является преодоление миграционного оттока населения, стабилизация и увеличение численности населения, что отражено в Постановлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 19 января 2023 г. № 2918-8 ГД. Хабаровский край относится к регионам, в которых наблюдается снижение численности населения, в том числе по причинам естественного и миграционного движения населения. Связь показателей численности населения и показателей качества жизни показана многими учеными. Например, И. В. Макарычевой [Управление качеством..., 2019. С. 129–145] изучены вопросы материальных аспектов качества жизни и их влияние на естественный прирост и численность населения. Е. А. Мотрич [Мотрич, 2022. С. 65–66] среди причин, по которой дальневосточники уезжают из своего региона в центральные регионы страны, называет причину низкого качества жизни в регионах Дальнего Востока.

Розничная торговля и общественное питание во многом определяют качество жизни. Об этом прямо или косвенно говорится в работах многих отечественных авторов. Например, Л. П. Дашков, И. Э. Сорокина определяют розничную торговлю «социальным выражением качества жизни общества» [Дашков, 2016]. В работе Е. Ю. Депутатова, Т. В. Малых показывается, что розничная торговля осуществляет важнейшую функцию – взаимодействие с потребителями на разных

уровнях: культурном, экономическом, эстетическом, определяя тем самым уровень качества жизни российских потребителей [Депутатова, Малык, 2017]. М. В. Рыбкина, Н. Н. Анюрова, О. В. Гаврилина [Рыбкина, Анюрова, Гаврилина, 2022], Л. А. Ибрагимова [Ибрагимова, 2015] рассматривают развитие розничной торговли как основу повышения качества жизни. О влиянии развития торговли на качество жизни говорится также и в предыдущих работах автора настоящей статьи [Мазанкова, 2022].

Значимую роль торговли и общественного питания признают и ученые, занимающиеся проблемами развития городских территорий. Так, М. С. Акимова, Н. Ю. Улицкая [Акимова, Улицкая, 2019. С. 62], анализируя застройку г. Пензы, приходят к выводам и показывают, что качество жизни населения повышает комфортная городская среда с плотной застройкой, которая через обеспечение «шаговой доступности» объектов обслуживания (отдых, торговля) стимулирует социальную жизнь. Развитые общественно-деловые зоны создают высокое качество городской среды.

Несмотря на значительное количество исследований вопросов качества жизни, наблюдается недостаток исследований, рассматривающих влияние потребления услуг торговли и питания. В этой связи важным является проведение анализа: насколько развитие розничной торговли и общественного питания способствуют повышению качества жизни; какими показателями, можно измерить это влияние; достаточен ли уровень развития торговли и общественного питания сегодня для высокого качества жизни. Интерес к этим вопросам обуславливает актуальность исследования.

Материалы и методы

Качество жизни является многомерным понятием. Достаточно сложно дать определение «качества жизни». Учеными разных научных направлений качество жизни изучается с позиций философии, социологии, экономики, технических наук, психологии.

По мнению Е. Е. Задесенец, качество жизни населения определяется жизненными потенциалами общества входя-

щих в него социальных групп, отдельных граждан и соответствием характеристик процессов, средств, условий и результатов их жизнедеятельности социально позитивным потребностям, ценностям и целям [Задесенец, 2010]. Проявляется качество жизни в субъективной удовлетворенности людей самими собой и своей жизнью, а также в объективных характеристиках, свойственных человеческой жизни как биологическому, психическому (духовному) и социальному явлению. Услуги торговли и питания определяют возможности удовлетворения объективных и субъективных материальных потребностей населения.

В этой связи представляет интерес изучение показателей потребления услуг торговли и общественного питания, включенных разными авторами в интегральные, обобщающие коэффициенты качества жизни в своих методиках оценки; возможности оценки этого блока показателей качества жизни; определение мер, направленных на повышение качества жизни гражданина.

В рамках данного исследования поставлены задачи:

обобщить эволюцию подходов и научных школ к изучению понятия «качество жизни», определить современное наполнение понятия;

выделить и оценить показатели (индикаторы), характеризующие качество жизни в части потребления услуг торговли и общественного питания;

оценить возможность использования показателей для оценки (на примере г. Хабаровска) и возможность использования результатов анализа для принятия управленческих решений

Для изучения показателей, характеризующих качество жизни, были использованы: монографический метод (при изучении работ ведущих отечественных ученых), методы статистического анализа, анализа причинно-следственных связей, сравнения, описания и др.

Информационной основой исследования явились общедоступные статистические данные, а также материалы исследований других отечественных ученых. Наиболее полной информационной базой является система показателей

«Индекс качества жизни в городах России» – результаты исследования ВЭБ.РФ (источник: URL: <https://citylifeindex.ru/database>), включающий более 300 показателей по 2018 городам России. Данная система построена на основании использования международного опыта. Система позволяет определять особенности каждого города, участвующего в проекте, и формировать рекомендации по возможным улучшениям качества жизни жителей в том или ином городе.

Для оценки качества жизни в Хабаровском крае использованы материалы рейтинга оценки усилий региональных органов исполнительной власти по созданию качественной среды для жизни граждан Российской Федерации (рейтинг качества жизни) 2023 г., рассчитанные Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов в Дальневосточном федеральном округе и представленные на заседании совета по качеству жизни в Хабаровском крае. Рейтинг разработан в целях разработки инструментов анализа потребностей и удовлетворенности жителей региона качеством среды для жизни, а также выявления лучших практик повышения качества жизни граждан.

Обсуждение темы

В работах ведущих отечественных ученых в этой области В. Н. Бобкова, В. Г. Квачёва, А. И. Субетто, О. И. Щербаковой [Бобков, Квачев, Субетто, 2016] представлена попытка выделить существовавшие и существующие научные школы в России и за рубежом, изучающие это многомерное и многоплановое понятие. Обзор направлений исследований отечественных ученых, занимающихся проблемами качества жизни, представлен в таблице 1.

Основные отечественные и зарубежные методики оценки качества жизни проанализированы также в работах:

И. С. Даниловой, И. Н. Аммосова [Данилова, Аммосов, 2019], где проанализированы отечественные методики оценки качества жизни; Г. В. Осипова, С. А. Айвазяна, Н. М. Римашевской, А. Г. Колбашиной, П. С. Масловского-Мстиславского, А. И. Субетто, В. Н. Бобкова, С. Ю. Глазьева, В. В. Локосова, а также зарубежные методики Индекса развития челове-

ческого потенциала, PQLI и PSLI (Physical Quality of Life Index), Треугольного индекса благосостояния нации, СНС (Система национальных счетов), Индекса качества жизни EIU, Индекса счастья NEF;

В. А. Кривошей, Н. В. Школкина [Кривошей, Школкина, 2013], где проанализированы системы показателей уровня жизни Швеции, Франции, США, ООН, российские системы Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики, программы улучшения качества жизни населения Белгородской области;

– М. Б. Лига [Лига, 2011], где показаны: поэтапный процесс становления категории «качество жизни» в истории зарубежной науки; классификации индикаторов качества жизни; дается определение «социальных индикаторов качества жизни».

Полный анализ этапов развития категории «качество жизни» приведен в работе М. В. Лига. В первый «эмбриональный» (конец 1950 – середина 1960-х гг.) этап формировалось понятие качества жизни, и основным показателем качества жизни принимался валовой внутренний продукт. На втором этапе «квантификационном» в систему показателей качества жизни были добавлены такие социальные показатели, как оценка социальных мероприятий в плане выгод и издержек. В этот период:

1) социальные индикаторы предлагались как основа оценки эффективности социальных программ;

2) качество жизни предлагалось использовать как нормативный эталон благосостояния, включающий материальные, социальные, экологические, политические и нравственные аспекты жизнедеятельности человека;

3) качество жизни рассматривается как результат экономической, технологической политики государства, влияния научно-технического процесса;

4) впервые уделяется внимание психологическим характеристикам качества жизни, измеряемым через уровень удовлетворенности или неудовлетворенности своим существованием.

На третьем этапе «концептуальном» качество жизни представляется в аспек-

Таблица 1

Основные отечественные научные школы «качества жизни»

Наименование	Ученые-представители	Направления исследований
Научная школа Института социально-экономических проблем народонаселения РАН	Н. М. Римашевская, А. Ю. Шевяков, Е. М. Авраамова, О. Н. Вершинская	Изучение качества и уровня жизни через проблемы бедности, неравенства и социального обеспечения, потребительского поведения, социально-экономической трансформации в обществе
Научная школа Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ)	В. Н. Бобков, П. С. Масловский-Мстиславский, В. Ф. Майер, В. П. Александрова, В. П. Васильев, Г.Н. Волкова, Е. Ш. Гонтмахер	Изучение качества жизни на основе: разработки междисциплинарного комплексного категориального аппарата исследования качества и уровня жизни; разработки социальных стандартов, необходимых для целеполагания и оценивания качества и уровня жизни; общероссийского и регионального мониторинга доходов, качества и уровня жизни; экономико-математического моделирования динамики качества и уровня жизни как базы для выработки рекомендаций для социальной политики.
Научная школа эконометрического изучения качества и уровня жизни Центрального экономико-математического института РАН (ЦЕМИ РАН)	С. А. Айвазян, А. Л. Макаров	Построение и изучение индикаторов и эконометрических моделей качества и уровня жизни, моделей для описания механизма формирования распределительных отношений в обществе.
Научная школа синтетической квалиметрии и исследований качества жизни А. И. Субетто	А. И. Субетто, В. П. Казначеев, Н. Р. Деряпа, Н. П. Фетискин, Г. М. Манулов, В. И. Кулайкин, Т. И. Миронова, А. И. Симоненко	Выделение направления «квалиметрия жизни»; создание концепции закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе как ведущего закона устойчивого развития общества; представление о «пирамиде качества жизни» как образе иерархической системы взаимодействия качества жизни человека (семьи), качества жизни социальных групп и качества жизни общества
Научная школа академика Т. И. Заславской	Т. И. Заславская	Изучение качества жизни с точки зрения экономической социологии, исследования структуры российского общества
Научная школа Ю. М. Левады	Ю. М. Левада	Социологические исследования качества жизни, изучение социальной стратификации российского общества, проблем потребления, бедности и неравенства
Научные школы Института социологии РАН (ИС)	В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, Ж. Т. Тощенко, М. К. Горшков	Социологические исследования качества жизни, в том числе с точки зрения экономической социологии, политической социологии, социологии массового сознания
Научные школы Института социально-политических исследований РАН	Г. В. Осипов, И. Я. Богданов, В. Н. Иванов, С. М. Шахрай, В. Л. Шульц, В. В. Федоров	Социологические исследования качества жизни, социологии экономики, культуры и качества жизни, государственное управление на основе системы социальных индикаторов и показателей качества жизни населения, электоральные исследования и мониторинг удовлетворенности людей властью и социальной сферой
Научная школа Социология качества жизни	М. Б. Лига	Социологические исследования качества жизни, качество жизни является интегральным индикатором всех процессов, происходящих в современном социуме

Источник: составлено автором по [Субетто, 2017; Научные школы исследования..., 2016, С. 7–23.]

те глобальных проблем; сформировались два подхода к изучению качества жизни (первый: «глобальное моделирование» как исследование качества жизни общества, второй: «субъективное качество жизни» как исследование качества жизни личности); качество жизни рассматривалось через проблемы технологий, окружающей среды, использования невозобновляемых природных ресурсов, производство продовольствия и плотность населения. К этому же этапу относится разработка показателя индекса человеческого капитала.

Для четвертого этапа, по мнению М. В. Лига, характерно изучение механизмов улучшения качества жизни; анализ природы и сущности качества жизни; исследование проблемы управления качеством жизни; появление нового типа экономики – экономики качества, экономики знаний.

Таким образом, в научной среде сложились несколько подходов к пониманию качества жизни:

как характеристики уровня жизни и потребления материальных благ и услуг;

подход, включающий наравне с материальным потреблением также удовлетворение духовных потребностей;

понимание качества жизни через здоровье населения (физического и духовного), образованность, продолжительность жизни;

как подхода, учитывающего глобальные проблемы экологии.

Обобщая опыт отечественных ученых и зарубежных исследований, видим, что невозможно разработать какую-либо единую, универсальную методику оценки качества жизни, а дискуссии по трактовке самого понятия «качество жизни» ведутся до сих пор. При этом достижение и поддержание достойного уровня, обеспечение высокого качества жизни населения становятся стратегической целью мирового сообщества.

Будем придерживаться понятия качества жизни как системного понятия, определяемого единством его компонентов: самого человека как биологического и духовного существа, его жизнедеятельности и условий, в которых она протекает. Система показателей качества жизни

поэтому должна включать как объективные характеристики самого человека (или социума), его жизнедеятельности и условий жизни, так и субъективные оценочные характеристики, отражающие отношение субъекта к реалиям его жизни.

Качество жизни человека (индивида или социума) – это оценочная категория жизни человека, обобщенно характеризующая параметры всех составляющих его жизни: жизненного потенциала, жизнедеятельности и условий жизнедеятельности (инструментов, ресурсов и среды) по отношению к некоторому объективному или субъективному эталону. Свойствами качества жизни являются многокомпонентность и субъективизм в оценке.

Поскольку отличия в содержании, которые вкладывают ученые в понятие «качество жизни», существенны, они определяют как обширный перечень критериев оценки качества жизни населения, так и методов их получения. Достаточно сложно сформировать интегральный показатель качества жизни ввиду большого разнообразия структурных составляющих. Для этого в моделях и методиках оценки «качества жизни» используются статистический, социологический и смешанный подходы, с помощью которых возможно измерить объективное (измеряемое в основном достоверными показателями) и субъективное (ощущаемое) качество жизни.

Статистический подход предполагает возможность расчета, анализа, прогнозирования статистических количественных показателей, которые легко собираются, поддаются экономико-математическому анализу и моделированию.

Социологический подход предполагает сбор и оценку показателей, отражающих субъективное отношение человека к уровню жизни и измерение качества жизни с помощью социологических инструментов. При этом может возникнуть ситуация, когда оценка уровня жизни самим субъектом не будет совпадать с объективными статистическими данными.

Смешанный подход предполагает комбинацию объективного и субъективного подхода.

Анализируя отечественные и зарубежные методики оценки качества жизни А.

И. Россошанский, Е. А. Чекмарева [Россошанский, Чекмарева, 2016] представили в своей работе сравнительную таблицу элементов, составляющих структурные блоки (области качества жизни) в десяти моделях зарубежных и отечественных исследователей. Отечественные и зарубежные авторы методик наполняют модель качества жизни разными структурными элементами и областями качества жизни. Авторами выделено 13 структурных блоков показателей (физическое и психическое здоровье, образование, материальное благосостояние, уровень жизни, условия труда и рынок труда, безопасность, природно-климатические условия, духовное и личностное развитие, семейное благополучие, гендерное равенство, политические свободы, досуг, социальные отношения). В девяти моделях из десяти используются: физическое здоровье; материальное благосостояние, уровень жизни; социальные отношения. Все эти области тесно связаны с торговлей и общественным питанием.

Физическое здоровье в большей степени определяется питанием человека. При этом важны питательная ценность, вкусовые свойства, разнообразие, регулярность питания, доступна ли покупка разнообразных продуктов питания в торговых точках, организовано ли питание работника на рабочем месте, как организовано питание в местах и много других вопросов.

Материальное состояние обеспечивает возможность покупки продуктов питания и непродовольственных товаров, услуг общественного питания. В этой области возникают вопросы: достаточен ли доход работника, чтобы купить необходимые продовольственные товары, достаточен ли доход работника для обеспечения возможности приобретения непродовольственных товаров; какого качества приобретаются товары.

Социальные отношения связаны с ролью в обществе, с тем, как человек проводит отдых и досуг. На качество социальных связей оказывают влияние такие возможности человека, связанные с развитием торговли: возможность отдыха в кафе, качество товаров, покупаемых в предприятиях торговли, следование моде и др.

Поскольку в большинстве методик качество жизни оценивается с объективной и субъективной стороны, представляют интерес показатели (индикаторы) потребления услуг торговли и общественного питания, включенные разными авторами в общую модель качества жизни. Распределение показателей разных методик представлено в таблице 2.

Набор показателей, включаемых разными авторами, существенно различается. Среди показателей встречаются статистические показатели абсолютного и относительного потребления услуг, структурные показатели, показатели наличия инфраструктурных объектов торговли и общественного питания, в том числе в расчете на 1 жителя. Изучение показателей по большинству представленных методик не дает представления о том, как надо развивать торговлю и общественное питание для повышения качества жизни.

Результаты исследования

Одной из известных открытых баз данных показателей качества жизни в городах России является база данных исследования государственной корпорации развития ВЭБ.РФ. В таблице 3 представлены результаты анализа показателей г. Хабаровска в сравнении с городами Российской Федерации.

Анализируя данные показатели, можем видеть, что отставание г. Хабаровска наблюдается по группам показателей «жилищные условия», «здоровье», «благоустройство», «безопасность», «проведение свободного времени», «общественная активность». В этих группах показатель в г. Хабаровске отстает от показателя в среднем по РФ и в среднем по городам-региональным центрам (к группе которых в данном исследовании отнесен Хабаровск). Общая оценка удовлетворенности получилась выше, чем в России, но меньше, чем по городам-региональным центрам. По четырем показателям, включенным в группу «удовлетворенность» и по которым имеются данным по Хабаровску, следующая ситуация: доля людей, желающая сменить место жительства, от общего количества респондентов, в процентах (Хабаровск – 34,49%, среднее значение по городам РФ – 31,13%, среднее значение по

Таблица 2

Показатели (индикаторы), имеющие связь с материальным потреблением, используемые в отечественных методиках оценки качества жизни

Авторы методик	Характеристика показателей методики
С. А. Айвазян, М. Ю. Афанасьев, А. В. Кудров	Пять основных направлений социально-экономического развития субъектов РФ: производство товаров и услуг, материальное благосостояние, качество населения, качество социальной сферы, внутренняя безопасность. Направление «материальное благосостояние (субъективно)» включает 5 показателей: минимально необходимый месячный доход; способны заменить вышедшие из строя предметы мебели (доля опрошенных); могут менять себе и членам семью одежду на новую; могут покупать фрукты в любое время года; испытывают потребность в улучшении жилищных условий
К. К. Колин	Комплексная оценка включает 12 структурных компонентов: жизненный потенциал населения; трудоспособность населения; благосостояние населения; качество природной среды обитания; энергетика жизнеобеспечения; транспортная инфраструктура; качество социальной среды; качество информационной сферы; свобода и демократия; общественная безопасность; социальная стабильность; психологический климат. Направление «благосостояние населения» включает: уровень жизни; баланс доходов и расходов; цены для потребителя; жилье и собственность; продовольственная корзина
В. В. Татарченко	В системе уровня и качества жизни показатели сгруппированы в три направления: экономическая сфера; социальная сфера; безопасность. В экономической сфере блок «потребление» включает: оборот розничной торговли на душу населения (тыс. руб./чел.); оборот общественного питания на душу населения (тыс. руб./чел.)
Р. А. Баркенхоева	В системе качества жизни две группы параметров: общее состояние и параметры потребления. В группе параметров потребления выделена подгруппа «уровень потребления», в которую входят величина и динамика потребительских расходов; структура расходов; розничный товарооборот (динамика и структура)
Н. М. Римашевская, И. А. Герасимов, В. Г. Копнина	Комплексная оценка включает 7 групп показателей: показатели, характеризующие потребителя; показатели, характеризующие внешние условия поведения потребителей; показатели, характеризующие поведение потребителей; показатели здоровья и демографические характеристики; показатели влияния образа жизни и быта на индивидуальную производительность труда; показатели социальной мобильности; мнения населения относительно своего благосостояния. Во вторую и третью группы входят следующие показатели, относящиеся к торговле: обеспеченность услугами; уровень потребления; структура по видам потребностей, форме организации потребления (коллективное, индивидуальное)

Источник: составлено автором по [Афанасьев, Кудров, 2019; Баркенхоева, 2019; Кривошей, Школкина, 2013; Татарченко, 2020].

городам-региональным центрам – 27,95%); среднее значение самооценки удовлетворённости населения своей жизнью, в баллах (Хабаровск – 5,93, среднее значение по городам РФ – 6,02, среднее значение по городам-региональным центрам – 6,07); коэффициент миграционного прироста населения возрастом до 35 лет на 10 тыс. человек (Хабаровск – 689,98, среднее значение по городам РФ – 348,25, среднее значение по городам-региональным центрам – 295,87); коэффициент миграцион-

ного прироста населения старше трудоспособного возраста на 10 тыс. человек (Хабаровск – 60,68, среднее значение по городам РФ – 20,00, среднее значение по городам-региональным центрам – 32,33). Для Хабаровска характерна высокая доля жителей, желающих уехать.

В группу показателей «проведение свободного времени» входят следующие показатели, относящиеся к торговле:

количество объектов общественного питания на 100 тыс. человек, ед./100

Таблица 3

Сравнение показателей, характеризующих качество жизни, в Хабаровске с городами России, представленных в исследовании ВЭБ.РФ

Показатель	г. Хабаровск	Российская Федерация	Города РФ – региональные центры
Жилищные условия	45,98	52,44	52,68
Доход и работа	55,86	48,26	52,00
Здоровье	47,58	50,79	54,17
Образование	52,16	50,38	54,98
Мобильность	55,18	55,2	52,41
Благоустройство	45,80	52,57	53,25
Природно-экологические условия	49,46	48,11	47,28
Безопасность	51,52	57,03	57,87
Проведение свободного времени	48,36	50,36	50,50
Общественная активность	46,67	47,34	50,33
Удовлетворенность	52,48	49,54	53,31

Источник: составлено автором по данным исследования ВЭБ.РФ URL: <https://citylifeindex.ru/database> (дата обращения 16.08.2023)

тыс. чел. (Хабаровск – 352,58, среднее значение по городам РФ – 198,89, среднее значение по городам-региональным центрам – 267,7);

обеспеченность населения торговой площадью, кв. м./1 тыс. чел. (Хабаровск – 122221,43, среднее значение по городам РФ – 110675,53, среднее значение по городам-региональным центрам – 122873,97);

оценки кафе, баров и ресторанов, балл (Хабаровск – 4,03, среднее значение по городам РФ – 4,08, среднее значение по городам-региональным центрам – 4,12).

В группу показателей «доход и работа» входят следующие показатели, относящиеся к торговле:

доля затрат на продукты питания, в процентах (Хабаровск – 27,31, среднее значение по городам РФ – 25,07, среднее значение по городам-региональным центрам – 26,87);

среднедушевые денежные доходы населения, скорректированные на стоимость жизни, руб. (Хабаровск – 34488,85, среднее значение по городам РФ – 35249,59, среднее значение по городам-региональным центрам – 34300,11);

доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте, в процентах (Хабаровск – 28,13, среднее значение по городам РФ – 22,59, среднее значение по городам-региональным центрам – 22,56);

напряженность на рынке труда, чел./место (Хабаровск – 6,86, среднее значение по городам РФ – 25,36, среднее значение по городам-региональным центрам – 14,26).

Ключевыми потребностями современного жителя является жилище, работа с достойной оплатой и возможности ее потратить на удовлетворение своих потребностей.

Оценка потребления услуг торговли и питания в данной методике позволяет сделать вывод, что преимуществами Хабаровска являются более высокая заработная плата, более высокие показатели обеспеченности торговыми площадями и местами в организациях общественного питания. В то же время недостатками являются более высокая доля расходов на питание, более высокая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. Обобщая результаты анализа, можно сделать вывод о том, что в г. Хабаровске жизнь дороже: получая более высокую заработную плату, хабаровчанин тратит значительную ее часть на питание; недоступность по цене услуг кафе, ресторанов обуславливает низкие оценки удовлетворенности потребителей.

В рейтинге качества жизни, разработанного Агентством стратегических инициатив, и представленного 26.04.2023 г. на заседании совета по качеству жизни в Хабаровском крае, для оценки влияния торговли и питания на качество жизни

можно использовать раздел «потребление и досуг», включающий показатели удовлетворенности человека и показатели, характеризующие объективные факторы среды. По расчетам специалистов Агентства стратегических инициатив за 2022 год достигнуты следующие показатели:

удовлетворенность опытом покупки товаров повседневного спроса (в т. ч. продуктов питания) и получения повседневных услуг (в баллах): Хабаровский край – 1,97 балла, среднее значение 2,32 балла;

удовлетворенность опытом покупки товаров длительного пользования (в баллах): Хабаровский край – 1,86 балла, среднее значение – 2,24 балла;

оценка уровня своего дохода (в баллах): Хабаровский край – 1,06 балла; среднее значение – 1,44 балла;

количество объектов общественного питания на 100 тыс. человек населения (коэф.): Хабаровский край – 73,0; среднее значение 87,7;

оценка удовлетворенности качеством и выбором объектов общественного питания (в баллах): Хабаровский край – 1,98 балла; среднее значение – 2,06 балла;

обеспеченность населения торговой площадью (коэф.): Хабаровский край – 95 302; среднее значение – 93320;

доля населения, проживающего в пределах 15-минутной пешей доступности от хотя бы одного продуктового магазина (в процентах): Хабаровский край – 88,4%; среднее значение – 82,1%;

оценка доступности товаров длительного потребления (в баллах): Хабаровский край – 1,73 балла; среднее значение – 1,72 балла;

доступность товаров первой необходимости на селе (в баллах): Хабаровский край – 1,69 балла; среднее значение – 1,99 балла;

динамика количества объектов общественного питания на 100 тыс. человек населения (в процентах): Хабаровский край – 0,89 %; среднее значение – минус 1,26%.

Анализ показателей по Хабаровскому краю в сравнении со средним значением по РФ также свидетельствует о более низких субъективных оценках качества гражданами по сравнению другими регионами, в то же время более высокая

оценка объективных факторов (доля населения, проживающего в пределах 15-минутной пешей доступности от хотя бы одного продуктового магазина; динамика количества объектов общественного питания на 100 тыс. человек населения). То есть, и методика ВЭБ.РФ (расчет для г. Хабаровска), и методика Агентства стратегических инициатив (расчет для Хабаровского края) показывают низкие оценки удовлетворенности граждан при достаточно развитой инфраструктуре торговли и общественного питания.

Возникает вопрос как это объяснить, в каком объеме и какие услуги торговли и общественного питания, какого качества должен потреблять гражданин для достойного уровня качества жизни. Сложно представить ситуацию, что только в Хабаровском крае в отличие от других регионов страны на предприятиях работает персонал, который не умеет готовить и обслуживать посетителей, а во всех магазинах представлен товар более низкого качества. Такого быть не может. В то же время объяснить низкие оценки можно низкой обеспеченностью торговыми площадями и посадочными местами в организациях общественного питания в сельских местностях Хабаровского края; значительной удаленностью организаций торговли и общественного питания от потребителей в сельской местности (отсутствием в малонаселенных селах торговых предприятий и предприятий питания); «вымыванием» недорогого ассортимента ввиду его низкой рентабельности и другими объективными причинами. Над этими причинами органам власти можно работать совместно с организациями торговли и питания. Так, например, в Хабаровском крае успешно реализуется проект «Автолавки в село», заключены соглашения о добровольном установлении минимальных торговых надбавок на социально-значимые товары.

Но есть и другие факторы, регулировать которые сложнее или в нынешних условиях нет возможности. Возможно, объяснить низкие оценки граждан помогут выводы Бобкова В. Н. [Бобков, 2012] о ключевых характеристиками современного общества, это:

недостаточность заработной платы у

работающего населения для жизни по средним стандартам текущего потребления ввиду распространения неустойчивой занятости, в связи с чем еще в трудоспособном возрасте эта часть населения находится за чертой доходов ниже прожиточного минимума;

рост масштабов бедности по доходам, используемым на потребление, и избыточное социально-экономическое неравенство, в результате которого часть населения оказалась среди наиболее нуждающихся и низкообеспеченных по уровню текущего потребления;

преобладание низкого и ниже среднего уровня материальной обеспеченности по доходам и жилищи;

недостаточное увеличение численности населения, в то время как мощным мотивационным источником роста числа рождений является повышение уровня жизни основной массы населения и сокращение избыточного социально-экономического неравенства.

В истории нашей страны есть примеры, когда жители давали высокие субъективные оценки при недостаточном уровне развития объективных показателей. [Управление качеством..., 2019. С. 135].

Понимая сложившиеся тенденции и аспекты важно разрабатывать механизмы повышения качества жизни жителей. Известным элементом управления качеством жизни населения является стандартизация, в результате которой можно установить ориентиры, к которым должно стремиться общество. Жизненный стандарт должен задавать направление поступательного движения, быть тем критерием, по которому можно оценить достигнутый уровень качества жизни, сопоставить его с «желаемым» состоянием, определить точки «разрыва» и направления достижения целей, поставленных социальной политикой, определяемой устремлениями социума (Шаронова, 2010). Разрабатывая стандарты качества жизни, важно визуализировать их для населения.

Выводы

С момента возникновения интереса к качеству жизни происходила эволюция содержания понятия «качества жизни», увеличение смыслов, вкладываемых в это понятие. К простому пониманию как

материального потребления добавлялись социальные условия жизнедеятельности, а далее и социально-психологические характеристики.

В отечественной науке сформировалось несколько научных школ, основанных на разных подходах к пониманию качества жизни. В значительной мере разработки научных школ зависели от системы ценностей, принятой в обществе, целей и задач исследований.

Учеными разработаны разные методики оценки качества жизни, включающие объективные и субъективные показатели (индикаторы) качества жизни. Предлагаются методики расчета отдельных показателей качества жизни, интегральных показателей качества жизни, а также рейтинговый подход.

В большинстве методик оценки качества жизни используются показатели (индикаторы) потребления материальных благ и социальных связей. Этими показателями возможно отразить связь и значение торговли и общественного питания в формировании качества жизни. В методиках встречаются абсолютные, относительные и структурные показатели потребления услуг торговли и общественного питания, а также показатели наличия сети предприятий торговли и общественного питания, относительные показатели наличия сети в расчете на 1 жителя и субъективные показатели оценки потребителем удовлетворенности уровнем обслуживания.

Доступная база исследования ВЭБ.РФ позволяет оценить качество жизни в г. Хабаровске по 11 группам показателей. Общие оценки по 10 группам показателей: жилищные условия, здоровье, образование, мобильность, благоустройство, природно-экологические условия, безопасность, проведение свободного времени, общественная активность, удовлетворенность в основном ниже, чем средняя оценка по Российской Федерации. Превышение оценки наблюдается только по группе показателей «доход и работа». Количественные показатели, характеризующие потребление услуг торговли и общественного питания, в г. Хабаровске выше, чем по России, наблюдается большее количество предприятий питания, более высокая обеспеченность торговыми

площадями, в то же время наблюдается неудовлетворенность жителя уровнем обслуживания.

Анализ рейтинговых показателей раздела «потребление и досуг» методики, разработанной Агентством стратегических инициатив, для оценки влияния торговли и питания на качество жизни свидетельствует по показателям Хабаровского края о сходных проблемах. Наблюдается более низкая субъективная оценка качества гражданами по сравнению с другими регионами, в то же время оценка объективных факторов (доля населения, проживающего в пределах 15-минутной пешей доступности от хотя бы одного продуктового магазина; динамика коли-

чества объектов общественного питания на 100 тыс. человек населения) высокая.

Требуются более глубокие исследования причин неудовлетворенности граждан уровнем и качеством торгового обслуживания. Следует также продолжать успешные практики сотрудничества власти и бизнеса в области ограничения торговых надбавок, субсидирования затрат, обеспечения доступности торговых услуг. Дальнейшую работу по повышению качества жизни региональным органам власти следует осуществлять в области формирования региональных стандартов с учетом сложившейся социально-экономической ситуации и субъективной составляющей качества жизни.

Список литературы:

1. Акимова М. С., Улицкая Н. Ю. Оценка качества городской среды г. Пенза // Экономика строительства». 2019. № 5 (59). С. 62–72.
2. Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В. Интегральный индикатор качества условий жизни // Цифровая экономика. 2019. № 1 (5). С. 43–56.
3. Баркенхоева Р. А. Реализация динамического подхода к оценке уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной системы показателей // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2019. № 2(240). С. 15–23.
4. Бобков В. Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // МИР России. 2012. № 2 С. 3–26.
5. Данилова И. С., Аммосов И. Н. Зарубежный и отечественный опыт оценки качества жизни населения // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2019. № 1(13). С. 5–14. DOI 10.25587/SVFU.2019.13.33446.
6. Дашков, Л. П., Сорокина И. Э. Услуги розничной торговли: тенденции трансформации // Экономические системы. 2016. № 2. С. 27–32.
7. Депутатова, Е. Ю., Малых Т. В. Социальная роль розничной торговли в формировании покупательского поведения // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 1–5. С. 49–51.
8. Задесенец Е. Е., Зараковский Г. М., Пенова И. В. Методология измерения и оценки качества жизни населения России // Мир измерений. 2010. № 2. С. 37–44.
9. Ибрагимова А. А., Хусаинова А. Н. Влияние розничной торговли на качество жизни покупателей // Вестник ИжГТУ имени М.Т. Калашникова. 2015. Т. 18. № 4 (68). С. 24–26.
10. Кривошей В. А. Системы показателей уровня и качества жизни населения / В. А. Кривошей, Н. В. Школкина // Российский экономический интернет-журнал. 2013. № 4. С. 27.
11. Лига М. Б. Качество жизни: генезис идей / М. Б. Лига // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2011. № 4(39). С. 237–244.
12. Мазанкова Т. В. Розничная торговля как индикатор качества жизни населения // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2(99). С. 151–161. DOI 10.22394/1818-4049-2022-99-2-151-161. – EDN DZAEAZ.
13. Мотрич Е. А. Современные демографические процессы на Дальнем Восто-

ке России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 4 (101). С. 59–68. .
<https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68>

14. Бобков В. Н., Квачев В. Г., Субетто А. И., Щербакова О. И. Научные школы исследования качества жизни и обусловленных им социальных структур в России // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 4 (202). С. 7–23.

15. Россопанский А. И., Чекмарева Е. А. Структура качества жизни населения в российских и зарубежных исследованиях // Социальное пространство. 2016. № 1 (3). С. 2.

16. Рыбкина М. В., Анюрова Н. Н., Гаврилина О. В. Развитие розничной торговли как основа повышения качества жизни населения региона // Управленческий учет. 2022. № 12–2. С. 571–580. DOI 10.25806/uu12-22022571-580.

17. Субетто А. И. Теория качества жизни: монография. Под науч. ред. д.э.н., проф., Заслуж. раб-ка высш. школы РФ, Заслуж. строителя РФ Горбунова Аркадия Антоновича. СПб.: Астерион; 2017. 280 с.

18. Татарченко В. В. Разработка системы показателей оценки уровня и качества жизни населения (на примере муниципальных образований Ростовской области) / В. В. Татарченко // Информационные технологии, системный анализ и управление (ИТСАУ-2020) : Сборник трудов XVIII Всероссийской научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. В 3-х томах, Таганрог, 03–05 декабря 2020 года. Том 3. Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. С. 35–41.

19. Управление качеством жизни населения: монография / под общ. ред. С.Г. Захаровой. Нижний Новгород: НИЦ «Открытое знание», 2019. 157 с.

20. Шаронова Д. С. Стандарты качества жизни // Перспективы науки. 2010. № 11(13). С. 96–100.

References:

1. Akimova M. S., Ulitskaya N. Yu. (2019) Assessment of the quality of the urban environment in Penza *Ekonomika stroitel'stva* [Economics of Construction]. No 5 (59): 62–72. (In Russ.)

2. Ayvazyan S. A., Afanas'yev M. Yu., Kudrov A. V. (2019) Integral indicator of the quality of living conditions *Tsifrovaya ekonomika* [Digital Economy] No 1(5): 43–56. (In Russ.)

3. Barkenkhojeva R. A. (2019) Implementation of a dynamic approach to assessing the level and quality of life of the population based on a balanced system of indicators *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Adygea State University] Seriya 5: *Ekonomika*. No 2 (240): 15–23. (In Russ.)

4. Bobkov V. N. (2012) 20 years of capitalist transformations in Russia: influence on the level and quality of life *MIR Rossii* [WORLD OF Russia] No. 2: 3–26. (In Russ.)

5. Danilova I. S., Ammosov I. N. (2019) Foreign and domestic experience in assessing the quality of life of the population *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after. M.K. Ammosova. Series: Economics. Sociology. Culturology] No 1(13): 5–14. DOI 10.25587/SVfU.2019.13.33446. (In Russ.)

6. Dashkov L. P., Sorokina I. E. (2016) Retail trade services: trends of transformation *Ekonomicheskiye sistemy* [Economic systems] No 2: 27–32. (In Russ.)

7. Deputatova Ye. Yu., Malykh T. V. (2017) Social role of retail trade in the formation of purchasing behavior *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy* [Modern trends in the development of science and technology] No. 1–5: 49–51. (In Russ.)

8. Zadesenets Ye. Ye., Zarakovskiy G. M., Penova I. V. (2010) Methodology for measuring and assessing the quality of life of the Russian population *Mir izmereniy* [World of measurements] No 2: 37–44. (In Russ.)

9. Ibragimova L. A., Khusainova A. N. (2015) The influence of retail trade on the quality of life of customers *Vestnik IzhGTU imeni M.T. Kalashnikova* [Bulletin of Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov]. Vol. 18. No 4 (68): 24–26. (In Russ.)

10. Krivoshey V. A., Shkol'kina N. V. (2013) Systems of indicators of the level and quali-

ty of life of the population *Rossiyskiy ekonomicheskiy internet-zhurnal* [Russian Economic Internet Journal]. No 4: 27. (In Russ.)

11. Liga M. B. (2011) Quality of life: the genesis of ideas *Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo* [Scientific notes of the Transbaikal State Humanitarian Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky]. No. 4(39): 237–244. (In Russ.)

12. Mazankova T. V. (2022) Retail trade as an indicator of the quality of life of the population *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 2(99): 151–161. DOI 10.22394/1818-4049-2022-99-2-151-161. – EDN DZAEAZ. (In Russ.)

13. Motrich Ye. L. (2022) Modern demographic processes in the Russian Far East *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 4 (101): 59–68. . <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68> (In Russ.)

14. Bobkov V. N., Kvachev V. G., Subetto A. I., Shcherbakova O. I. (2016) Scientific schools of research into the quality of life and the social structures determined by it in Russia *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of Russian regions]. No. 4 (202): 7–23. (In Russ.)

15. Rossoshanskiy A. I. Chekmareva Ye. (2016) A. Structure of the quality of life of the population in Russian and foreign studies *Sotsial'noye prostranstvo* [Social space]. No. 1(3): 2. (In Russ.)

16. Rybkina M. V. Anyurova N. N., Gavrilina O. V. (2022) Development of retail trade as a basis for improving the quality of life of the population of the region *Upravlencheskiy uchët* [Management accounting]. No. 12–2: 571–580. DOI 10.25806/uu12-22022571-580. (In Russ.)

17. Subetto A. I. (2017) Theory of quality of life: monograph. Under scientific ed. Doctor of Economics, Prof., For-service. senior slave schools of the Russian Federation, Honored builder of the Russian Federation Arkady Antonovich Gorbunov. SPb.: Asterion; 280 p. (In Russ.)

18. Tatarchenko, V. V. (2020) Development of a system of indicators for assessing the level and quality of life of the population (using the example of municipalities of the Rostov region) *Informatsionnyye tekhnologii, sistemnyy analiz i upravleniye (ITSAU-2020)* [Information technologies, system analysis and management (ITSAU-2020)] Collection of works of the XVIII All-Russian scientific conference of young scientists, graduate students and students. In 3 volumes, Taganrog, December 03–05, 2020. Vol. 3. Rostov-on-Don – Taganrog: Southern Federal University, 35–41. (In Russ.)

19. Managing the quality of life of the population: monograph / edited by. ed. S.G. Zakharova. Nizhny Novgorod: Research Center “Open Knowledge” 2019. 157 p. (In Russ.)

20. Sharonova D. S. (2010) Standards of quality of life *Perspektivy nauki*. [Perspectives of science] No. 11 (13): 96–100. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.08.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 29.08.2023.

The article was submitted 17.08.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 29.08.2023.

Информация об авторе

Т. В. Мазанкова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмента и государственного управления», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

T. V. Mazankova – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of management and public administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 37.035

doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-102-117

Дополнительное образование детей Хабаровского края в социологическом измерении

Николай Михайлович Байков¹, Кристина Ивановна Спека²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ baykov-nm@ranepa.ru

² speka-ki@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического измерения направлений дополнительного образования детей и оценка их влияния на личностное и профориентационное развитие подрастающего поколения на примере Хабаровского края. Дополнительное образование детей авторами рассматривается в контексте понятия «образовательное пространство», которое интерпретируется как часть социума со своей системой субъект-объектных отношений государственных и иных структур по личностному и профессиональному обучению детей и молодежи. Представленный в статье анализ основных научных подходов к изучению образовательного пространства дает основание авторам использовать его для социологического измерения. Эмпирические результаты социологических опросов, полученные авторами и отечественными исследовательскими центрами, свидетельствуют, что общероссийская тенденция к повышению разнообразия образовательных услуг остается значительной в региональном измерении. На основе данных социологических опросов родителей и детей разных возрастных групп показано, что проектирование индивидуального детского образовательного пространства оказывается в зависимости от многих объективных условий и субъективных факторов с точки зрения возможностей территории и семей. Установки родителей, доступные ресурсы и готовность прилагать усилия для личностного и профориентационного развития детей в наибольшей степени детерминируют форму и содержание регионального дополнительного образовательного пространства. Авторы считают целесообразным совершенствовать государственную образовательную политику в направлении обеспечения качества условий и доступности дополнительных форм занятий для каждого ребенка и успеха его личностного развития и профориентационного выбора независимо от места проживания на территории Хабаровского края.

Ключевые слова: дополнительное образование детей, личностное развитие, профориентация, Хабаровский край, социологические исследования

Для цитирования: Байков Н. М., Спека К. И. Дополнительное образование детей Хабаровского края в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 102–117. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-102-117>

Sociological dimension of supplementary education for children of the Khabarovsk territory

Nikolay M. Baykov¹, Kristina I. Speka²

^{1,2} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

¹ baykov-nm@ranepa.ru

² speka-ki@ranepa.ru

Abstract. *This article presents the results of sociological research of directions of supplementary education for children and the assessment of their impact on the personal and career-oriented development of younger generation on the example of the Khabarovsk territory. Supplementary education for children is considered by the authors in the context of the concept of «educational space», which is interpreted as a part of society, with its own system of subject-object relations of the state and the other structures for personal and professional education of children and youth. Analysis of the main scientific approaches to the study of educational space presented in the article gives the authors a reason to use it for sociological research. Empirical results of sociological surveys obtained by the authors and domestic research centers indicate that the all-Russian trend towards increasing the diversity of educational services remains a significant role in their regional location. Based on the data of sociological surveys of parents and children of different age groups, it is shown that the design of an individual children's educational space depends on many objective conditions and subjective factors in terms of the possibilities of the territory and families. The attitudes of parents, available resources and willingness to make efforts for the personal and career-oriented development of children determine the form and content of the regional supplementary educational space to the greatest extent. The authors consider it expedient to improve the state educational policy in direction of ensuring the quality of conditions and accessibility of classes for each child and success of their personal development and career guidance choice, regardless of the place of residence in the Khabarovsk territory.*

Keywords: *supplementary education for children, personal development, career guidance, the Khabarovsk territory, sociological research*

For citation: Baykov N. M., Speka K. I. Sociological dimension of supplementary education for children of the Khabarovsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 102–117. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-102-117>

Введение

Дополнительное образование детей является одним из наиболее активно развивающихся сегментов социальной сферы. Системное профильное дополнительное обучение детей предполагает не только их самоопределение в плане выбора той или иной будущей профессиональной деятельности и пробы сил в ней, но и формирование конкретных представлений о том, где в будущем избранная профессия может быть востребована. Диагностика ранней готовности детей к выбору профессии является важной частью со-

временного образовательного процесса. Подготовка детей в кружках и секциях к предстоящему социальному и профессиональному выбору помогает избежать многих ошибок и сформировать у них положительную мотивацию для овладения знаниями в избранной области человеческой деятельности.

В сознании детей, посещающих кружки и секции дополнительного образования, своевременно и качественно формируется и укрепляется выбор личностно-ориентированной траектории развития. От этого зависит как

качество их последующей социальной и профессиональной жизни, так и возможность региона и страны в целом отвечать на современные вызовы и обеспечивать устойчивость социально-экономического развития.

С учетом расширяющихся возможностей для дополнительного образования подрастающего поколения, которые создают государство, крупный бизнес и общественные организации, личностное и профессионально-ориентированное развитие детей становится менее определенным для осознанного выбора его направления в силу объективных и субъективных факторов и условий. Это предопределило предметную область социологического измерения феномена дополнительного образования детей и оценки его влияния на их личностное и профориентационное развитие на примере Хабаровского края.

Методология социального управления и научного познания дополнительного образования детей

Российская система дополнительного образования детей начала формироваться еще в XIX веке на основе элементов внешкольного обучения, когда для подрастающего поколения стали создаваться всевозможные кружки, секции, клубы, мастерские, летние оздоровительные учреждения. В современных условиях также образуются подобные и иные формы организации дополнительного обучения и досуга. Их функции и особенности организации неоднократно пересматриваются, изменяются и дополняются органами государственного

управления системой отечественного образования. При этом приоритетом современной государственной политики в Российской Федерации являются дети¹, а формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей – одна из национальных целей развития России². Вопросы социализации и ранней профориентации детей в системе дополнительного образования рассматриваются в связи с проблемами формирования человеческого капитала и укрепления глобальной конкурентоспособности государства. Подчеркивается, что система российского образования позволяет подготовить школьников к вхождению в мир в условиях больших вызовов (социальных, экономических, экологических, технологических, геополитических)³.

Возникновение новых профессий, связанных с глобальными научно-техническими и технологическими процессами в стране и мире, ориентирует систему дополнительного обучения детей на постоянное развитие в целях удовлетворения интересов их личностного развития и потребностей российского общества в работниках востребованных профессий. Стратегические задачи по «улучшению профессионального соответствия» экономически активного населения, подготовке кадров для высокопроизводительных рабочих мест находят преломление во взаимосвязи общего и дополнительного образования детей, что отражено в ряде программных документов⁴ и масштабных профориентационных проектах⁵. Учитывая вызовы вре-

¹ Конституция Российской Федерации (принята народным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 67.1. URL: <http://www.constitution.ru/>

² Указ Президента Российской Федерации 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

³ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 678-р Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года. URL: <http://government.ru/docs/all/140314/>; Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/18312/>.

⁵ Включение России в международное движение «Молодые профессионалы» (World Skills Россия), проекта профессиональных проб для школьников «Билет в будущее». URL: <https://bvbinfo.ru/>; проведение Всероссийского форума профессиональной ориентации «Проектория». URL: <https://proektforum.ru/>; развитие сети детских технопарков «Кванториум». URL: <https://roskvantorium.ru>

мени, разработан ряд государственных стратегических документов, в которых отражены новые подходы к профориентации обучающихся. Национальный проект «Образование»⁶ призван создать условия, чтобы у всех детей и подростков России были равные возможности для максимального раскрытия потенциала.

Сближение общего и дополнительного образования с реальным сектором экономики, учет кадрового запроса региона при формировании содержания дополнительных общеразвивающих программ, установка на раннюю профориентацию и создание условий для преемственности и непрерывности образовательных траекторий учащихся – направления, которые системе дополнительного образования государство задает через Концепцию развития дополнительного образования детей до 2030 г.⁷ Эти установки развивает ряд положений Минэкономразвития, которые представлены в Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. и связаны с улучшением профессионального соответствия граждан Российской Федерации запросам рынка труда⁸. На наш взгляд, важным шагом в этом направлении стало законодательное закрепление понятия «профессиональная ориентация», чего ранее не было в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»⁹.

Национальные проекты способствовали развитию системы доступного для де-

тей дополнительного образования за счет расширения сети технопарков «Кванториум», центров цифрового развития «IT-куб» и естественно-научной и технологической направленностей «Точка роста», региональных филиалов «Сириус» для одаренных детей¹⁰. Это позволило создать свыше 1 млн новых мест для занятий по всей стране, где дети могут бесплатно обучаться по перспективным и востребованным направлениям¹¹.

Анализ стратегических документов позволяет сделать вывод, что в сложившейся ситуации дополнительное образование рассматривается как открытое и вариативное в обеспечении права ребенка на развитие и свободный выбор различных видов деятельности, в которых происходит его личностное и профессиональное самоопределение. Кроме того, наметилась тенденция к вовлечению госкорпораций и крупного бизнеса в реализацию отраслевых программ дополнительного образования школьников [Зенкин, Павлов, 2022. С. 116–131].

Вместе с тем можно согласиться, что меры, принимаемые государством и работодателями по организации дополнительного образования как базового элемента личностного и профессионально-ориентированного развития по спектру современных востребованных профессий, явно недостаточны [Кузнецов, Кувшинова, 2022. С. 88–111].

Несмотря на то, что современная ситуация в сфере образования характери-

⁶ Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 г. № 16) Паспорт национального проекта «Образование» URL: <http://government.ru/info/35566/>

⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 678-р Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года. URL: <http://government.ru/docs/all/140314/>

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263> и № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261>

⁹ Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в редакции 08.2023) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

¹⁰ На портале «Билет в будущее» заработал онлайн-центр профориентации. URL: <https://xn--80aapapremchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/na-portale-bilet-v-budushchee-zarabotal-onlayn-tsentr-proforientatsii>

¹¹ Со школьной скамьи: где детям обучаться востребованным профессиям. URL: <https://xn--80aapapremchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/so-shkolnoy-skami-gde-detyam-obuchatsya-vostrebovannym-professiyam>

зуются разнообразием изменений, они актуализируют оценку результативности ее на уровне дополнительного обучения детей. В последние годы исследователи отмечают прямую зависимость изменений экономических условий и рынка труда, что напрямую влияет на степень заинтересованности школьников в процессе выбора своей будущей профессии и успешности в ней [Куликовская, Миронина, 2020. С. 15–21].

Отечественные исследования системы дополнительного образования детей отличаются различными направлениями, которые формируются на стыке нескольких научных дисциплин и методологических подходов. При этом анализ влияния дополнительных форм образования на различные аспекты социализации и ранней профориентации детей, представленный в работах ряда отечественных исследователей, на наш взгляд, заслуживает внимания. Так, А. И. Яковлева рассматривает дополнительное образование как социальную статусную позицию детей и молодежи в организации социокультурного пространства и оценке потенциала развития их социальных компетенций [Яковлева, 2013. С. 125–133]. А. А. Турик рассматривает условия построения образовательного пространства на уровне учреждения дополнительного образования как среды личностного развития школьников [Турик, 2004].

В этой связи заслуживает интереса социологический подход, позволяющий учитывать как условия высокой вариативности общего и дополнительного образования, так и многообразное поле образовательных предложений. В отечественной социологии он представлен пока немногочисленными работами, позволяющими определить проблемное поле и возможности его измерения. Так, Л.Н. Буйлова в своих работах не только анализирует сущность и специфику отечественной системы дополнительного образования детей [Буйлова, 2011. С. 130–134], но и выделяет особенности ее социологического анализа:

во-первых, организацию изучения становления и развития задатков и спо-

собностей ребенка с позиций социальной антропологии;

во-вторых, возможность исследовать систему детерминации процесса самореализации личности на различных этапах первичной социализации и роли семьи, дошкольных учреждений, школы в выявлении и развитии индивидуальности ребенка;

в-третьих, изучение процесса изменения ориентаций, установок ребенка на познание и активную деятельность по развитию своих задатков [Буйлова, 2007. С. 200–208]. При этом акцент делается на траектории личностного развития школьника в социуме с учетом объективных условий.

С позиций методологии социологического познания дополнительного образования детей, на наш взгляд, более продуктивным является его рассмотрение в контексте понятия «образовательное пространство». Несмотря на то, что оно не имеет строгого определения, в научном дискурсе его интерпретируют как часть социума, со своей системой субъект-объектных отношений государственных и иных структур по личностному и профессиональному обучению детей и молодежи. И. В. Вениченко считает, что данное понятие может быть рассмотрено в двух направлениях:

«коммуникативная деятельность субъектов образовательного процесса, ограниченная рамками места и времени (исходя из конкретного вида образовательного учреждения и исторического периода), а также процесс, в ходе которого создаются определенные условия (в соответствии с изменяющимися социально-экономическими условиями жизни общества) для функционирования субъектов образовательного пространства» [Вениченко, 2015].

По мнению ряда других исследователей, «образовательное пространство включает параллельные процессы, которые могут в разном порядке начинаться, прерываться и заканчиваться. С учетом общей тенденции к повышению разнообразия образовательных услуг значительная роль отводится территории, на которой решается задача проектирования индивидуального детского образователь-

ного пространства. В зависимости от бедности или насыщенности среды, с точки зрения возможностей детского обучения, она может оказаться более сложной или более простой. При этом ключевым «архитектором» образовательного пространства ребенка является семья со своими установками, доступными ресурсами и готовностью прилагать усилия, в наибольшей степени обуславливающие его форму и содержание» [Поливанова, Бочавер, Павленко, Сивак, 2020. С. 384.].

В равной степени можно согласиться как с тем, «что изучение проблем образования молодежи невозможно вне связи с образовательным пространством и особенностями его функционирования в условиях социальной неопределенности», так и с тем, что «образовательное пространство имеет коэффициент искривления, обусловленный статусными, возрастными и социализационными параметрами, и будучи частью социального пространства общества несет на себе отпечаток позитивных и негативных его переустройств» [Дунаева, 2008].

Очевидно, что вовлеченность детей в образовательное пространство дополнительного обучения детерминирована их возрастом. Согласно П. Сорокину, «возрастной признак, который причинно связан с рядом психосоциальных свойств индивида, оказывающих влияние на чувствование и верование, желания и стремления, идеи и интересы индивида, а через них – и на все его поведение, а через поведение – и на всю его социальную жизнь» [Сорокин, 2021. С. 457].

Возраст задает социальные координаты ребенка в системе координат образовательного пространства и как все объективные условия влияет на него, так сказать, «изнутри». Императивы поведения возрастной группы носят, главным образом, инстинктивный характер. Вместе с тем разные возрастные группы

детей различаются по уровню образования, культуры, интересам и ценностным ориентирам, имеют характерные виды деятельности и степень социальной активности. Учет возрастного признака как никогда важен при организации тех или иных форм дополнительного образования детей как в части их личностного развития, так и ранней профессиональной ориентации.

Однако в изучении дополнительного образования детей наблюдается дефицит научных работ, направленных непосредственно на оценку и измерение как возрастных, так и социальных эффектов, которые приносят детям посещение кружков, секций и других организационных форм в доступном им образовательном пространстве. Лишь отдельные исследователи пытаются оценить место дополнительного образования в иерархии ключевых ценностей школьников и его потенциал в построении успешных жизненных стратегий [Хаустова, 2022. С. 311–318].

Результаты исследования

Хабаровский край занимает 23 место в стране и 1 место в Дальневосточном федеральном округе в рейтинге эффективности региональных систем образования Минпросвещения России. Речь идет об открытии новых объектов образовательной инфраструктуры, модернизации материально-технической базы, создании мест дополнительного образования и профессиональном развитии педагогов¹². Так, региональное образовательное пространство встраивается в единую федеральную модель профориентации – профориентационный минимум (далее – профминимум), развитию которого способствует краевой проект «Учись и работай в Хабаровском крае»¹³. На его основе разработана региональная составляющая профминимума из методических профориентационных

¹² Курс на образование: итоги реализации нацпроекта подвели в Хабаровском крае. URL: <https://minobr.khabkrai.ru/events/Novosti/4236>

¹³ Региональный проект по самоопределению и профессиональной ориентации обучающихся «Учись и работай в Хабаровском крае» утвержден на заседании совета по вопросам общего и дополнительного образования министерства образования и науки Хабаровского края протокол № 2 от 6 мая 2022 года. URL: <https://minobr.khabkrai.ru/Deyatelnost/Proekty-realizuemye-ministerstvom/1537>

продуктов и онлайн сервисов,¹⁴ включенных в лучшие практики Агентства стратегических инициатив. В приоритете открытие новых профильных авиа-, судостроительных, IT, педагогических, медицинских, агронаправленных классов при взаимодействии с вузами и работодателями¹⁵.

Дополнительное образование детям предоставляется в 56 организациях дополнительного образования отраслевой принадлежности в сфере образования, 40 – культуры, 1 – физической культуры и спорта, 2 – молодежной политики, а также в 60 общеобразовательных, профессиональных, дошкольных образовательных организациях, негосударственных (частных), других организациях, осуществляющих образовательную деятельность, включая индивидуальных предпринимателей.

Государственные закупки средств обучения и услуг позволяют привести в нормативное состояние помещения спортивных залов в общеобразовательных организациях, расположенных в сельской местности края. Функционирует региональный модельный центр дополнительного образования детей Хабаровского края, а также 19 муниципальных опорных центров дополнительного образования детей. Действуют 4 региональных ресурсных центра, и региональные базовые площадки по всем шести направлениям дополнительного образования.

В результате модернизации региональной инфраструктуры дополнительного образования детей создается и функционирует сеть современных центров цифрового, естественнонаучного, технического и гуманитарного профилей «Точка роста», цифрового образования детей «IT-куб», детские технопарки «Кванториум», новые места дополнительного обра-

зования детей для всех направлений.

В соответствии с целями регионального проекта «Успех каждого ребенка» в Хабаровском крае планируется охватить дополнительным образованием более 80% детей от их общей численности в возрасте от 5 до 18 лет (табл. 1). Одна доля обучающихся в школах, охваченных мероприятиями ранней профориентации, составляет порядка трети, а охват одаренных детей технопарками «Кванториум» и центрами «IT-куб» составляет менее десятой части процента. Это свидетельствует о том, что их доступность для каждого ребенка в образовательном пространстве региона пока остается ограниченной и не позволяет говорить о качественных условиях для гармоничного развития личности и формирования ее осознанного профессионального выбора.

Обеспечен переход на персонифицированный учет детей, занимающихся по дополнительным общеобразовательным программам, через систему регионального навигатора дополнительного образования детей во всех городских округах и муниципальных районах края¹⁶. Реализуется Программа развития детско-юношеского спорта, в соответствии с которой его поддержка и развитие рассматривается как приоритетное направление в социальной политике Хабаровского края¹⁷.

Однако несмотря на меры, принимаемые на государственном уровне по развитию дополнительного образования детей, только каждый второй от числа опрошенных жителей региона в той или иной степени выражал удовлетворенность качеством предоставляемых услуг за исследовательский период. При этом доля утвердительных ответов на вопрос об удовлетворенности сократилась с трети, до пятой части (табл. 2).

¹⁴ «ПрофиВОХ», «ПрофиВОХ 2.0», «ПрофиБокс равных возможностей» для детей с ограниченными возможностями здоровья, Атлас востребованных профессий Хабаровского края, Информационно-образовательный портал для педагогов, учащихся и родителей «Профиполис27». URL: <https://profipolis27.ru/>

¹⁵ Видеозапись пленарного заседания августовской конференции педагогических работников Хабаровского края. URL: <https://avgustovka-khv.ru/broadcast/#broadcast>

¹⁶ АИС ПФДО. URL: <https://27.pfdo.ru/app>

¹⁷ План работы министерства образования и науки Хабаровского края на 2023 год // Анализ результатов работы министерства образования и науки Хабаровского края за 2022 год URL: <https://minobr.khabkrai.ru/Deyatelnost/Planu-raboty/4239?ysclid=llou8kh56p732160426>

Таблица 1

**Динамика показатели охвата детей Хабаровского края
дополнительным образованием по годам (в %)**

Наименование показателя	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных дополнительным образованием, в %	77,0	78,0	79,0	79,3	81,2	82,3
Доля обучающихся по образовательным программам основного и среднего общего образования, охваченных мероприятиями, направленными на раннюю профессиональную ориентацию, в том числе в рамках программы «Билет в будущее», в %	-	-	30,0	30,0	37,0	40,0
Охват детей деятельностью региональных центров выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, технопарков «Кванториум» и центров «IT-куб»	-	-	8,0	4,0	7,7	8,0

Источник: составлено по Паспорту регионального проекта «Успех каждого ребенка» (Хабаровский край). URL: <https://np.khabkrai.ru/?menu=getfile&id=8149&view=1>

Таблица 2

**Распределение ответов жителей Хабаровского края на вопрос:
«Удовлетворены ли Вы в целом качеством предоставляемых услуг в сфере
дополнительного образования (кружки, секции и т.п.)
(в % от числа опрошенных)**

Варианты ответа	2017	2018	2019	2020
Да	30,2	23,0	18,4	19,2
Скорее да, чем нет	31,3	30,9	34,3	36,8
Скорее нет, чем да	9,0	12,4	12,7	10,7
Нет	6,3	11,8	11,1	7,8
Затрудняюсь ответить	23,2	21,9	22,8	25,5

Источник: Мониторинг удовлетворенности деятельностью органов власти Хабаровского края. В исследовании использована маршрутная (поквартирная) многоступенчатая случайная выборка, репрезентирующая население Хабаровского края по полу, возрасту и типу населенного пункта (n = 7000). Опрос был проведен во всех 19 муниципальных образованиях края (17 муниципальных районах и 2 городских округах). Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС.

Для эмпирического обоснования оценки влияния системы дополнительного образования детей на личностное и профориентационное развитие проана-

лизируем результаты репрезентативных социологических опросов школьников Хабаровского края в 2018 г.¹⁸ и 2022 г.¹⁹ Для вторичного социологического анали-

¹⁸ Социологический опрос школьников 8–11 классов школ Хабаровского края (n=1200; ошибка выборки не превышает ±5%). В исследовании была использована методика квотной выборки (данные репрезентативны по полу, классу обучения, территории проживания), случайной на этапе отбора. Опрос проведен в г. Хабаровске и г. Комсомольске-на-Амуре, а также в 7 муниципальных районах Хабаровского края: Амурском, Верхнебуреинском, Вяземском, Комсомольском, им. Лазо, Солнечном и Хабаровском. Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2018 г.

¹⁹ Социологическое исследование по теме «Отношение школьников Хабаровского края к обучению». Опрошено 6649 школьников 8–11 классов всех 19 муниципальных образований Хабаровского края. Выборочная совокупность репрезентирует по территориальным, образовательным и возрастным характеристикам учащихся школ. Опрос проведен Дальневосточным институтом управления – филиалом РАНХиГС совместно с Хабаровским краевым институтом развития образования в мае 2022 г.

за использовались также результаты все-российских социологических опросов последних лет, полученные отечественными исследовательскими центрами (ВЦИОМ, ФОМ, НАФИ и др.)

По данным опросов установлено, что большинство опрошенных школьников Хабаровского края в период обучения посещали различные организации дополнительного образования. Приоритетными направлениями посещаемых организаций дополнительного образования оказались спортивное, творческое и репетиторство. Однако наименее востребованными у школьников региона являются техническое и компьютерное направления дополнительного образования, которые призваны ориентировать их на профессии, наиболее востребованные на современном рынке труда (табл. 3).

Вполне понятно, что основной мотивацией посещения кружков, секций дополнительного образования является стремление ребенка развить в себе определенные способности, повысить уровень зна-

ний, умений и навыков личностного развития. При этом существенных отличий в ответах школьников о посещаемости ими дополнительных кружков и секций в городских округах и муниципальных районах края за период 2018–2022 гг. по большинству направлений не выявлено. Исключение составляет сокращение использования школьниками и их родителями репетиторства по предметам и незначительное снижение интереса к языковым курсам.

Анализ посещаемости школьниками дополнительных кружков и секций в зависимости от класса свидетельствует об устойчивом контингенте обучающихся по всем направлениям за исключением репетиторства по предметам. Выявлено, что потребность в репетиторстве по предметам у школьников Хабаровского края возрастает с 8 по 11 классы (табл. 4). Различия в потребностях дополнительной помощи по школьным предметам отмечали и другие исследователи [Бурдяк, 2015. С. 96–112.].

Таблица 3

**Ранжирование ответов школьников Хабаровского края на вопрос:
«Какие дополнительные кружки, секции Вы посещаете?»**
(в % от числа опрошенных)

Направления дополнительного образования	Хабаровск		Комсомольск-на-Амуре		Районы		Хабаровский край	
	2018	2022	2018	2022	2018	2022	2018	2022
Спортивные секции (фитнес, танцы, спортзалы и др.)	47,8	43,4	41,0	40,2	46,2	46,9	45,9	43,7
Репетиторы по предметам	51,2	32,0	46,7	35,3	33,7	17,4	43,2	27,1
Творческие секции (художественные, театральные и др.)	16,4	15,2	15,3	16,2	18,2	16,5	16,9	17,2
Другое	2,5	12,8	2,6	12,2	4,9	13,8	3,5	13,1
Языковые курсы	25,0	15,7	17,9	13,0	9,8	6,4	17,4	10,7
Музыкальные кружки	9,6	10,1	11,8	10,4	12,3	12,5	11,1	10,6
Компьютерные (программирование, веб-дизайн и др.)	5,9	8,6	4,8	8,0	2,2	7,6	4,2	7,9
Технические (моделирование, робототехника и др.)	2,5	4,9	3,1	5,1	0,8	6,0	1,9	5,5

Источник: составлено авторами по данным региональных опросов.

Таблица 4

Распределение ответов школьников на вопрос: «Какие дополнительные кружки, секции Вы посещаете?» в зависимости от класса в 2022 г.
(в % от числа опрошенных)

Направления дополнительного образования	8 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	Всего по краю
Репетиторы по предметам	18,4	24,5	38,1	44,2	27,1
Спортивные секции (фитнес, танцы, спортзалы и др.)	45,1	42,7	43,9	41,9	43,7
Творческие секции (художественные, театральные и др.)	16,7	17,9	16,7	17,2	17,2
Технические (моделирование, робототехника и др.)	4,8	6,1	5,5	6,1	5,5
Музыкальные	10,0	10,8	10,5	12,2	10,6
Компьютерные (программирование, веб-дизайн и др.)	7,7	7,5	7,8	9,7	7,9
Языковые курсы	10,1	9,2	14,4	11,4	10,7
Другое (напишите)	15,8	14,1	9,4	8,2	13,1

Источник: составлено авторами по данным региональных опросов.

Динамику наибольшей востребованности репетиторства на старших ступенях обучения, как правило, связывают с подготовкой к экзаменам. При этом «главными элементами в репетиторстве как процессе являются два вектора – поддержка при неусвоении материала и углубление знаний. Они представляют собой разные стратегии формирования и индивидуализации образовательного маршрута ребенка со стороны семьи, а также преодоления или снижения барьеров на пути к получению качественного образования» [Яшина, 2020].

Анализ ответов школьников, посещающих дополнительные кружки, секции в зависимости от пола, выявил некоторые отличия в их предпочтениях и интересах. Так, мальчики в большей мере посещают спортивные (54,4%), технические (8,9%) и компьютерные (13,1%) секции, девочки – творческие (22,3%), музыкальные (12,7%), языковые (12,4%).

Как свидетельствуют результаты опросов родителей разновозрастных школьников, чаще всех занимаются в различных кружках и секциях школьники от 7 до 12 лет (табл. 6). При этом высокий спрос на дополнительное образование объясняется не только желанием организовать досуг и обеспечить разностороннее развитие детей, но и неудовлетворенностью родителей качеством школь-

ного обучения.

Дошкольников родители чаще всего водят на танцы (27%), редко – в кружки робототехники (4%), учащиеся младших классов – на плавание (19%) или единоборства (19%), редко – на программирование (5%) и робототехнику (4%). Школьники подросткового возраста чаще всего записываются на занятия иностранными языками (13%), редко – на программирование (2%).

По данным всероссийского опроса (ВЦИОМ, 2021 г.), молодые люди 14–17 лет выражали желание пройти дополнительное обучение по следующим направлениям: курсы для повышения личной эффективности (25%); профориентация (23%); курсы по отдельным школьным предметам (21%). Каждый пятый интересовался курсами по развитию коммуникативных навыков и курсами по развитию управленческих навыков (20%).

С возрастом приоритеты относительно дополнительного образования у молодежи (18–24 лет и 25–35 лет) изменяются: востребовано повышение квалификации по своей специальности (39% и 40% соответственно), профессиональная переподготовка (28% и 36% соответственно), курсы для повышения личной эффективности (26% и 27% соответственно), курсы по развитию управленческих навыков (22% и 24%), а также

Таблица 5

Распределение ответов школьников на вопрос: «Какие дополнительные кружки, секции Вы посещаете?» в зависимости от пола

(в % от числа опрошенных)

Направления дополнительного образования	Мужской	Женский	Всего по краю
Репетиторы по предметам	22,9	30,1	27,1
Спортивные секции (фитнес, танцы, спортзалы и др.)	54,4	37,7	43,7
Творческие секции (художественные, театральные и др.)	9,7	22,3	17,2
Технические (моделирование, робототехника и др.)	8,9	3,2	5,5
Музыкальные	7,5	12,7	10,6
Компьютерные (программирование, веб-дизайн и др.)	13,1	4,4	7,9
Языковые курсы	8,2	12,4	10,7
Другое	12,4	13,7	13,1

Источник: составлено авторами по данным региональных опросов.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Посещает ли Ваш ребенок/дети кружки или секции?»

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст ребенка/детей		
	3–6 лет	7–12 лет	13–17 лет
Да	56	74	53
Нет	41	22	44
Затрудняюсь ответить	3	4	3

Источник: Исследовательский центр портала Superjob.ru. Опрос во всех федеральных округах 667 населенных пунктов 2 сентября – 6 октября 2021 года. Исследуемая совокупность: родители детей 3–17 лет. Размер выборки: по 1600 родителей детей 3–6, 7–12, 13–17 лет. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113106/doshkolnikov-chasche-vsego-vodyat-na-tancy/>

курсы по развитию коммуникативных навыков (24% и 3%)²⁰. Однако глубинные интервью со школьниками показали, что основным мотивом выбора профессии является природная склонность и интерес к определенной науке, а также желание зарабатывать больше.

Анализ планов опрошенных школьников на поступление в организации профессионального образования Хабаровского края из предложенного в анкете перечня показал, что в большей мере планы коррелируют с ответами о посещении школьниками секций и кружков спор-

тивной направленности. Так, две трети респондентов (65,9%), от числа отметивших посещение спортивных секций в системе дополнительного образования планировали поступить в Дальневосточную государственную академию физической культуры (табл. 7).

По результатам всероссийского опроса (ВЦИОМ, 2023 г.) доля опрошенных родителей, отметивших, что их ребенок посещает дополнительные физкультурно-спортивные занятия и секции помимо уроков физкультуры в школах, составляет такую же долю, что и школьников,

²⁰ Запрос на образование. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapros-na-obrazovanie-1>

Таблица 7

Планы школьников на поступление в организации профессионального образования Хабаровского края в 2022 г. в зависимости от направленности посещаемых ими секций и кружков

(в % от числа опрошенных, посещающих каждое направление дополнительного образования)

Направления секций, кружков дополнительного образования	Всего по краю	Планировали поступить в образовательные организации	
Спортивные (фитнес, танцы, спортзалы и др.),	43,7	65,9	Дальневосточная государственная академия физической культуры
Творческие (художественные, театральные и др.)	17,2	38,4	Хабаровский государственный институт искусств и культуры
Музыкальные	19,2	10,6	Хабаровский государственный институт искусств и культуры
Технические (моделирование, робототехника и др.)	7,5	5,5	Тихоокеанский государственный университет
Языковые курсы	10,7	11,9	
Технические (моделирование, робототехника и др.)	5,5	21,2	Хабаровский машиностроительный техникум
Технические (моделирование, робототехника и др.)	12,1	5,5	Хабаровский технический колледж

Источник: составлено авторами по данным региональных опросов.

ответивших о посещении (Хабаровский край (45%)²¹. Доля детей, не посещающих спортивные секции и кружки, по оценкам родителей, составляет большинство (55%). Вместе с тем родительский запрос на дополнительное спортивное развитие детей, по данным исследования, почти в два раза превышает реальный уровень их вовлеченности (82%).

Результаты опроса свидетельствуют, что россияне возлагают надежды на развитие детского спорта преимущественно за счет государства (81%) как основного субъекта и объекта доверия. Остальные варианты звучат в ответах респондентов заметно реже: коммерческие организации, работающие в спортивной сфере (фитнес-клубы, спорткомплексы, частные спортшколы и т.д.), – 25%, сами родители – 24%, некоммерческие организации – 16%, крупный бизнес – 13%.

Однако при всей высокой значимости дополнительных занятий детей спортом и двигательной активностью как необходимыми составляющими укрепления здоровья, дисциплинированности, формирования характера и подготовки

спортивных и физкультурных кадров, сдерживающими факторами являются их недоступность для значительной части семей (территориальная, финансовая, материальная) в регионе, особенно в муниципальных образованиях.

Цифровизация общества как объективный тренд современного этапа его технологического развития активно внедряется в различные сферы и требует квалифицированных ИТ-специалистов десятков профессий: программистов, администраторов сетей и баз данных, специалистов по робототехнике, web-дизайнеров и многих других. На государственном уровне все более активно осознается их значимость для успешного развития страны и ее регионов, что позволяет наделять ИТ-специалистов льготами и преференциями. Как следствие, растет престижность ИТ-профессий в общественном мнении, что подтверждают результаты опросов. Три четверти опрошенных россиян (77%), имеющих детей и внуков, выражают желание, чтобы те учились по ИТ-специальности. Только менее одной десятой – против (8%), и мо-

²¹ *Детский спорт: возможности и барьеры.* URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskii-sport-vozmozhnosti-i-barery>

тивируют это нежеланием ребенка или его гуманитарным складом ум²².

Однако ответы школьников Хабаровского края свидетельствуют, что посещаемость дополнительных секций и кружков технической и компьютерной направленности в образовательном пространстве региона характеризуется статистически незначительными показателями. Это противоречит тому, что «сегодня в крае реализуются программы дополнительного образования по следующим техническим направлениям: программирование на языке Python (Лицей Академии Яндекс); мобильная разработка (IT ШКОЛА SAMSUNG); программирование на языке Си+ (университет Национальной технологической инициативы 2035); искусственный интеллект (национальная технологическая олимпиада – НТО); наука, технологии и инженерия (очно-заочная физико-математическая школа); компьютерный дизайн и мультипликация; программирование роботов (ИКАР, РОБОФЕСТ); разработка VR/AR-приложений; 3D моделирование; системное администрирование; графический и промышленный дизайн; разработка сайтов, работа в социальных сетях; судо-моделирование; авиа-ракето-моделирование; автомеханика; стендовый моделизм и макетирование»²³.

В этой связи отметим, что органам государственной власти и бизнесу региона важно предложить школьникам удобные и доступные формы получения ИТ-образования не только в организациях высшего и среднего профессионального обучения, но и системе дополнительного образования. Это поможет поддержать общественный запрос и нарастить технологический потенциал Хабаровского края как промышленного региона страны.

Значимость владения детьми не только доминирующими европейскими, в частности англосаксонскими, языками, но и языками стран Азиатско-Тихоокеанского региона как языками межнационального общения трудно переоценить в современных условиях нарождающегося многополярного мироустройства. Дополнительные занятия по иностранным языкам на языковых курсах посещают примерно десятая часть из числа опрошенных школьников Хабаровского края. При этом, по данным всероссийского опроса школьников 10–18 лет абсолютное большинство респондентов (94%) уверены, что важно учить иностранные языки, в т. ч. каждый второй считает это обязательным (54%), а четверо из десяти – желательным (43%). В качестве языков, требующих изучения, наиболее часто назывались английский (97%), китайский (15%), немецкий (13%) и французский (9%)²⁴.

Заключение

Система дополнительного образования детей как на федеральном, так и на региональном уровне представляет собой эффективный инструмент государственного влияния на личностное и профессионально-ориентированное развитие разных возрастных групп подрастающего поколения. Наличие у детей с раннего возраста дополнительных занятий разной тематической направленности, смена их в течении школьной жизни в зависимости от интересов, способностей и склонностей позволяет им попробовать себя в нескольких потенциальных сферах для будущей социальной и профессиональной деятельности. При этом доминирующим направлением дополнительного образования (секции которые посещают около половины детей) остается спортивное. Созданные для реализации потреб-

²² Две трети россиян хотят, чтобы их дети и внуки учились по ИТ-специальностям. Аналитический центр НАФИ. 2022. URL: <https://naf.ru/analytics/dve-treti-rossiyan-khotyat-chtoby-ikh-deti-i-vnuki-uchilis-po-it-spetsialnostyam/>

²³ Интеграция общего и дополнительного образования с целью массового вовлечения школьников в научно-техническое творчество // Дополнительное образование детей в Хабаровском крае. № 3 (50). 2022. С. 2–3.

²⁴ Комплексное исследование граждан РФ в возрасте от 10 до 18 лет методом телефонных и личных интервью. Объем выборки: 1000 респондентов в 66 регионах РФ, 24 глубинных интервью со школьниками и их родителями в марте-апреле 2022 года. URL: <https://m-p-a.ru/proekt-myi-schitaem.-%C2%ABrossijskie-shkolniki-o-bullinge-i-patriotizme-v-novyix-realiyax%C2%BB.html>.

ностей детей объективные условия развития спорта способствуют не только личностному укреплению здоровья, выносливости, в целом здоровому образу жизни, но и планированию осознанного выбора выпускниками школ спортивных профессий для последующего обучения в организации высшего образования региона. Однако охват обучающимися региона технических и компьютерных направлений дополнительного образования, востребованных рынком труда, остается на низком уровне в силу объективных условий и субъективных факторов, требующих учета в государственной политике и усиления внимания к ним всех субъектов экономической сферы и общества.

Дополнительное образовательное пространство детей представляет собой единство объективных условий и процессов, созданных государством и другими субъектами экономической и социальной сфер общества для обеспечения доступности ими объектов образовательной ин-

фраструктуры, а также субъективных факторов, определяющих осознанный, заинтересованный и свободный выбор детьми возможностей для успешного личностного и профессионального становления и развития. Однако создание условий для доступности каждому обучающемуся направлений дополнительного образования не только в городах, но и муниципальных образованиях края, позволяющих усилить потенциал своего личностного и профориентационного развития, пока остаются в планах.

В процессе создания единого дополнительного образовательного пространства на региональном уровне важно заинтересованное и ответственное участие всех субъектов его конструирования, включая семью, родительскую общественность, органы государственной власти и местного самоуправления, бизнес-сообщество, хозяйствующие и общественные организации, средства массовой информации и другие структуры общества.

Список источников:

1. Буйлова А. Н. Сущность и специфика дополнительного образования детей в современной системе образования Российской Федерации // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6–2 (31) С. 130–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-spetsifika-dopolnitelnogo-obrazovaniya-detey-v-sovremennoy-sisteme-obrazovaniya-rossiyskoy-federatsii>
2. Буйлова А. Н. Особенности социологического анализа дополнительного образования детей // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2007. № 51. С. 200–208. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21809/1/uiro-2007-51-27.pdf>
3. Бурдяк А. Я. Дополнительные занятия по школьным предметам: мотивация и распространенность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (125). С. 96–112.
4. Вениченко И. В. Образовательное пространство как особая социальная структура. URL: https://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/vseross/20_05_2015_obshchestvo_obshchnosti_chelovek_v_poiskakh_vechnogo_mira/obrazovatelnoe-prostranstvo-kak-osobaya-sotsialnaya-struktura/
5. Дунаева Е. А. Социальная неопределенность как характеристика образовательного пространства молодежи. URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Dunaeva/#_edn1](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Dunaeva/#_edn1)
6. Зенкин М. А., Павлов А. В. Воспитательные эффекты и результаты профориентационной деятельности в дополнительном образовании детей // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. Т. 10 № 3. С. 116–131. <https://doi.org/10.52944/PORT.2022.50.3.005>
7. Кузнецов К. Г., Кувшинова О. Л. Методика оценки готовности школьников к профессиональному самоопределению // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 1. С. 88–111. <https://doi.org/10.52944/PORT.2022.48.1.006>
8. Куликовская И. Э., Миронова Е. Н. Профориентация в современном мире: луч-

шие практики // Мир университетской науки: культура, образование. 2020. № 6. С. 15–21. <https://doi.org/10.18522/2658-6983-2020-06-15-21>

9. Поливанова К. Н., Бочавер А. А., Павленко К. В., Сивак Е. В. Образование за стенами школы как родители проектируют образовательное пространство детей // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 384. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1986-8>

10. Сорокин П. А. Система социологии. Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммен. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур». 2021. С. 457.

11. Турик Л. А. Образовательное пространство учреждения дополнительного образования детей как среда личностного развития обучающегося. URL: <https://www.disserscat.com/content/obrazovatelnoe-prostranstvo-uchrezhdeniya-dopolnitelnogo-obrazovaniya-detei-kak-sreda-lichno/read> URL:

12. Хаустова А. К. Дополнительное образование как тренд на социальную и профессиональную успешность молодого поколения россиян // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 311–318. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-311-318>

13. Яковлева И. А. Потенциал дополнительного образования в развитии социальных компетенций детей и молодежи // Социология: научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. 2013. № 3. С. 125–133. URL: <https://elib.bs.u.by/bitstream/123456789/101794/1/125-133.pdf>;

14. Яшина М. Н. Репетиторство в системе подготовки школьников в Санкт-Петербурге. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/1/sociology/yashina.pdf <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.1.10>

References:

1. Buylova L. N. (2011) The essence and specificity of additional education of children in the modern education system of the Russian Federation *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. No. 6–2 (31): 130–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-spetsifika-dopolnitelnogo-obrazovaniya-detei-v-sovremennoy-sisteme-obrazovaniya-rossiyskoy-federatsii>

2. Buylova L. N. (2007) Features of the sociological analysis of additional education of children *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Ural State University]. Ser. 3, Social Sciences. No. 51: 200–208. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21809/1/uuro-2007-51-27.pdf>

3. Burdiak A. Y. (2015) Additional classes in school subjects: motivation and prevalence *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. No. 2 (125): 96–112.

4. Venichenko I. V. Educational space as a special social structure. URL: https://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/vseross/20_05_2015_obshchestvo_obshchnosti_chelovek_v_poiskakh_vechnogo_mira/obrazovatelnoe-prostranstvo-kak-osobaya-sotsialnaya-struktura/

5. Dunaeva E. A. Social uncertainty as a characteristic of the educational space of youth. URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Dunaeva/#_edn1](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Dunaeva/#_edn1)

6. Zenkin M. A., Pavlov A. V. (2022) Educational effects and results of career guidance in additional education of children *Professional'noye obrazovaniye i rynek truda* [Vocational education and the labor market]. Vol. 10. No. 3: 116–131. <https://doi.org/10.52944/PORT.2022.50.3.005>

7. Kuznetsov K. G., Kuvshinova O. L. (2022) Methodology for assessing the readiness of schoolchildren for professional self-determination *Professional'noye obrazovaniye i rynek truda* [Vocational education and the labor market]. No. 1: 88–111. <https://doi.org/10.52944/PORT.2022.48.1.006>

8. Kulikovskaya I. E., Mironova E. N. (2020) Career guidance in the modern world: best practices *Mir universitetskoy nauki: kul'tura, obrazovaniye* [The world of university science: culture, education]. No. 6: 15–21. <https://doi.org/10.18522/2658-6983-2020-06-15-21>

9. Polivanova K. N., Bochaver A. A., Pavlenko K. V., Sivak E. V. (2020) Education outside the walls of the school as parents design the educational space of children. research. un-t “Higher School of Economics”. Publishing House of the Higher School of Economics, p. 384. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1986-8>
10. Sorokin P. A. (2021) System of sociology. Comp., podgot. text, introductory article and commentary by V.V. Sapov. Syktyvkar: LLC “Anbur”, p. 457.
11. Turik L. A. Educational space of the institution of additional education of children as an environment of personal development of the student. URL: <https://www.dissercat.com/content/obrazovatelnoe-prostranstvo-uchrezhdeniya-dopolnitelnogo-obrazovaniya-detei-kak-sreda-lichno/read>;
12. Khaustova A. K. (2022) Additional education as a trend for social and professional success of the young generation of Russians *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes]. No. 1: 311–318. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-311-318>
13. Yakovleva I. A. (2013) The potential of additional education in the development of social competencies of children and youth *Sotsiologiya: nauchno-teoreticheskiy zhurnal* [Sociology: scientific and theoretical journal]. Belarusian State University. No. 3: 125–133. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/101794/1/125-133.pdf>
14. Yashina M. N. Tutoring in the system of training schoolchildren in St. Petersburg. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/1/sociology/yashina.pdf <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.1.10>

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 21.08.2023; принята к публикации 22.08.2023.

The article was submitted 10.08.2023; approved after reviewing 21.08.2023; accepted for publication 22.08.2023.

Информация об авторах

Н. М. Байков – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского отдела, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

К. И. Спека – специалист научно-исследовательского отдела, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. M. Baykov – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the research department, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA;

K. I. Speka – specialist of the research department, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья

УДК 316.64

doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-118-127

Изменение стратегий поведения населения в отношении здоровья в условиях пандемии COVID-19

Ирина Анатольевна Гареева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия,
gar_ia@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социальные проблемы, возникшие в связи с пандемией COVID-19, и их влияние на изменение привычных для населения стратегий по отношению к здоровью с целью выявления причин и факторов, влияющих на прежние здравоохранительные стратегии населения и вызывающих их изменения, и установление обстоятельств формирования новых поведенческих стратегий населения в условиях пандемии COVID-19. Задачи исследования – рассмотреть, насколько изменение социальной ситуации влияет на поведение людей, на их личные жизненные стратегии, в частности здравоохранительные, на разумность принятия индивидуальных решений по отношению к здоровью, на их оценки эпидемической ситуации, на выстраивание отношений с социальными институтами. В статье представлено сравнительное исследование стратегий населения в условиях «непандемии» и пандемии, выявлены оценки населением эпидемической ситуации, нацеленность на выстраивание отношений с социальными институтами, прежде всего здравоохранения, в этих новых условиях. Автором отмечена значимость развития межотраслевого сотрудничества с участием специалистов для всесторонней оценки различных мер, принимаемых для сдерживания новой коронавирусной инфекции, основанных на использовании научных результатов и выработке научно-обоснованных программ смягчения негативных эффектов и сохранения стратегий сбережения здоровья среди населения.

Ключевые слова: здоровье населения, социальная ситуация, поведенческие стратегии, пандемия COVID-19, социологические исследования

Для цитирования: Гареева И. А. Изменение стратегий поведения населения в отношении здоровья в условиях пандемии COVID-19 // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 118–127. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-118-127>

Changing population health behavior strategies during the COVID-19 pandemic

Irina A. Gareeva

The Pacific State University, Khabarovsk, Russia,
gar_ia@mail.ru

Abstract. The article examines social problems that have arisen in connection with the COVID-19 pandemic and their impact on changing the population's usual health strategies. Based on a review of different sources, conclusions are drawn that similar social situations associated with infectious diseases have repeatedly arisen in the society. However, at this stage, heads of the governments and international organizations are included in the decision-making process, and implementation of the decisions concerns the overwhelming number of citizens of the world community.

Some decisions are restrictive, and some are coercive. The purpose of this article is to consider the extent to which changes in the social situation affect people's behavior, their personal life strategies, in particular health strategies, the reasonableness of making individual decisions in relation to health, their assessments of the epidemic situation, and building relationships with social institutions. The empirical base is the data of our own empirical research, as well as secondary materials. Empirical part of the study is based on data from the author's survey conducted in 2020-2021 (December-March), in Khabarovsk (n=227) and data from sociological survey and materials of the joint analytical report by VTsIOM and ANO "Special Opinion Research Center" (April 2021).

Keywords: *population health, social situation, behavioral strategies, pandemic, anti-epidemic measures*

For citation: Gareeva I. A. Changing population health behavior strategies during the COVID-19 pandemic // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 118–127. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-118-127>

Введение

Социальная ситуация, обусловленная пандемией COVID-19, была характерна не только для россиян, но и для граждан других государств. Она показала уязвимость человеческого сообщества перед силами природы, неготовность человеческой цивилизации к противостоянию негативным вмешательствам в ее существование [Brooks, et al., 2020].

Социальные проблемы, возникшие в связи с пандемией COVID-19, и их влияние на изменение привычных для населения стратегий по отношению к здоровью, нашли отражение и в социологических исследованиях¹. На данном этапе в процесс принятия решения включены главы правительств и международных организаций², а выполнение этих решений касается подавляющего числа граждан мирового сообщества [Тартаковская, 2021]. Часть решений носят ограничительный характер (туризм, посещение общественных мероприятий, учреждений общепита и др.), часть – принудительный («социальная дистанция», вакцинация) [Bavli, et al., 2020; Холявин, 2020].

Обзор различных источников свидетельствует, что подобные социальные си-

туации, связанные с инфекционными заболеваниями, неоднократно возникали в обществе [Сорокин, 2012; Омран, 1977]. Неожиданное и стремительное распространение новой коронавирусной инфекции вызвало среди населения отсутствие понимания происходящего, изменение жизненных планов и приоритетов, изменение поведения, а также жизненных стратегий, в том числе здравоохранительных³. В условиях пандемии происходят кардинальные перемены в поведении людей [Adel, et al., 2018]. За последние семь столетий выявлено около пятнадцати пандемий. Исторический опыт свидетельствует, что пандемии имеют как краткосрочные, так и долгосрочные последствия для политики, экономики и социальной жизни. Пандемии имеют многоплановое и разновекторное влияние на все сферы жизнедеятельности людей [Кислицина, 2021; Schraff, 2020]. Знание исторических аспектов жизнедеятельности общества и индивидов в условиях пандемии, учет имеющегося в прошлом опыта и приумножения положительных эффектов настоящего позволяют грамотнее и четче очертить основные контуры будущего постпандемического мира.

¹ Абрамов, К. (2021) Влияние пандемии на российское общество в разрезе данных ВЦИОМ. ВЦИОМ. 2020. Retrieved from. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-08-20_

² Vacchi, C. (2016). *Problematizations in Health Policy: Questioning How 'Problems' are Constituted in Policies*. Retrieved from. URL: <https://doi.org/10.1177/2158244016653986>

³ Что такое пандемия? (2020). Всемирная организация здравоохранения. Retrieved from URL: <https://www.who.int/news-room/qa-detail/swine-flu-frequently-asked-questions-pandemic/ru/>

Попытки проследить изменение стратегий поведения населения по отношению к здоровью в условиях трансформации системы здравоохранения и их направлений рассматривались нами в предыдущих исследованиях [Гареева, 2018, Федорищева, 2020]. Они позволили проследить, насколько и в каком направлении меняются стратегии населения в сохранении здоровья. Изучение изменений стратегий поведения в отношении здоровья в условиях пандемии представляется совершенно новым направлением.

В качестве методологического основания в работе использованы теория эпидемического перехода Абдель Р. Омрана, демографическая теория Т. Мальтуса [Щеголевский, 2016] и теория социального доверия Яна Фузе [Fuhse, 2016].

Результаты исследования. Для выполнения задач исследования в соответствии с поставленной целью был проведен поиск и анализ публикаций в базах данных PubMed, GoogleScholar, Врачи РФ. Установлено что состояние неопределенности и непонимания происходящего вызывает у части населения протестное поведение (отказ от вакцинации, несоблюдение санитарно-гигиенических и противоэпидемических мер), другая часть населения утратила привычные в обыденной жизни стратегии сохранения здоровья.

Эмпирическая часть исследования базируется на данных авторского опроса, проводимого в 2020–2021 гг. (декабрь–март) в г. Хабаровске (n-227), и данных социологического опроса и материалах совместного аналитического доклада ВЦИОМ и АНО «НИЦ «Особое мнение» (апрель 2021 г.)⁴. Учитывая сложившуюся ситуацию, анкета была размещена на сервисе онлайн опросов GoogleForms. В опросе участвовали 227 респондентов (выборка случайная), возрастные группы распределились следующим образом: 18–23 лет – 22%, 24–29 года – 23%, 30–35 лет – 14%, 36–41 лет – 15%, 42–47 лет – 6%, 48–53 лет – 12%, 54–59 лет – 8%. Гендер-

ное распределение участников опроса выглядело следующим образом: женщины – 57%, мужчины – 43%. Студенты – 7%, работающие – 85%, неработающие – 5%, пенсионеры – 3%.

По данным исследования, свое отношение к сложившейся ситуации пандемии три четверти респондентов характеризуют тем, что «не полностью осознают, что происходит» (71%). С подобной ситуацией столкнулись впервые, но ожидают, что серьезных последствий пандемии не будет – 23%. Респонденты в возрасте от 18–23 лет, представленные в основном студентами вузов, оценивают условия пандемии следующим образом (допускалось выбирать три варианта ответа): для студентов необходимы консультации и лекционные занятия – 42%; считают, что «локдаун» и дистанционное обучение серьезным образом повлияет на качество знаний (в основном это студенты технических специальностей и медицинских вузов) – 30%; пандемия повлияла на их трудовую занятость в свободное от учебы время – 21%; освоить программу обучения для респондентов из числа студентов «не составляет проблем» – 17%.

Более пессимистичные оценки выразили респонденты из категории «работающие» (допускалось выбирать пять возможных вариантов ответа). По мнению этой группы респондентов, состояние «локдауна» может негативно отразиться на их занятости и заработной плате – 69%. Третья часть респондентов намерены отказаться от очередного ежегодного отпуска и перенести его на более благоприятный период (31%), каждый четвертый выражал опасения по поводу потери работы и отпуска без сохранения заработной платы (23%); восьмая часть опрошенных опасаются сокращения рабочего дня по инициативе работодателя (13%). Только для менее десятой части опрошенных из числа студентов состояние локдауна «ново и не несет каких-либо серьезных последствий» (6%).

Мнение большинства респондентов о

⁴ Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и АНО «НИЦ «Особое мнение» (2021). Retrieved from. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/rezhim-samoizolyaczii-ozhidaniya-motivy-oczenka-vvedennykh-ogranichenij>.

влиянии ситуация пандемии на их здоровье достаточно критичное: «может негативно повлиять на их здоровье» – 78%. Только незначительная доля считает, что «все обойдется» (9%) или затруднились дать ответ 13% респондентов. Из тех, кто опасается негативного влияния пандемии на здоровье, отметили, что у них имеются опасения заболеть новой коронавирусной инфекцией (29%) или считают, что возможно обострятся уже имеющиеся заболевания (26%). Порядка четверти респондентов уверены, что угрозы в отношении здоровья есть, но личная профилактика может снизить эти риски (27%). Незначительная часть допускали возможность возникновения других неинфекционных и инфекционных заболеваний (13%).

Состояние своего здоровья до пандемии половина респондентов оценила положительно: в сумме ответов «отлично» (7%) и «хорошо» (44%); около одной трети – как «удовлетворительно» (27%) и каждый десятый – «плохо» (10%). При этом подавляющее большинство опрошенных отметили свою заинтересованность в сохранении своего здоровья (91%).

Следующий блок вопросов был посвящен выявлению стратегий населения по отношению к здоровью. В ответах на вопрос «Что Вы предпринимаете для сохранения своего здоровья?» мы выявили, что большая часть респондентов не предпринимает никаких мер из-за отсутствия времени (43%) или не считают что-либо предпринимать, так как обладают хорошим здоровьем (15%), более трети респондентов ответили, что «ведут здоровый образ жизни» (17%) и «стараются хотя бы что-то делать по сохранению своего здоровья» (18%), незначительная часть респондентов затруднилась с ответом (7%).

Вопрос о выяснении цели обращений в поликлинику показал, что четверо из десяти не помнят о фактах обращения в поликлинику (42%) или не обращаются за медицинской помощью (38%). В случае заболевания за медицинской помощью обращалось около восьмой части респондентов (12%), и лишь статистически незначительная доля обращалась в медицинское учреждение для прохожде-

ния медицинских осмотров и с профилактической целью (3–5%).

Анализ обращаемости респондентов в медицинское учреждение за медицинской помощью за последние три месяца показал, что только менее одной десятой из них ответили утвердительно на этот вопрос (8%), а большая часть опрошенных ответила отрицательно (92%). Респонденты дали разъяснения на этот вопрос в свободной форме. В частности отмечали, что обращение в поликлинику по месту жительства затруднительно из-за: «перепрофилирования учреждения на «ковидный госпиталь», «отсутствия какой-либо связи (телефон, он-лайн запись) с медицинским учреждением», «отсутствия записи к врачу на необходимые даты», «страха посещать медицинское учреждение». Все ответы на этот вопрос носили негативную окраску.

Вопрос о том, какие мероприятия для предотвращения заболеваний новой коронавирусной инфекцией можно считать наиболее эффективными, оказался затруднительным для двух третей респондентов (65%). Седьмая часть опрошенных посчитала эффективной «выжидательную тактику» (15%). Менее десятой части опрошенных отметили такие меры, как «строгий карантин», «строгие эпидемические мероприятия (ношение масок, дезинфекция и др.)», «массовая вакцинация».

Выбор респондентами до трех вариантов ответов из предложенного списка стратегий поведения, которые были приемлемы на данном этапе показал, что большинство респондентов «не видели необходимости что-либо предпринимать» (28%), другие – затруднились ответить (25%), третьи – отметили «рациональное питание» (17%).

От десяти и менее процентов опрошенных отметили такие стратегии: «ведение здорового образа жизни», «самоизоляция, даже при отсутствии контакта с заболевшим новой коронавирусной инфекцией», «срочная вакцинация», «регулярные физические упражнения», «посещение фитнес-центров, бассейнов, спортивных залов», «ежедневные прогулки», «регулярные профилактические медицинские

осмотры».

Нами использованы материалы совместного аналитического доклада ВЦИОМ и АНО «НИЦ «Особое мнение», подготовленного по результатам социологического исследования, проведенного в апреле 2021 г. По результатам опроса выявлена пятая часть респондентов, оценивающих вероятность заражения коронавирусом как «высокая» (21%), а четверо из десяти опрошенных респондентов оценивают вероятность заражения как «низкую» (40%). При этом значительная часть респондентов затруднились ответить (39%).

Большая часть респондентов (48%) при ответе на вопрос об оценке тяжести заболевания, если вдруг случится заболеть, считают, что последствия заболевания могут быть тяжелыми; 36% респондентов считают, что последствия будут минимальные или вообще будут отсутствовать, 16% респондентов не дали ответа на вопрос.

На вопрос «В случае заболевания коронавирусной инфекцией какова вероятность возникновения тяжелых последствий для Вас лично?» ответы с оценкой риска как «высокий» варьировались от 39% до 54% (средний 48%) в зависимости от численности населения пунктов проживания респондентов. Так, наименьший показатель (39%) отмечался при опросах населения в городах Москва и Санкт-Петербург, а наибольший – в городах с населением до 100 тыс. населения (54%) и в селах (50%).

Наибольший уровень тревожных ожиданий проявлялся у женщин и людей старшего возраста. Так, 54% респондентов-женщин допускали вероятность тяжелых последствий в случае заболевания коронавирусом как «высокую», тогда как мужчины такую вероятность допускали в 40% ответов. Люди старшего возраста придерживаются такого же мнения в 60% случаев, тогда как лица молодого возраста допускали вероятность тяжелых последствий в 36% ответов.

Новым явлением при пандемии COVID-19 стала самоизоляция. Карантинные меры в случае угрозы инфекционных заболеваний применялись давно

и давали хорошие результаты. Однако в современных условиях общество не сталкивалось с такими глобальными карантинными мерами как локдаун. По данным опроса, большинство опрошенных респондентов намерены соблюдать самоизоляцию (82%), меньшая часть респондентов не считала это возможным (16%). Из тех респондентов, кто был готов соблюдать самоизоляцию, в равных долях представлены как выразившие намерение соблюдать этот режим весь период в полном объеме (39%), так и те, кто готовы соблюдать режим самоизоляции, но по мере возможности (43%). Однако по одной десятой опрошенных выразили уверенность, что даже при их ответственном подходе к этому вопросу соблюдать самоизоляцию им будет трудно по ряду причин, или они точно не будут соблюдать такой режим.

На вопрос «В какой степени Вы сами намерены соблюдать или не соблюдать относящиеся к Вам правила самоизоляции?» ответы распределились следующим образом: 22% мужчин и 11% женщин подтвердили, что режим самоизоляции они соблюдать не будут. Трудоспособные и наиболее активные респонденты не намерены соблюдать меры самоизоляции (16%), из них пятая часть в возрасте 25–34 года (22%) и четвертая – в возрасте 35–44 года (25%).

Доля тех респондентов, кто допускает тяжелые последствия для себя в случае заболевания незначительная (14%), но не настроена на соблюдение режима самоизоляции. Среди тех, кто не намерен соблюдать самоизоляцию и уверен в том, что последствий не будет, каждый пятый опрошенный (20%). Менее десятой части представлены те респонденты, кто ожидает серьезные последствия в случае заболевания, но не собирается соблюдать режим самоизоляции (6%). Несмотря на значимые результаты среди тех респондентов, которые не будут соблюдать меры предосторожности, высока доля и тех, кто уверен, что тяжелых последствий не будет, но готовы соблюдать режим самоизоляции (78%).

На вопрос «Как вы полагаете, в какой степени большинство Ваших знакомых,

друзей и родных будут соблюдать или не соблюдать относящиеся к ним правила самоизоляции?» ответы распределились следующим образом: считают, что их знакомые и родные будут стараться соблюдать режим самоизоляции сколько смогут 59%; уверены, что будут соблюдать режим весь период в полном объеме 24%; не уверены, что возможно ожидать соблюдения весь период самоизоляции 10%; уверены, что не будут соблюдать 4%.

В своих предыдущих исследованиях мы обращались к вопросу о стратегиях поведения в случае заболевания. Так, в поведенческих стратегиях населения в обычных условиях преобладало поведение обращения в лечебно-медицинские учреждения за профилактической медицинской помощью. Для прохождения профилактических осмотров в медицинские учреждения обращались большинство респондентов (82%). Такой вид обращений зависел от уровня доходов. Так, граждане с низким уровнем дохода за таким видом услуг обращались реже (37%). При первых признаках заболевания за медицинской помощью обращалась пятая часть респондентов (18%), и в этом случае уровень доходов не влиял на частоту обращений. Было выявлено, что среди респондентов с низким уровнем дохода третья часть респондентов обращались в случае, когда «терпеть уже не было сил» (34%). Отказывались от медицинской помощи по разным причинам (скорое выздоровление, нежелание контактировать с врачами, отсутствие свободных средств для оплаты лечения, работа) две трети в группе респондентов с высоким уровнем дохода (65%) и примерно столько же в группе респондентов с низким уровнем дохода (60%).

Результаты исследования дали основания сделать выводы, что отмечалась неблагоприятная ситуация в отношении россиян как к индивидуальному, так и общественному здоровью. Ответы респондентов позволили проанализировать сложившуюся ситуацию и выявить факторы, негативно влияющие на отношение населения к здоровью. Наиболее важным фактором на тот момент являлся предшествующий опыт при обращении

в медицинское учреждение: очереди в регистратуру, трудности записи на желаемую дату посещения врача, низкая культура обслуживания, отсутствие дальнейших рекомендаций врача при осмотре. Вторым немаловажным фактором являются ожидания пациента при обращении к врачу – внимательное отношение, высокий профессионализм, доброжелательность, откровенность. Поэтому третья часть респондентов считают, что они как можно реже будут обращаться в медицинские учреждения (32%), четверо из десяти респондентов ответили, что они имеют и постоянно пополняют свои знания о практиках сохранения здоровья и планируют их в дальнейшем применять (39%). Доля лиц, отказывающихся от медицинских услуг в случае заболевания, составила менее трети от числа опрошенных (27%). Причины такого поведения – долгое ожидание приема врача, а также изменения в оформлении и начислении пособия по временной нетрудоспособности.

Среди населения пропагандировалась идея самосохранительного поведения, специфика которого заключалась в грамотности и информированном контроле со стороны самой личности. В условиях пандемии концепция самосохранительного и превентивного поведения продемонстрировала свои ограничения. О том, как себя вести в случае появления первых признаков заболевания коронавирусной инфекцией, не знали ни сами заболевшие, ни врачи. Поэтому те стратегии поведения, которые были привычны для большинства населения в периоды «непандемии», утрачивали свое значение, а в иных случаях становились угрожающими для здоровья.

В условиях пандемии COVID-19 поведение населения в случае заболевания существенно отличается от прежнего. Так, на вопрос «Что Вы будете делать, если почувствуете у себя симптомы коронавирусной инфекции (сухой кашель, температуру и т. д.)?» более половины респондентов ответили, что осознают риск несвоевременного обращения за медицинской помощью (59%).

Следует отметить, что вызов скорой

помощи в стратегиях россиян (до пандемии COVID-19) это крайний вариант, который используется при критических состояниях здоровья («когда терпеть уже нет сил» – 34%), то в условиях пандемии уже три четверти респондентов ответили, что вызовут скорую помощь (73%), пятая часть – самостоятельно обратятся в стационар для госпитализации (20%), каждый седьмой – позвонит на «горячую линию» (совершенно новая практика, появившаяся в условия пандемии) (15%). Только каждый десятый из респондентов не стал бы никуда обращаться, изолировался бы в домашних условиях и начал бы лечиться самостоятельно (10%). Доля респондентов, которые отметили готовность самостоятельно обратиться в лаборатории для прохождения тестирования на коронавирус, оплатить исследование в полном объеме и вызвать участкового врача, составила статистически незначительную долю опрошенных (4–5%). Следует отметить, что доля лиц готовых лечиться самостоятельно, в больших городах гораздо выше чем в населенных пунктах с меньшей численностью населения (20% и 14% соответственно). Те, кто допускал тяжелые последствия в случае заболевания, реже высказывали желание самоизолироваться и лечиться самостоятельно, чем те, кто низко оценивал риск возникновения тяжелых последствий (7% и 13% соответственно).

На вопрос о мотивах поддержки реализуемых мер ответы респондентов распределились следующим образом: будут поддерживать все меры, так как боятся заразить своих близких 33%; считают, что все принимаемые меры оправданы и способны стабилизировать ситуацию 21%; боятся заразиться сами 13%; доверяют врачам и готовы выполнять все то, что они рекомендуют 9%; доверяют властям и считают действия власти оправданными 13%; не желают оплачивать штрафы 3% и затруднились ответить 8%.

Учитывая, что в средствах массовой информации распространяются сообщения о том, что в группе риска по заболеваемости новой коронавирусной инфекцией население старших возрастных групп, которое наиболее тяжело и с более

серьезными последствиями переносит новую инфекцию, был задан вопрос «Есть ли у Вас опасения за здоровье своих близких родственников в условиях пандемии COVID-19? (допускалось выбирать до двух вариантов ответа)». Подавляющее большинство опрошенных респондентов выразили опасения по поводу здоровья своих старших родственников (97%), более трети по поводу здоровья детей и подростков (37%). Среди тех, кто опасается за здоровье своих родных и близких, в равной мере представлены все возрастные группы опрошенных: 18–24 лет (43%), 25–34 лет (44%), 35–44 лет (41%). Это демонстрирует высокую степень ответственности или высокую степень информированности всех людей. Опасность заразиться новой коронавирусной инфекцией выражает пятая часть респондентов в возрастной группе от 25 до 34 лет (18%), что скорее всего связано с тем, что эта группа наиболее демографически активна в части заключения браков и рождения детей. В группе респондентов с высшим образованием ведущим мотивом поддержки реализуемых мер выступают опасения заразиться самим или заразить близких (35%).

Принимаемые меры по борьбе с коронавирусом не поддерживает незначительная часть респондентов (13%), связывая это с тем, что они «не могут заработать на жизнь»; «отрицают коронавирусную инфекцию, как таковую»; что «этими мерами с пандемией не справиться»; «надеются на свой хороший иммунитет» или «все равно придется переболеть».

Таким образом, результаты исследования продемонстрировали, что ситуация пандемии изменяет организацию повседневной жизни, работу, семейные отношения, взаимоотношения и стратегии поведения населения в отношении здоровья. Пандемия существенно обострила проблему здравоохранительного поведения населения. С одной стороны, многие скрупулезно выполняют все рекомендации врачей и требования властей, с другой стороны, многие откровенно и открыто пренебрегают всеми запретами и рекомендациями. Противоречивая и не подкреплённая научными данными и

официальными статистическими данными информация порождает неопределенность в принятии решений и поведения.

Заключение.

Осмысление результатов исследования позволяет сделать выводы, что стратегия поведения населения в отношении здоровья изменяется под воздействием многих факторов. Состояние неопределенности и непонимание происходящего вызывает у части населения протестное поведение (отказ от вакцинации, несоблюдение санитарно-гигиенических и противоэпидемических мер), другая часть населения утратила привычные в обыденной жизни стратегии сохранения здоровья (посещение медицинского учреждения в случае заболевания, ежегодный медицинский осмотр, соблюдение здорового образа жизни). Жесткий локдаун, сменяющийся быстрым снятием всех противоэпидемических запретов, вызывает у населения иллюзию наступившего благополучия, а следовательно, снижение настороженности и страха инфицирования новой коронавирусной инфекцией. Нарботанные годами здоровьесберегающие технологии и стратегии поведения среди населения за период 2020–2021 гг. частично утрачены. Негативное в целом отношение населения к принимаемым государством мерам по преодолению ситуации с пандемией сказывается на реализации конкретных здоровьесберегающих стратегий, определяет алгоритм взаимодействия населения с учреждениями здравоохранения,

характеризующийся существенным снижением активности граждан.

Поведенческие стратегии населения в отношении здоровья в период пандемии COVID-19 существенно изменяются. Это обусловлено в первую очередь тем, что противоречивая информация из официальных источников на протяжении периода пандемии в отношении рекомендуемых схем лечения, профилактики и последствий заражения коронавирусной инфекцией формирует своеобразный «когнитивный диссонанс» в общественном мнении, который негативно сказывается на выработке адекватных здоровьесберегающих поведенческих стратегий у населения.

Жизненные стратегии населения в отношении охраны здоровья в условиях пандемии являются маркером доверия/недоверия граждан не столько действующей системе учреждений здравоохранения, сколько официальной власти.

В этой связи остро стоит вопрос о межотраслевом сотрудничестве с участием специалистов для всесторонней тщательной оценки «плюсов» и «минусов» различных мер, принимаемых для сдерживания новой коронавирусной инфекции. Мероприятия, нацеленные на благополучие населения и сохранение здоровья, должны быть основаны на беспристрастном использовании информации и научных результатов, выработке научно обоснованных программ смягчения негативных побочных эффектов и сохранения стратегий сбережения здоровья среди населения.

Список источников:

1. Гареева И. А., Ковалева А. В. Роль здравоохранения в обеспеченности качества жизни населения. Здоровье и качество жизни. Материалы III Всероссийской конференции с международным участием. 2018. С. 56–61.
2. Кислицына О. А. Долгосрочные негативные последствия пандемии COVID-19 для здоровья населения // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. № 67(4). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1281/30/lang,ru/>
3. Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения. Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. Москва: Прогресс. 1977.
4. Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствий. Санкт-Петербург. Издательский дом «МирЪ». 2012.
5. Тартаковская И. Н. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. № 27(2). С. 68–89.

6. Щеголевский В. А. Глобальный демографический кризис с позиций теории Т. Мальтуса и неомальтузианцев // *Journal of Economic History and History of Economics*. 2016. № 17(2). С. 278–296. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17\(2\).278-296](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(2).278-296)
7. Холявин А. О. Социальное бездействие на ранних этапах пандемии COVID-19 // *Социологические исследования*. 2020. № 11. С. 139–148.
8. Федорищева Е. К., Гареева И. А., Косилов К. В. Факторы влияния на поведенческие стереотипы в отношении здоровья у студентов медицинских специальностей // *Социальные и гуманитарные знания*. 2020. Т. 6. № 3(23). С 286–299. DOI: <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-3-286-299>
9. Adel F. Almutairi, Abdallah A. Adlan, Hanan H. Balkhy, Oraynab A. Abbas, Alexander M. Clark. «It feels like I'm the dirtiest person in the world» Exploring the experiences of healthcare providers who survived MERS-CoV in Saudi Arabia // *Journal of Infection and Public Health*. 2018. 11(2): 187–191. <https://doi.org/10.1016/j.jiph.2017.06.011>
10. Bavli I., Sutton B., Galea S. Harms of public health interventions against covid-19 must not be ignored // *BMJ*. 2020. 371, m4074. <https://doi.org/10.1136/bmj.m4074>
11. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland, L., Wessely, S., Greenberg N., & Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // *The Lancet*. 2020. 395(10227). pp. 912–920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
12. Fushe A. J. Soria Netzucre. Konzept und Forechungsmethoden. New York, NY: Springer. 2016.
13. Schraff D. Political trust during the Covid-19 pandemic: Rally around the flag or lockdown effects? // *European Journal of Political Research*. 2020. 8. P. 166. <https://doi.org/10.31235/osf.io/pu47c>

References:

1. Gareeva I. A., Kovaleva A. V. (2018) The role of healthcare in ensuring the quality of life of the population. Health and quality of life. Materials of the III All-Russian Conference with international participation. Pp. 56–61. (In Russ.).
2. Kislitsyna O. A. (2021) Long-term negative consequences of the COVID-19 pandemic for public health *Sotsial'nyye aspekty zdravookhraneniya* [Social aspects of healthcare]. No. 67(4). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1281/30/lang,ru/> (In Russ.).
3. Omran A. (1977) Epidemiological aspect of the theory of natural movement of the population. Population problems. About the demographic problems of Western countries. Moscow: Progress. (In Russ.).
4. Sorokin P. (2012) Man and society under management conditions. Saint Petersburg. Publishing house "MIR". (In Russ.).
5. Tartakovskaya I. N. (2021) Trust before a new pandemic: in search of support points *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 27(2): 68–89.
6. Shchegolevsky V. A. (2016) Global demographic crisis with the positions of the theory of T. Malthus and neo-Malthusians *Zhurnal ekonomicheskoy istorii i istorii ekonomiki* [Journal of economic history and economic history]. No. 17 (2): 278–296. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17\(2\).278-296](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(2).278-296) (In Russ.).
7. Kholyavin A. O. (2020) Social inaction at the early stage of the COVID-19 pandemic *Sotsiologicheskiiye issledovaniya* [Sociological studies]. No. 11: 139–148. (In Russ.).
8. Fedorishcheva E. K., Gareeva I. A., Kosilov K. V. (2020) Factors on behavioral stereotypes in relation to the health of medical students *Sotsial'nyye i gumanitarnyye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. Т. 6. No. 3(23): 286–299. DOI: <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-3-286-299>. (In Russ.).
9. Adel F. Almutairi, Abdallah A. Adlan, Hanan H. Balkhi, Orainab A. Abbas, Alexander M. Clark. (2018) «I feel like I'm the dirtiest person in the world» Studying the experiences of healthcare workers who survived MERS-CoV in Saudi Arabia *Zhurnal infektsiy i obshchestvennogo zdravookhraneniya* [Journal of Infection and Public Health]. No. 11(2): 187–191. <https://doi.org/10.1016/j.jiph.2017.06.011>

10. Bavli I., Sutton B., Galea S. (2020) The harm of public health measures against covid-19 cannot be ignored. *BMJ*. 371, m4074. <https://doi.org/10.1136/bmj.m4074>
11. Brooks S. K., Webster R. C., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin, G. J. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: a rapid review of the evidence *Lantset* [The Lancet]. 395(10227): 912–920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
12. Fouche A. J. (2016) *Soria Netsukre. Konzept und Forechungsmethoden*. New York, NY: Springer.
13. Schraff D. (2020) Political trust during the Covid-19 pandemic: rallying around the flag or the consequences of quarantine? *Yevropeyskiy zhurnal politicheskikh issledovaniy* [European Journal of Political Research]. No. 8: 166. <https://doi.org/10.31235/osf.io/ru47c>

Статья поступила в редакцию 26.07.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 26.07.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Информация об авторе

И. А. Гареева – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и психологии, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the author

I. A. Gareeva – Doctor of Sociology, associate professor, professor of the department, The Pacific State University.

Научная статья

УДК 614.2:004(470.344)

doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-128-136

Информатизация здравоохранения Республики Бурятия: проблемы и перспективы

Елена Юрьевна Башкуева

Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Улан-Удэ, Россия
frombear@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ проблем и перспектив развития информатизации здравоохранения Республики Бурятия по результатам проведенного экспертного опроса и SWOT-анализа. Цель исследования – определить состояние и проблемы информатизации системы здравоохранения Республики Бурятия на основе экспертных оценок и SWOT-анализа и дать объективную оценку данному процессу. Задачи исследования включали следующие действия: выявить достижения информатизации здравоохранения Республики Бурятия, в том числе в период пандемии COVID-19; проанализировать проблемы информатизации здравоохранения Республики Бурятия; провести SWOT-анализ информатизации здравоохранения региона; разработать научно-практические рекомендации по развитию информатизации регионального здравоохранения с учётом передового мирового и российского опыта. В результате комплексного анализа выявлены проблемы и тенденции информатизации здравоохранения региона; обоснована необходимость разработки мер государственной поддержки для привлечения IT-специалистов в региональное здравоохранение; выполнен SWOT-анализ информатизации регионального здравоохранения, выявлены её сильные и слабые стороны, возможности и угрозы. Автором предложены перспективные направления развития информатизации здравоохранения в регионе и конкретные научно-практические рекомендации.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, здравоохранение, медицинская организация, медицинская информационная система, IT-специалисты, эксперты, Республика Бурятия

Благодарность: статья подготовлена в рамках госзадания № 121030500092-7 (проект «Разработка методологии обоснования направления стратегического развития депрессивного региона в условиях эколого-экономических ограничений»)

Для цитирования: Башкуева Е. Ю. Информатизация здравоохранения Республики Бурятия: проблемы и перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 128–136. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-128-136>

Informatization of health care system in the Republic of Buryatia: problems and prospects

Elena Yu. Bashkueva

Buryat Scientific Center the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia
frombear@mail.ru

Abstract. The article presents analysis of problems and prospects of development of the health informatization in the Republic of Buryatia based on the results of the

expert survey and SWOT-analysis. The aim of this study is to determine the state and problems of informatization of the health care system of the Republic of Buryatia on the basis of expert assessments and SWOT-analysis and to give an objective assessment of this process. The objectives of the study included following actions: to identify the achievements of informatization of healthcare in the Republic of Buryatia, including during the COVID-19 pandemic; to analyze the problems of informatization of healthcare in the Republic of Buryatia; to conduct a SWOT analysis of informatization of healthcare in the region; to develop scientific and practical recommendations for the development of informatization of regional healthcare, taking into account advanced world and Russian experience. As a result of comprehensive analysis, the problems and trends of informatization of healthcare in the region have been identified; the necessity of developing state support measures to attract IT specialists to the regional healthcare is substantiated; a SWOT analysis of informatization of the regional healthcare is performed, its strengths and weaknesses, opportunities and threats are identified. The author suggests promising directions for the development of health informatization in the region and specific scientific and practical recommendations.

Keywords: *informatization, digitalization, health care, medical organization, medical information system, IT specialists, experts, the Republic of Buryatia*

Acknowledgments: *the article was prepared within the framework of the state task No. 121030500092-7 (project “Development of methodology of justification of the direction of strategic development of a depressed region in the conditions of ecological and economic constraints”).*

For citation: Bashkueva E. Yu. Informatization of health care system in the Republic of Buryatia: problems and prospects // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 128–136. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-128-136>

Введение.

Одной из важнейших задач модернизации российского здравоохранения является его информатизация, причем общеизвестно, что Россия является аутсайдером этого процесса на мировом уровне, что существенно тормозит развитие всей отрасли. В регионах Российской Федерации (далее – РФ) данный процесс происходит также неоднородно, при этом только формируются концептуальные модели оценки цифровой зрелости региональных систем здравоохранения [Есина, Калабина, 2022]. Правительство РФ проводит ежегодно рейтинговую оценку цифровой зрелости регионов РФ, и по итогам 2020 г. Республика Бурятия находилась в середине данного рейтинга¹. Вместе с тем информатизация федерального и регионального здравоохранения является серьезным ресурсом повышения доступности и качества медицинской помощи, с этой целью в национальном проекте «Здраво-

охранение» поставлена задача создать единый цифровой контур на основе единой государственной информационной системы здравоохранения, включив в него все медицинские организации страны, в том числе врачебные амбулатории и фельдшерско-акушерские пункты.

Материалы и методы. Цель данной статьи – определить состояние и проблемы информатизации системы здравоохранения Республики Бурятия на основе экспертных оценок и SWOT-анализа. Исследование базировалось на синтезе следующих методов: изучение и обобщение опыта, статистический, социологический (наблюдение, экспертный опрос), SWOT-анализ, аналитический, монографическое описание и др. Эмпирическую базу исследования составили официальные статданные Росстата, Бурятстата; ежегодные сводные отчеты Министерства здравоохранения Республики Бурятия (за 2018–2022 гг.), Республиканского медицин-

¹ Составлен рейтинг цифровой зрелости регионов в сфере здравоохранения <https://rg.ru/2021/02/18/sostavlen-rejting-cifrovoj-zrelosti-regionov-v-sfere-zdravoohraneniia.html>. (дата обращения 25.08.2023 г.).

ского информационно-аналитического центра (за 2018–2022 гг.), данные авторских социологических исследований: экспертного опроса с участием руководителей Министерства здравоохранения Республики Бурятия, Республиканского медицинского информационно-аналитического центра (за 2018–2022 гг.), ГАУЗ «Республиканская клиническая больница им. Н.А. Семашко» на тему «Проблемы и перспективы информатизации здравоохранения в Республике Бурятия» (n=30). В качестве экспертов были отобраны организаторы здравоохранения, врачи амбулаторного и стационарного звена и IT-специалисты. Критериями отбора экспертов являлись: факт работы респондента в практическом здравоохранении не менее 5 лет, общественное признание в качестве эксперта в области профессиональной деятельности, добровольное согласие участвовать в опросе.

Обзор литературы.

Анализ отечественной научной литературы показал, что вопросы информатизации здравоохранения являются актуальными и исследуются представителями как медицинских, так и экономических наук [Борисов, 2022. С. 939–942; Итинсон, 2021. С. 132–134; Федяева, 2019. С. 65–73]. В меньшей степени данные вопросы изучаются представителями социологической науки. Тем не менее в настоящее время опубликован ряд значимых исследований с результатами социологического анализа [Белова, 2022. С. 351–352]. Представляет особый интерес исследование российских социологов И. Г. Хайруллиной и Н. И. Беловой «Российский опыт внедрения и реализации политики информатизации в здравоохранении: социологический анализ», в котором на основе комплексной социологической методики выявлены основные проблемы реализации политики информатизации в сфере российского здравоохранения в оценках населения и медицинских работников [Хайруллина, Белова, 2022. С. 58]. Авторы пришли к выводу, что врачи и население воспринимают политику информатизации здравоохранения неоднозначно. Врачи надеются, что электронные нововведения позволят облегчить им трудовую деятельность, однако в реальности

многие рабочие места еще не компьютеризированы либо не подключены к единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения (далее – ЕГИСЗ). В качестве основной проблемы отмечается увеличение нагрузки на медицинских работников ввиду необходимости дублирования «электронных карт» в бумажном формате. Что касается оценок населения, то отдельные направления политики информатизации в сфере здравоохранения воспринимаются с одобрением. Однако достаточно большая доля россиян склонна с недоверием относиться к внедрению телемедицинских технологий. В качестве объективных причин, препятствующих развитию информатизации медицины, отмечается неравенство в доступе к различным устройствам и сервисам, что затрудняет взаимодействие населения и врачей в сфере охраны здоровья [Хайруллина, Белова, 2022. С. 58].

Результаты исследования.

Нами проведена оценка реализации подпрограммы «Развитие информатизации в здравоохранении» государственной программы Республики Бурятия «Развитие здравоохранения» за 2021–2022 гг. Установлено, что в 2021 г. были выполнены не все индикаторы программы. Выявлены причины недостижения целевых значений регионального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)»:

- доля случаев оказания медицинской помощи, по которым предоставлены электронные медицинские документы в подсистеме ЕГИСЗ – 21,2% (план – 46%). Причина неисполнения: организованная автоматическая пакетная отправка электронных медицинских документов из медицинских информационных систем столкнулась с ошибками и сбоями федерального сервиса «Реестр электронных медицинских документов (РЭМД)». Также в МИС «ПроМед» возникла ошибка отправки документов в сервис «ИЭМК», которая была исправлена в начале декабря. Накопившаяся очередь документов позволяла выполнить индикатор, но скорость отправки и приема документов в федеральный сервис не позволила это сделать. В

2022 г. данный показатель исполнен;

- доля медицинских организаций, обеспечивающих отправку сведений из электронных медицинских карт в подсистему ИЭМК ЕГИСЗ – 72,9% (план – 100%). Причина неисполнения: в МИС «ПроМед» возникла ошибка отправки документов в сервис «ИЭМК», которая была исправлена в начале декабря. Накопившаяся очередь документов содержала в том числе документы от недостающих медицинских организаций, но скорость отправки и приема документов в федеральный сервис не позволила это сделать. В 2022 г. данный показатель исполнен;

- доля территориально-выделенных структурных подразделений (ТВСП) медицинских организаций, обеспечивающих информационное взаимодействие с централизованными подсистемами государственной информационной системы в сфере здравоохранения субъекта РФ – 83,6% (план – 87%). Причина неисполнения: неисполненный контракт ПАО «Ростелеком» включает в себя работы по автоматизации клиничко-диагностических лабораторий и подключение к централизованной подсистеме. Работы по данному контракту планируются завершить до конца апреля 2022 г.

Установлено, что по итогам 2022 г. все показатели подпрограммы выполнены. Рекомендовано региональному министерству здравоохранения усилить контроль за исполнением подпрограммы в том числе с привлечением в качестве независимых аудиторов членов общественного совета при министерстве здравоохранения Республики Бурятия.

Участники экспертного опроса считают, что не все медицинское сообщество региона положительно относится к информатизации федерального и регионального здравоохранения, четко понимает её задачи. Они отметили, что отсутствует система объективных оценок и мониторинга информатизации, проверяемых показателей цифровой зрелости как медицинских организаций, так и региональных систем здравоохранения. Очень не хватает медикам и методических материалов, обучающих программ, курируемых региональным и федеральным министерствами здравоохранения.

Эксперты отметили, что цифровая трансформация здравоохранения Республики Бурятия проводится уже более 10 лет, за последнее время усиленными темпами. Пандемия COVID-19 придавала ускорение процессу информатизации в медицинских организациях региона. Так, в медицинской информационной системе (далее – МИС) создано более 45 видов электронных аналогов медицинских документов. Осуществляется направление медицинских документов из МИС в региональные подсистемы по 4 профилям для мониторинга пациентов и последующей передачи на федеральный уровень. За последние годы создана инфраструктура для безбумажного электронного медицинского документооборота. В большинстве медицинских организаций цифровое диагностическое оборудование подключено к информационным системам. В Центральном архиве медицинских изображений (ЦАМИ) внедрен и применяется модуль автоматизированного анализа маммографических исследований с применением искусственного интеллекта. В медицинских организациях применяется система голосового набора текста, применяемая при описании результатов инструментальных, патологоанатомических исследований. Успешно пропилотирована система дистанционной передачи электрокардиограмм в городских поликлиниках г. Улан-Удэ.

Практикующие медицинские работники отметили, что в регионе за последнее время успешно внедрены ряд цифровых сервисов для врачей. В частности, осуществлен запуск в эксплуатацию региональной электронной медицинской карты и существенно расширено количество медицинских документов, оформляемых в электронном виде. В качестве несомненных достижений информатизации регионального здравоохранения эксперты отметили развитие информационного взаимодействия скорой медицинской помощи с амбулаторными и стационарными медицинскими организациями. Успешно осуществляется формирование региональных регистров по 4 направлениям (болезни системы кровообращения, онкология, акушерство, неонатология).

Участниками исследования отме-

чено, что за последнее время успешно внедрены цифровые сервисы для граждан – онлайн-прикрепление к медицинской организации амбулаторно-поликлинического звена; запись на прием к врачу через «Витрины данных ЕПГУ»; электронные рецепты за полную стоимость; расширение количества медицинских документов, передаваемых в личные кабинеты «Мое здоровье».

Эксперты подчеркнули, что важным звеном информатизации здравоохранения Республики Бурятия является внедрение и совершенствование телемедицинских технологий. На сегодня в медицинских организациях установлено 78 единиц оборудования для проведения телемедицинских консультаций, в том числе в 14-ти – 21 единица для проведения телемедицинских консультаций, которые позволяют преобразовывать информацию с нецифровых носителей медицинской информации (бумажные, пленочные) в цифровой формат, и в 36-ти медицинских организациях – 57 единиц на базе программного обеспечения «Polusom» для проведения сеансов ВКС и телемедицинских консультаций. В 40 медицинских организациях организован доступ к системе телемедицинских консультаций. Из них в 27 медицинских организациях оборудование доступно в режиме круглосуточного оказания медицинской помощи. Ежегодно отмечается увеличение количества телемедицинских консультаций: в 2022 г. их было проведено 5 409 (2021 г. – 4 049), из них на региональном уровне – 3 910 (2021 г. – 2 797), на федеральном уровне – 1 499 (2021 г. – 1 252). Министерством здравоохранения Республики Бурятия совместно с ПАО «Ростелеком» реализуется проект с использованием централизованной подсистемы «Телемедицинские консультации» с целью предоставления телемедицинских консультаций в режиме врач – врач и врач – пациент, обеспечения оптимальной доступности для населения (в том числе для жителей населенных пунктов, расположенных в отдаленных местностях) первичной медико-санитарной помощи.

Отдельным направлением информатизации здравоохранения эксперты отметили создание цифровой платформы

управления качеством в целях повышения уровня медицинской помощи. Республика Бурятия – один из немногих регионов Российской Федерации, где создана единая территориальная система управления качеством и действуют инновационные институты её развития [Лудупова, 2019. С. 1–48]. Приказом Минздрава РБ от 20.03.2023 запущен пилотный проект «Внедрение системы управления качеством в медицинских организациях Республики Бурятия в соответствии с требованиями приказа Минздрава России от 31.07.2020 №785н». Цель проекта – цифровизация внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности в медицинских организациях Республики Бурятия. Создана рабочая группа по реализации проекта, утвержден перечень медицинских организаций, участвующих в проекте в составе 12 единиц, утвержден план проекта. По мнению экспертов, данный проект является эффективным инструментом повышения качества медицинской помощи, и после его успешного внедрения намечено его тиражирование как в Республике Бурятия, так и за ее пределами.

В оценке проблем информатизации регионального здравоохранения ключевой из них эксперты обозначили нехватку специалистов по **ИТ-технологиям в медицине** и недостаток знаний у имеющих. Основная проблема низкой привлекательности труда в медицинских организациях региона для **ИТ-специалистов** – относительно невысокий, по сравнению с другими отраслями, размер заработной платы, отсутствие мер социальной поддержки. Как отметил один из экспертов, сотрудник РМИАЦ (стаж 15 лет): «Для ИТ-специалистов более привлекательными в плане размеров оплаты труда выглядят банковская сфера и сфера телекоммуникаций». Кроме того, быть айтишником в системе здравоохранения весьма сложно, так как нужно обрабатывать большие массивы медицинских данных, работать в постоянном режиме многозадачности, осуществлять внедрение новых информационных технологий, работая с таким сложным контингентом, как медицинские работники. Далеко не всякий ИТ-специалист на это способен. Поэтому в

этой сфере постоянно есть вакансии и текучка кадров. Отмечена также нехватка навыков у персонала, необходимость постоянного повышения компетенций, дороговизна действительно эффективных обучающих программ.

Вместе с тем участники исследования единодушно отметили, что профессионалы в сфере медицины и информатики, обладающие специальными знаниями – основа будущего российской медицины, и именно они должны играть ключевую роль в модернизации здравоохранения страны, поэтому государству следует тщательно проработать меры по привлечению ИТ-специалистов в здравоохранение, разработать механизмы их социаль-

ной поддержки, непрерывного повышения квалификации.

Эксперты также среди негативных моментов информатизации регионального здравоохранения указали на общую дороговизну цифровой трансформации, поскольку это комплексный процесс, охватывающий многочисленные сферы деятельности. Ряд участников исследования указали на низкую цифровую зрелость самих медицинских организаций, особенно в сельских районах.

На основе проведенного исследования выполнен SWOT-анализ информатизации регионального здравоохранения, который показал его сильные и слабые стороны, возможности и угрозы (табл. 1).

Таблица 1

SWOT-анализ информатизации здравоохранения Республики Бурятия

Сильные стороны	Слабые стороны
Информатизация регионального здравоохранения направлена на повышение доступности, качества и безопасности медицинской деятельности и проводится согласно требованиям и нормам федеральных программ и законодательства	Недостаток компетентных кадров, в том числе в области ИТ-технологий
Наличие государственной программы, стабильное финансирование	Выделяемых государственных финансовых средств не хватает на цифровую модернизацию отрасли вследствие постоянного удорожания ресурсов
Наличие республиканского медицинского информационно-аналитического центра	Несформированность цифровой инфраструктуры регионального здравоохранения
Наличие в регионе вузов, готовящих специалистов в области ИТ	Применение не в полной мере онлайн контроля цифровизации регионального здравоохранения
Активное освещение процесса цифровизации регионального здравоохранения в СМИ	Отсутствие инвестиционного финансирования цифровизации регионального здравоохранения
Возможности	Угрозы
Повышение доступности, качества и безопасности медицинской помощи	Резкое снижение государственного финансирования в связи с нестабильной геополитической и экономической ситуацией
Создание единой системы медицинской информации, баз данных о пациентах, доступа к этим системам	Возможности утечки персональных данных и хакерских атак
Развитие телемедицинских технологий	Трудности внедрения телемедицинских технологий в отдаленных районах в связи с технологической отсталостью, кадровым дефицитом
Применение математических методов и искусственного интеллекта (автоматизация операционных процессов, алгоритмов лечения)	Технологическая отсталость от мирового уровня в связи с нестабильной геополитической ситуацией
Постоянное повышение квалификации медицинских работников по вопросам цифровизации здравоохранения	Отток квалифицированных кадров
Внедрение системы онлайн контроля цифровизации регионального здравоохранения	Технологические сбои в медицинских информационных системах

Источник: составлено авторами.

Заключение. Таким образом, здравоохранение Республики Бурятия динамично проходит процесс информатизации, стимулом к которому в немалой степени стало противодействие пандемии новой коронавирусной инфекции. Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. В медицинских организациях Республики Бурятия внедрены новые медицинские информационные системы, электронный документооборот, цифровые сервисы для врачей и пациентов, развивается телемедицина.

2. Существенную проблему составляет кадровый дефицит современных IT-специалистов, обусловленный низкой привлекательностью работы в сфере здравоохранения.

3. Экспертами предложено разработать региональную программу по привлечению IT-специалистов в сферу здравоохранения, их подготовке и повышению квалификации.

Нами разработаны научно-практические рекомендации по развитию информатизации здравоохранения в Республике Бурятия с учётом передового мирового и российского опыта:

- разработать региональную програм-

му привлечения квалифицированных IT кадров в медицинские организации РБ;

- разработать инновационную структуру и создать условия для инновационной деятельности в сфере регионального здравоохранения, в том числе предоставить гарантии инвесторам в объекты персонализированной медицины;

- доработать действующую региональную нормативную правовую базу информатизации и инновационного развития регионального здравоохранения;

- развивать всестороннее оповещение о принципах и идеях персонализированной медицины и телемедицины, а также о проведении плановой диспансеризации лиц, достигших определенного возраста;

- разработать региональные программы курсов повышения цифровой грамотности для медицинских работников;

- осуществлять непрерывный мониторинг процесса информатизации региональной системы здравоохранения, в том числе с использованием социологического инструментария (анкетирование, экспертный опрос, фокус-группы);

- разработать региональную систему внедрения цифровой грамотности населения в области медицинских услуг, активно публиковать обучающие материалы в СМИ и социальных сетях.

Список источников:

1. Асташина Е. Е., Томашевская К. Ю. Анализ внедрения федерального проекта о создании единого цифрового контура в здравоохранении // Вестник Международного института рынка. 2020. № 1. С. 87–94.

2. Белова Н. И. Российские врачи в эпоху цифрового здравоохранения: Основные проблемы и вызовы // Социология в постглобальном мире. Материалы всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 351–352.

3. Борисов И. В. Совершенствование управления здравоохранением на основе цифровой трансформации бизнес-процессов // Экономика и предпринимательство. 2022. № 12. С. 939–942.

4. Гулиев Я. И., Казаков И. Ф., Мартюшев-Поклад А. В., Пантелеев С. Н., Янкевич Д. С. Пациент-центрированная онлайн платформа как сервис цифровой экосистемы медицинской помощи // Врач и информационные технологии. 2020. № S5. – С. 70–75. <https://doi.org/10.37690/1811-0193-2020-5-70-75>

5. Еремеева П. А. Особенности применения цифровых технологий в здравоохранении // Стратегии бизнеса. 2020. Т. 8. № 8. С. 223–227.

6. Есина Е. А., Калабина Е. Г. Разработка концептуальной модели оценки цифровой зрелости региональной системы здравоохранения: кейс Свердловской области // Цифровые модели и решения. 2022. Т 1. № 3.

7. Итинсон К. С. Персональные цифровые помощники в медицинском образовании и системе здравоохранения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 132–134. <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1001-0032>

8. Журавлев М. С. Электронное здравоохранение: становление и развитие // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 235–241.

9. Липатов В. А., Зайцев И. Г., Северинов Д. А. О проблемах внедрения IT-систем в практическое здравоохранение // Бюллетень сибирской медицины. 2018. №17. С. 177–190.
10. Лудупова Е. Ю. Научно-организационные принципы построения территориальной системы управления качеством медицинской деятельности: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2019. 47 с.
11. Муслимов М.И. Цифровое здравоохранение – как фактор революционных преобразований в отрасли // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2018. № 3. С. 63–74.
12. Составлен рейтинг цифровой зрелости регионов в сфере здравоохранения <https://rg.ru/2021/02/18/sostavlen-rejting-cifrovoy-zrelosti-regionov-v-sfere-zdravoohraneniia.html>
13. Тихомирова А. А., Котиков П. Е., Дохов М. А. Цифровое здравоохранение в России: современное состояние, проблемы и направления их решения // Медицина: теория и практика. 2019. Т. 4. № 5. С. 538–539.
14. Федяева О. А. Информатизация системы здравоохранения в России: проблемы и предложения по их решению // Научные записки молодых исследователей. 2019. №5. С. 65–73.
15. Хайрулина И. Г., Белова Н. И. Российский опыт внедрения и реализации политики информатизации в здравоохранении: социологический анализ // Социальные проблемы сквозь призму социологических и маркетинговых исследований: Сборник исследовательских очерков - 2 / Отв. редактор Е.В. Фадеева. Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Ключ-С», 2022. С. 58–108. – EDN LDJVBZ.

References:

1. Astashina E. E., Tomashevskaya K. Yu. (2020) Analysis of the implementation of the federal project on the creation of a single digital circuit in healthcare *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka* [Bulletin of the International Market Institute]. No. 1: 87–94. (In Russ).
2. Belova N. I. (2020) Russian doctors in the era of digital healthcare: Main problems and challenges. *Sociology in the post-global world. Materials of the All-Russian scientific conference*. St. Petersburg. Pp. 351–352. (In Russ).
3. Borisov I. V. (2022) Improving healthcare management based on digital transformation of business processes *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship]. No. 12: 939–942. (In Russ).
4. Guliev Ya. I., Kazakov I. F., Martyushev-Poklad A. V., Pantelev S. N., Yankevich D. S. (2022) Patient-centered online platform as a service in the digital ecosystem of medical care *Vrach i informatsionnyye tekhnologii* [Doctor and Information Technologies]. No. S5: 70–75. <https://doi.org/10.37690/1811-0193-2020-5-70-75>(In Russ).
5. Ereemeeva P. A. (2020) Features of the use of digital technologies in healthcare *Strategii biznesa* [Business Strategies]. Vol. 8. No. 8: 223–227. (In Russ).
6. Esina E. A., Kalabina E. G. (2022) Development of a conceptual model for assessing the digital maturity of the regional healthcare system: the case of the Sverdlovsk region *Tsifrovyye modeli i resheniya* [Digital models and solutions]. Vol. 1. No. 3. (In Russ).
7. Itinson K. S. (2021) Personal digital assistants in medical education and the healthcare system *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. Vol. 10. No. 1 (34): 132–134. <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1001-0032>(In Russ).
8. Zhuravlev M. S. (2016) Electronic healthcare: formation and development *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. No. 2: 235–241. (In Russ).
9. Lipatov V. A., Zaitsev I. G., Severinov D. A. (2018) On the problems of introducing IT systems into practical healthcare *Byulleten' sibirskoy meditsiny* [Bulletin of Siberian

Medicine]. No. 17: 177–190. (In Russ).

10. Ludupova E. Yu. (2019) Scientific and organizational principles of constructing a territorial system for managing the quality of medical activities: abstract. dis. ...Dr. med. Sci. M. 47 p. (In Russ).

11. Muslimov M. I. (2018) Digital healthcare – as a factor of revolutionary changes in the industry *Sovremennyye problemy zdravookhraneniya i meditsinskoj statistiki* [Modern problems of healthcare and medical statistics]. No. 3: 63–74. (In Russ).

12. A rating of the digital maturity of regions in the healthcare sector has been compiled <https://rg.ru/2021/02/18/sostavlen-rejting-cifrovoj-zrelosti-regionov-v-sfere-zdravookhraneniia.html>(In Russ).

13. Tikhomirova A. A., Kotikov P. E., Dokhov M. A. (2019) Digital healthcare in Russia: current state, problems and directions for their solution *Meditsina: teoriya i praktika* [Medicine: theory and practice]. Vol. 4. No. S: 538–539. (In Russ).

14. Fedyaeva O. A. (2019) Informatization of the healthcare system in Russia: problems and proposals for their solution *Nauchnyye zapiski molodykh issledovateley* [Scientific notes of young researchers]. No. 5: 65–73. (In Russ).

15. Khairullina I. G., Belova N. I. (2022) Russian experience in introducing and implementing informatization policy in healthcare: sociological analysis // Social problems through the prism of sociological and marketing research: Collection of research essays - 2 / Responsible. editor E.V. Fadeeva. Moscow: Limited Liability Company Publishing House “Klyuch-S”. Pp. 58–108. – EDN LDJVBZ. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 05.08.2023; принята к публикации 06.08.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 05.08.2023; accepted for publication 06.08.2023.

Информация об авторе

Е. Ю. Башкуева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела региональных экономических исследований, Бурятский научный центр СО РАН

Information about the author

E. Yu. Bashkueva – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, the chair of Regional Economic Studies, the Buryat Scientific Center, SB RAS

Научная статья

УДК 378.1(470)

doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-137-146

Государственная политика Российской Федерации по привлечению иностранных студентов 2008–2021 гг.

Василий Валерьевич Шишков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
shishkov@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие государственной политики России в сфере высшего образования в части привлечения иностранных студентов в период 2008–2021 гг. Актуальность темы обусловливается необходимостью повышения конкурентоспособности отечественной высшей школы и реализации ее экспортного потенциала. Целью статьи выступает анализ государственной политики в сфере высшего образования по увеличению количества иностранцев в качестве важной составляющей интернационализации и экспорта образования. Отдельное внимание уделяется вопросам интернационализации и экспорта образования и формирования новых подходов государственной политики в сфере образования под влиянием данных тенденций. В работе проанализирован ряд документов государственного планирования: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, «майские указы» Президента России 2012 и 2018 гг. Данные документы определили цели и задачи повышения конкурентоспособности российской высшей школы. При этом важное значение, которое придается экспорту образования российским руководством, подчеркивается комплексом проектов и программ, направленных на привлечение иностранцев. В связи с этим исследуется проектный подход в государственном управлении в части наращивания экспорта образования. Рассматриваются проекты «5–100», «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» и «Экспорт образования». На основе проведенного анализа представлены выводы о результативности государственной политики и ее перспективных направлениях в части привлечения иностранных обучающихся.

Ключевые слова: интернационализация образования, экспорт высшего образования, государственная политика в сфере высшего образования, национальный проект «Образование», федеральный проект «Экспорт образования»

Для цитирования: Шишков В. В. Государственная политика Российской Федерации по привлечению иностранных студентов 2008–2021 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 137–146. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-137-146>

State Policy of the Russian Federation on attracting foreign students of 2008–2021

Vasily V. Shishkov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
shishkov@ranepa.ru

Abstract. The article examines development of the state policy of Russia in the field of higher education in terms of attracting foreign students in the period of 2008–

2021. Relevance of the topic is determined by the need to increase competitiveness of the domestic higher school and the realization of its export potential. The purpose of the article is to analyze the state policy in the field of higher education to increase the number of foreigners, as an important component of internationalization and export of education. Special attention is paid to internationalization and export of education and the formation of new approaches to public policy in the field of education under the influence of these trends. The article analyzes a number of state planning documents: the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020, the «May decrees» of the President of Russia of 2012 and 2018. These documents have determined the goals and objectives of improving the competitiveness of the Russian higher education. At the same time, the importance attached to the export of education by the Russian leadership is emphasized by a set of projects and programs aimed at attracting the foreigners. In this regard, project approach in the public administration is being investigated in terms of increasing the export of education. The projects «5-100», «Development of the export potential of the Russian education system» and «Export of education» are considered. Based on the analysis, conclusions on the effectiveness of state policy and its promising directions in terms of attracting foreign students are presented.

Keywords: internationalization of education, export of higher education, state policy in the field of higher education, national project “Education”, federal project “Export of education”

For citation: Shishkov V. V. State Policy of the Russian Federation on attracting foreign students of 2008–2021 // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 137–146. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-137-146>

Введение

В современных условиях повышения взаимозависимости социально-экономических процессов в разных странах и регионах мира интернационализация и экспорт образования стали рассматриваться в качестве существенных составляющих модернизации высшего образования. Данный подход получил широкое распространение в том числе в документах ЮНЕСКО¹.

Во многом привлекательность образования для иностранных студентов (далее – иностранцы) рассматривается в качестве одного из важных показателей конкурентоспособности высшей школы.

Проблема снижения доли России в сфере образовательных услуг в мире была обозначена министром образования А. А. Фурсенко на коллегии Министерства образования и науки (далее – Минобрнауки) «О мерах по развитию и совершенствованию экспорта российских образо-

вательных услуг» 12.11.2008 г. При этом уже тогда отмечалось, что доля иностранцев в контингенте обучающихся в образовательных учреждениях высшего образования (далее – вузы, университеты) снизилась. В советское время в университетах РСФСР обучалось до 7,7% от общего количества иностранцев-студентов в мире. К указанному сроку для российских вузов данная доля составляла 3,2% [Арефьев, 2010]. Такая статистика и ряд других соображений обусловили значительное внимание со стороны государства к изменению подхода к экспорту российского образования.

Следует сказать, что основные мотивы для данных изменений были связаны с тем, что российское высшее образование рассматривалось в качестве перспективной отрасли российской экономики. Другим обстоятельством было то, что обучение иностранцев рассматривалось в качестве средства продвижения значимых

¹ Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры от 9 октября 1998 года // Сборник документов, касающихся международных аспектов высшего образования. СПб., 2000. С. 219–248.

для России социально-экономических и политических инициатив в странах, направляющих своих граждан на обучение в российские университеты.

С этого времени государственная политика в сфере образования претерпела значительные изменения, направленные, в том числе, на включение отечественной высшей школы в процессы интернационализации образования и развитие ее экспортного потенциала. Данные изменения в части привлечения иностранных студентов составляют предмет настоящей статьи. Целью работы выступает анализ государственной политики в сфере высшего образования по наращиванию количества иностранцев, в качестве важной составляющей интернационализации и экспорта образования.

Следует отдельно сказать о хронологических рамках работы. Данные рамки обусловлены тем, что в данный период проблема экспорта образования приобрела особую актуальность для отечественного образования, что нашло отражение в деятельности высших органов государственной власти. Разработка изменений в подходах к привлечению иностранных обучающихся стартовала в 2008 г. На рубеже 2020-х гг. в целом в документах планирования были определены цели и задачи государственной политики по экспорту образования. К этому времени обозначились объективные изменения экономического и политического характера – новые условия, требующие учета в государственной политике по данному направлению.

Интернационализация и экспорт образования

Вопросы организации привлечения иностранных студентов связаны с тенденцией интернационализации в сфере образования и его экспортом. Проанализируем данные понятия и определим их основное содержание.

Под интернационализацией образования понимается объективный характер, имеющий процесс устойчивого взаимодействия и взаимовлияния национально-государственных систем образования, включая высшие школы. Данный процесс развивается на основе общих целей

и принципов и отвечает потребностям мирового сообщества [Дударева, 2010. С. 81–82]. Интернационализация образования проходит в более широком контексте нарастания глобальной взаимозависимости стран и народов, включая мировое разделение труда [Altbach, 2009; Jones, 2012]. При этом вопросы интернационализации образования связаны с комплексом мероприятий, реализуемых на уровне государства, международных организаций и отдельных университетов. Значимое место занимает деятельность по экспорту образования.

Относительно экспорта образования исследователи отмечают неопределенность данного понятия. В целом речь идет о включении иностранных обучающихся в образовательное пространство того или иного государства. При этом значение имеет ряд сопутствующих обстоятельств: повышение международного влияния, прибыль от образовательной деятельности, повышение престижа страны и ее образовательной системы и др. [Миронова, Тимченко, 2020. С. 65–67; Манукян, 2023]. Для Российской Федерации – одного из ведущих государств мира, обладающих передовой системой образования, – имеет значение не только наращивание количества иностранных студентов, но и другие вышеперечисленные факторы, значение каждого из которых необходимо определять в зависимости от актуальных целей и задач политики, социально-экономического и культурного развития общества и государства.

Следует отметить, что на государственном уровне содержание экспорта образования подробно анализируется в Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года, утвержденное распоряжением Правительства России от 14 августа 2019 года №1797-р. В документе данное понятие не ограничено обучением в вузах, подчеркивается, что его содержание имеет комплексный характер.

Представляется возможным указать на два основных обстоятельства, обуславливающих высокое внимание к экспорту образования.

Во-первых, финансовая составляющая. Общие доходы от иностранных

обучающихся достигают, по некоторым оценкам, 200 млрд долл. в год [Николаев, 2022. С. 151]. Для многих образовательных учреждений стран-лидеров по экспорту образования это существенный источник дохода.

Во-вторых, экспорт образования возможно рассматривать в качестве важной составляющей «мягкой силы» – влияния посредством культуры и образования на те или иные страны, включая распространение ценностных установок, мировоззренческих позиций, позитивного отношения к стране-экспортеру образования.

В последние годы все большее значение приобретает еще один аспект экспорта образования: конкуренция за человеческий капитал. Привлечение наиболее подготовленных научных и производственных кадров рассматривается в качестве одного из важных условий экономического развития.

Отметим, что рассмотрение финансовых выгод от иностранных обучающихся для университетов не учитывает издержек от их обучения. Вопросы «мягкой силы» обладают значительной спецификой и их связь с экспортом образования не всегда безусловна. Также не является безусловной гарантией экономического роста поиск его источников за пределами данного общества.

Формирование государственной политики экспорта образования: новые подходы

На основании решений, принятых на Коллегии в 2008 г. Минобрнауки с привлечением Национального фонда подготовки кадров, был подготовлен проект Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг.

Данный документ обсуждался ректорами ведущих отечественных университетов, для его доработки была создана межведомственная рабочая группа. В представленном проекте Концепции основ-

ными приоритетными целями выступали повышение качества образования и рост привлекательности российского образования. Также значительное внимание уделялось повышению доли экспорта образовательных услуг в российском ВВП [Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации, 2010]. Проект предполагал реализацию системы мер, направленных на поддержку трансграничных форматов обучения и непосредственного поступления иностранцев в российские вузы, в том числе создание агентства по продвижению образования за рубежом «EduRussia», изменение нормативных правовых основ приема на обучение иностранцев и создание сетевых образовательных учреждений.

Тем не менее данная Концепция не была принята. Вопросы повышения конкурентоспособности российского образования и его экспорта стали предметом государственных управленческих решений на более высоком уровне.

Вопросы, связанные с повышением конкурентоспособности российского образования в условиях глобальной тенденции интернационализации высшего образования, стали приоритетными для высшего руководства России. В 2008 г. Правительством Российской Федерации была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года², в которой значительное внимание уделялось модернизации отечественного образования, в том числе рассматривались перспективы развития его экспорта.

Цели и задачи повышения конкурентоспособности российской высшей школы были определены Президентом России в одном из «майских указов» 2012 г.

Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 204³ был разработан и начал реализовываться проект, направленный на вхож-

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (в ред. от 28.09.2018 № 1151) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2008. № 47. Ст. 5489.

³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2012. № 19. ст. 2336.

дение российских университетов в первую сотню образовательных учреждений согласно мировому рейтингу. Данный проект, рассчитанный до 2020 г. получил известность как «5-100».

Отметим, что в проекте 5–100 проявили участие ведущие российские университеты, их работа по достижению поставленной цели строилась на основании разработанных дорожных карт. Несмотря на неоднозначные результаты у части российских университетов в данном проекте, следует сказать, что его разработчики и участники получили необходимый опыт работы в сфере повышения конкурентоспособности российских университетов. Дополнительно следует отметить, что в университетах-участниках проекта за период его реализации значительно увеличилась доля иностранных студентов. Так, к 2019 г. каждый пятый иностранный студент обучался в вузе, участвующем в проекте⁴. Данное обстоятельство указывает на взаимосвязанность мероприятий по интернационализации образования и повышению конкурентоспособности высшей школы. Рост конкурентоспособности обуславливает заинтересованность вуза в студентах из-за рубежа и привлекательность образовательного учреждения для иностранных обучающихся.

Перечисленные цели дали старт действиям, направленным на повышение престижа российской высшей школы на мировом рынке образовательных и научных услуг. Тем не менее вскоре российским руководством были поставлены более амбициозные цели по повышению экспорта российского образования.

Следует сказать, что в 2015 г., согласно экспертной оценке Т. А. Клячко и Г. А. Красновой, развитие экспорта российского образования требовало особого внимания со стороны государства. Так, предлагалось разработать и принять го-

сударственную стратегию по данному вопросу, увеличить показатели по доле иностранных обучающихся в мониторинге Минобрнауки и нарастить прием иностранцев посредством квоты Правительства России. Кроме того, с точки зрения авторов, требовалось обеспечить распределение иностранцев из стран, сотрудничество с которыми важно для России, по квоте в ведущие исследовательские университеты по тем направлениям, которые имеют приоритет для российской экономики [Клячко, Краснова, 2015. С. 107]. Следует отметить, что данная позиция экспертов обосновывалась преимущественно экономической целесообразностью. Потенциал российской высшей школы рассматривался в основном с точки зрения повышения доходов от экспорта российского высшего образования.

Решение данных и других задач по повышению экспорта образования требовало новых государственных управленческих решений, реализовывать которые предстояло в рамках проектного подхода.

Государственная политика по привлечению иностранцев в приоритетных проектах

В 2017 г. Президиумом Совета при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам был утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (далее – Проект 2017)⁵. Ключевой целью проекта был обозначен рост несырьевого экспорта за счет увеличения экспорта образования. Данной цели планировалось достичь посредством повышения привлекательности российского образования в мире.

В части приема на обучение иностранцев в Проекте 2017 ставилась цель увеличить число иностранных обучающихся-

⁴ Карелина И.Г. Глобальная конкурентоспособность российских университетов // Научно-практическая конференция «Экспорт российского образования: вызовы и достижения», Москва, РУДН, 19 ноября 2021 г. URL: <http://conf.rudn.ru/conf/vice-rector-2021/confer/karelina.pdf>.

⁵ Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 30.05.2017 № 6). URL: <http://government.ru/projects/selection/653/28013/>.

ся в российских вузах с 220 тыс. чел. до 710 тыс. чел. за 9 лет (к 2025 г.). Объем внебюджетных средств, полученных от экспорта образования, предполагалось увеличить почти в пять раз: от 84,7 млрд руб. до 373 млрд руб.

Следует сказать, что целеполагание Проекта 2017 вызвало вопросы у представителей экспертного сообщества. Так, М. Ю. Махотаева, О. А. Бакуменко и Г. В. Варламов отмечают, что документ в большей степени посвящен зарабатыванию денег и конкуренции, а не обучению соотечественников и иностранцев [Махотаева, Бакуменко, Варламов, 2019. С. 50]. Д. Н. Береснев, В. А. Жалнин и Д. Е. Слизовский указывают на технократический и прагматический подход разработчиков данного проекта [Береснев, Жалнин, Слизовский, 2017. С. 368]. Представляется возможным согласиться с тем, что повышенное внимание уделялось экономическим показателям и формальному подходу, нашедшему выражение в документе. Кроме того, документ не в полной мере соответствовал проектному подходу, представляя собой скорее программу. На данное обстоятельство указывают, например, результаты, которые предполагалось достичь: совершенствование нормативной правовой базы приема на обучение иностранцев и их учебы, «создание комплекса мер по повышению привлекательности образовательных программ», благоприятные условия для обучающихся иностранцев, продвижение бренда российского образования.

Следует отметить, что проектный менеджмент отличает взаимосвязанность мероприятий, направленных на создание уникального продукта или услуги в условиях временных и ресурсных ограничений⁶. Также при проектном менеджменте

необходимо учитывать управление процессами, ресурсы и ограничения⁷. Такие характеристики проектного управления как уникальность, необходимые ресурсы и ограничения не в полной мере отражены в паспорте Проекта 2017.

В 2018 г. Президентом России вновь были определены приоритеты развития российского образования⁸. Обращалось внимание на необходимость повышения конкурентоспособности российского образования, усиления позиций отечественного образования в мире и реализации его экспортного потенциала.

Цели и задачи, определенные Президентом, стали отправной точкой для совершенствования проектного механизма реализации экспортного потенциала российской высшей школы.

24 декабря 2018 г. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам был утвержден федеральный проект «Экспорт образования» национального проекта «Образование»⁹ (далее – «Экспорт образования»). «Экспорт образования» уточнял приоритеты по продвижению российского высшего образования за рубежом.

Так, данный проект предполагает увеличение численности иностранцев до 425 тыс. человек к 31.12.2024 г. Достижению данного показателя призван способствовать ряд мер, предусмотренных проектом: разработка модели студенческих городков, организация летних и зимних школ, совершенствование правил въезда в Россию, проведение информационных кампаний, создание ресурсных центров по популяризации обучения в России и др.

Отдельно следует выделить, что «Экспорт образования» предусматривает

⁶ ГОСТ Р 54869-2011 Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом. URL: <https://www.isopm.ru/download/gost-54869.pdf>.

⁷ ГОСТ Р ИСО 21500-2014 Руководство по проектному управлению. URL: https://www.isopm.ru/download/GOST_R_ISO_21500-2014.pdf.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (в ред. от 21.07.2020 № 474) // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.05.2018. № 20. ст. 2817.

⁹ Паспорт национального проекта «Образование». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm.

формирование программы поддержки и развития экспорта образования по референтным группам стран-партнеров. При этом не менее 5% иностранцев, завершивших обучение по востребованным (дефицитным) направлениям подготовки, должны быть трудоустроены в российские компании.

В целях реализации проекта «Экспорт образования» был упрощен доступ к трудовой деятельности обучающихся-иностранцев, предпринимаются шаги, направленные на либерализацию миграционного законодательства и снижение требований к иностранным поступающим. Кроме того, Правительство Российской Федерации пересмотрело в сторону увеличения ежегодную квоту на образование в Российской Федерации для иностранцев, установленную с 2013 г., с 15 тыс. человек до 18 тыс. человек в 2021, 23 тыс. человек в 2022 и 30 тыс. человек с 2023 г.

Значение, которое придается экспорту образования российским руководством, подчеркивается комплексом проектов и программ, направленных на привлечение иностранцев.

Экспортная ориентированность российского высшего образования, все более обозначаясь в последние годы, подробно рассматривается в Стратегии развития экспорта услуг до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 августа 2019 г. № 1797-р.

Данный документ содержит отдельный раздел, посвященный экспорту образования, в котором представлен анализ современных тенденций в сфере образования и перечислены приоритетные направления и задачи по развитию экспорта образовательных услуг, основанные на проекте «Экспорт образования».

В Стратегии рассматривается три сценария развития экспорта российского образования: инерционный (консервативный), целевой и максимальный

сценарии. Данные сценарии различаются сочетанием благоприятных и неблагоприятных для экспорта образования внешних и внутренних факторов. Следует отметить, что в современных условиях необходимо уделить дополнительное внимание внешним факторам, ограничивающим экспорт отечественного образования.

В развитие национальных проектов в 2021 г. была запущена Стратегическая инициатива Правительства Российской Федерации «Россия – привлекательная для учёбы и работы страна». Данный проект курирует Министерство экономического развития России. Данная инициатива предполагает достижение следующих эффектов: повышение качества миграционного потока, упрощение доступа к госуслугам для иностранцев и улучшение имиджа России в мире. Мероприятия инициативы направлены на наращивание потока иностранцев в Россию для учебы и работы. В частности, предусматривается грантовая поддержка иностранных студентов.

Еще одним направлением привлечения иностранных обучающихся стала Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030». В данной программе, направленной на повышение вклада российской высшей школы в достижение национальных целей, также значительное внимание уделено привлечению иностранцев¹⁰. Так, одним из показателей выступает то, что программы развития университетов должны включать мероприятия, направленные на привлечение иностранцев и содействие трудоустройству в Российской Федерации. Ряд других показателей программы связан с количеством иностранных обучающихся¹¹ [Показатели в программе «Приоритет 2030»].

В результате, как отмечают авторы исследований по проблематике экспорта образования, в последние годы Российской Федерации удалось достичь значимых результатов в экспорте образования.

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (в ред. от 24.03.2023 № 466) // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.05.2021. № 22. ст. 3823.

¹¹ Показатели в программе «Приоритет 2030». URL: https://priority2030.ru/upload/medialibrary/706/77605ilb3kz5y8fprhqul2w0csqm1rm/Pokazateli_v_programme_Prioritet_2030_6_iyulya_16_15_.pdf.

Достижения по данному направлению стали результатом целенаправленной государственной политики реализации крупных проектов в сфере интернационализации образования [Родыгина, Асалиева, Терехина, Логина, 2023. С. 68].

В последние годы политика экспорта образования, в том числе российской высшей школы, приобретает все более комплексный характер. Проекты и программы, принятые в 2017 г., включают ряд мероприятий, направленных на улучшение имиджа отечественного образования в глазах иностранцев и их привлечение на обучение и последующее трудоустройство. Данный подход приносит свои результаты. Численность иностранных студентов в 2020 г. превысила 300 тыс. человек и в настоящее время составляет 351 тыс. человек. В 2022 г. Россия заняла шестое место по количеству иностранных обучающихся, привлекая до 6% студентов обучающихся за рубежом¹² [Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов, 2023]. В значительной степени данные цифры говорят об определенных успехах государственной политики по привлечению иностранцев в российские университеты.

Заключение

Таким образом, рассмотрение трансформации государственной политики экспорта образования, привлечения иностранцев в 2008–2021 гг. позволяет сделать ряд выводов.

Инициатива изменений в вопросе обучения иностранцев в России принадлежит Президенту России и высшим органам исполнительной власти – Правительству Российской Федерации и Министерству образования (позднее – Министерству науки и высшего образования и Министерству просвещения). Со времени постановки проблемы в 2008 г. были предприняты действия по выработке государственной политики и поиску оптимальной формы ее выражения и путей реализации.

Развитие экспорта образования рассматривается руководством России в качестве неотъемлемой части политики, направленной на повышение качества и конкурентоспособности российского образования. Об этом свидетельствует последовательность разрабатываемых концептуальных подходов по данному направлению и их реализация. В течение рассматриваемого периода Правительство Российской Федерации и федеральные органы государственной власти, ответственные за политику в сфере образования подготовили ряд программных документов, призванных расширить привлечение иностранцев в отечественные образовательные учреждения.

Российская высшая школа выступила в качестве ведущего института, призванного реализовать экспортный потенциал России в сфере образования. Большинство программ и проектов развития, их критерии и показатели направлены на увеличение количества иностранцев в стенах российских университетов.

Следует сказать, что принятию и реализации рассмотренных в статье проектов предшествовала многолетняя экспертная работа, связанная с изучением опыта ведущих зарубежных стран, лидирующих по количеству обучающихся из-за рубежа, а также отдельных университетов. Также необходимо отметить, что в экспертных оценках преобладали количественные оценки иностранных обучающихся. Кроме того, значительное внимание уделялось экономическому обоснованию экспорта образования. Такой подход в значительной степени получил выражение в рассмотренных государственных документах.

В современных условиях представляется возможным говорить о необходимости развития государственной политики по рассматриваемому вопросу. Во-первых, нуждаются в совершенствовании механизмы повышения качества иностранных, поступающих на обучение в отечественные университеты. В связи

¹² Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов // *Ведомости*. – 13.03.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/13/966139-rossiya-zanyala-6-e-mesto-po-chislu-inostrannih-studentov>.

с этим существенное значение приобретает дифференциация подходов к поступающим. Во-вторых, особого внимания требует проблема соотечественников за рубежом, желающих обучаться в России.

Дальнейшее совершенствование привлечения данной категории поступающих может рассматриваться в качестве одного из основных направлений развития экспорта образования.

Список источников:

1. Арефьев А. Л. Экспорт российского образования: основные показатели и тенденции // Высшее образование в России. 2010. № 1. С. 125–141.
2. Береснев Д. Н., Жалнин В. А., Слизовский Д. Е. Политика Российской Федерации по повышению экспортного потенциала системы образования: риски и возможности старта // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. № 4. С. 336–378.
3. Дударева Н. А. Интернационализация российской системы высшего образования: экспорт образовательных услуг (по материалам Всероссийского совещания проректоров по международной деятельности, Москва 2009) // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2010. № 1. С. 81–84.
4. Клячко Т. А., Краснова Г. А. Экспорт высшего образования: состояние и перспективы в мире и России // Экономика науки. 2015. Т. 1. № 2. С. 102–108.
5. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. // Вестник международных организаций. 2010. № 1 (27). С. 96–106.
6. Манукян А. Р. Экспорт образования как фактор экономического роста страны // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2. С. 106–110.
7. Махотаева М. Ю., Бакуменко О. А., Варламов Г. В. Экспорт образовательных услуг vs интернационализация университета: монография / М.Ю. Махотаева [и др.]. Псков: Псковский государственный университет, 2019. 212 с.
8. Миронова С. В., Тимченко Н. С. Экспорт высшего образования в России: обзор теоретических подходов и практических решений // Социодинамика. 2020. № 11. С. 65–80.
9. Николаев В. К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 2. С. 149–166.
10. Родыгина Н. Ю., Асалиева А. А., Терехина И. С., Логина М. В. Факторы роста экспорта образовательных услуг в современных условиях // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 2. С. 62–72.
11. Altbach P., Reisberg L., Rumbley L. Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution: A Report Prepared for the UNESCO 2009 World Conference on Higher Education. France: UNESCO, 2009. 246 p.
12. Jones E., De Wit H. Globalization of internationalization: Thematic and regional reflections on a traditional concept // AUDEM: The International Journal of Higher Education and Democracy. 2012. № 3: 35–54.

References:

1. Arefyev A. L. (2010) Export of Russian education: main indicators and trends *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. No. 1: 125–141. (In Russ.)
2. Beresnev D. N., Zhalnin V. A., Slizovsky D. E. (2017) The policy of the Russian Federation to increase the export potential of the education system: risks and opportunities to start *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the RUDN. Series: Political Science]. No. 4: 336–378. (In Russ.)
3. Dudareva N. A. (2010) Internationalization of the Russian higher education system: export of educational services (based on the materials of the All-Russian Meeting of Vice-Rectors for International Affairs, Moscow 2009) *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta* [Bulletin of the Ivanovo State Power Engineering Univer-

sity]. No. 1. pp. 81-84. (In Russ.)

4. Klyachko T. L., Krasnova G. A. (2015) Export of higher education: the state and prospects in the world and Russia *Ekonomika nauki* [Economics of science]. Vol. 1. No. 2: 102–108. (In Russ.)

5. The concept of export of educational services of the Russian Federation for the period 2011–2020 (2010) *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [Bulletin of International Organizations]. No. 1 (27): 96–106. (In Russ.)

6. Manukyan A. R. (2023) Export of education as a factor of economic growth of the country *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. No. 2: 106–110. (In Russ.)

7. Makhotaeva M. Yu., Bakumenko O. A., Varlamov G. V. (2019) Export of educational services against internationalization of the university: monograph / M.Yu. Makhotaeva [et al.]. Pskov: Pskov State University, 212 p. (In Russ.)

8. Mironova S. V. Timchenko N. S. (2020) Export of higher education in Russia: review of theoretical approaches and practical solutions *Sociodinamika* [Sociodynamics]. No. 11: 65–80. (In Russ.)

9. Nikolaev V. K. (2022) Export of education in Russian universities in a new reality *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. Vol. 31. No. 2: 149–166. (In Russ.)

10. Rodygina N. Yu., Asalieva A. A., Terekhina I. S., Logina M. V. (2023) Factors of growth in the export of educational services in modern conditions *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin]. No. 2: 62–72. (In Russ.)

11. Altbach P. Reisberg L., Rumbley L. (2009) Trends in World Higher education: Tracking the Academic Revolution: A report prepared for the UNESCO World Conference on Higher Education 2009. France: UNESCO, 246 p.

12. Jones E., De Wit H. (2012) Globalization of internationalization: thematic and regional reflections on the traditional concept // *AUDEM: International Journal of Higher Education and Democracy*. No. 3: 35–54.

Статья поступила в редакцию 31.08.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 12.09.2023.

The article was submitted 31.08.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 12.09.2023.

Информация об авторе

В. В. Шишков – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и естественно-научных дисциплин Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.

Information about the author

V. V. Shishkov – Candidate of Political Sciences, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Institute of Law and National Security.

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

Научная статья

УДК 338.1(51)

doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-147-155

Модели кооперации в Восточной Азии на примере Японии

Иван Анатольевич Суханов

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, Хабаровск, Россия

ivan.a.sukhanov@gmail.com

Аннотация. Ограничения системы Всемирной торговой организации (ВТО) подтолкнули страны к интенсификации независимой кооперационной повестки через развитие двусторонних отношений вне рамок ВТО. В международном экономическом пространстве с точки зрения географической привязки можно выделить три базовых торговых блока: Европейский блок, Североамериканский блок и Восточноазиатский блок, каждый из которых имеет свой путь формирования кооперационных связей. В Восточной Азии ведущие роли в активизации кооперационных связей занимает Большая тройка Северо-Восточной Азии (Республика Корея, Япония и Китай) и Сингапур. Вместе с тем Япония была одним из первых государств в регионе, которое в основе своей кооперационной политики применяло несколько моделей, которые стали шаблоном для других стран Восточной Азии. Так, Республика Корея с 2003 г. реализует стратегию по развитию преференциальных торговых соглашений и использует кооперационные модели, апробированные Японией. К основным моделям относятся: модель «Север-Юг», парадигма «летающих гусей», модель «ядро-периферия» и модель «ось и спицы» («hub-and-spokes model»). Важно отметить, что все модели не функционируют разрозненно, а формируют интеграционную архитектуру стран с учетом задач и специфики кооперационных связей. Вместе с тем в указанных кооперационных формах инициатором выступает корпоративный сектор: например, кейрецу в Японии и чеболи в Республике Корея. Потребности бизнеса транслируются на государственный/межгосударственный уровень и могут выступать триггером для создания региональных торговых соглашений, которые позволяют формировать вертикальные и горизонтальные связи, определяющие устойчивость внешнеэкономической конструкции.

Ключевые слова: соглашения о свободной торговле, региональные торговые соглашения, Северо-Восточная Азия, Япония, Республика Корея, кооперационные модели, парадигма «летающих гусей», модель «ядро-периферия», модель «ось и спицы», модель «Север-Юг»

Для цитирования: Суханов И. А. Модели кооперации в Восточной Азии на примере Японии // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 147–155. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-147-155>

Cooperation models in the Eastern Asia (on the example of Japan)

Ivan A. Sukhanov

The the Economic Research Institute, the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia

ivan.a.sukhanov@gmail.com

Abstract. *Limitations of the World Trade Organization system have pushed countries to intensify an independent cooperation agenda through development of bilateral relations outside the WTO. In the international economic space, from the geographical point of view, three basic trade blocs can be identified: the European bloc, the North American bloc and the East Asian bloc, with each having its own way of creating cooperation ties. In East Asia, the Big Three of Northeast Asia (the Republic of Korea, Japan and China) as well as Singapore play leading roles in intensification of cooperative ties. At the same time, Japan was one of the first states in the region that based its cooperation policy on several models that became a template for other East Asian countries. Thus, since 2003 the Republic of Korea has been implementing an FTA strategy and has been applying models of cooperation tested by Japan. Major models include: the «North-South» model, the «Flying Geese» paradigm, the «Core-Periphery» model and the «Hub-and-Spokes» model. It is important to note that models do not function separately, but form integration architecture for the countries, based on the objectives and specifics of cooperative ties. At the same time, the initiator in these forms of cooperation is the corporate sector: for example, keiretsu in Japan and chaebols in the Republic of Korea. Business needs are carried to the state/interstate level and can act as a trigger for establishment of regional trade agreements that allow create vertical and horizontal links determining stability of the international economic structure.*

Keywords: *free trade agreements, regional trade agreements, the Northeast Asia, Japan, Republic of Korea, cooperation models, «Flying Geese» paradigm, «Core-Periphery» model, «Hub and Spokes» model, «North-South» model*

For citation: Sukhanov I. A. Cooperation models in the Eastern Asia (on the example of Japan) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 147–155. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-147-155>

Введение

Ограничения системы Всемирной торговой организации (далее – ВТО) подтолкнули страны к интенсификации независимой кооперационной повестки через развитие двусторонних отношений вне рамок ВТО. К причинам такого стремления можно отнести слабую эффективность механизмов разрешения торговых споров, высокую бюрократизацию системы [Suh Jin Kyu et al, 2018] и значительное влияние принадлежности к тем или иным политическим блокам.

В международном экономическом пространстве с точки зрения географической привязки можно выделить три базовых торговых блока: Европейский, Североамериканский и Восточноазиатский, каждый из которых имеет свой путь формирования кооперационных связей. Так, распространение региональных торговых соглашений в Восточной Азии является относительно новым трендом и имеет свою региональную специфику. Показатели интеграционной активности стран Северо- и Юго-Восточной Азии представлены в

таблице 1.

Ведущие роли в создании преференциальных торговых соглашений занимает Большая тройка Северо-Восточной Азии (Республика Корея, Япония и Китай) и Сингапур. При этом государства-члены АСЕАН вступают в интеграционные соглашения как в рамках экономического блока, так и по отдельности, что позволяет им прорабатывать и реализовывать индивидуальные решения с учетом собственных интересов. Помимо этого, продолжают интеграционные процессы на субрегиональном уровне в форматах АСЕАН +1 и АСЕАН +3.

Вместе с тем Япония была одним из первых государств в Восточной Азии, экономический рост которого стал функцией от реализации ее экспортного потенциала, что позволило стране доминировать на региональной экономической арене. Как результат, кооперационная политика Японии стала «шаблоном» для других стран субрегиона и поэтому на ее примере можно проследить эволюцию кооперационных процессов и действующих моделей в Восточной Азии.

Таблица 1

Действующие соглашения о свободной торговле в Восточной Азии¹

№ пп	Страна / Региональная межправительственная организация	Количество соглашений о свободной торговле
1	Республика Корея	21
2	Сингапур	20
3	Япония	18
4	Китай	16
5	Малайзия	9
6	Вьетнам	8
7	Таиланд	7
8	Индонезия	6
9	Бруней-Даруссалам	4
10	Филиппины	3
11	Лаос	3
12	Мьянма	1
13	Монголия	1
14	Камбоджа	1
15	АСЕАН	6

Источник: составлено автором по данным сайта Всемирной торговой организации. URL: <http://rtais.wto.org>; сайта Региональных торговых соглашений Республики Корея. URL: <https://www.fta.go.kr/main/situation/kfta/ov/> (дата обращения: 10.05.2023).

Япония прошла сложный путь формирования собственной кооперационной системы. Еще начиная с Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) японский экспорт дополнительно регулировался специальными межстрановыми соглашениями типа Orderly Marketing Agreements [Klose, 1978], Voluntary Restraint Agreements², Voluntary Export Restraints [Feenstra, 1984], которые применялись в первую очередь к текстильной продукции, продукции сталелитейного комплекса, автомобильной промышленности из Японии и часто выполняли дискриминирующую функцию³.

Вступление Японии в ВТО в 1995 г. предоставило для Японии дополнительные возможности, так как Всемирная торговая организация стала площадкой для обсуждения, решения споров и про-

движения торговых интересов. Например, в 2003 г. по решению ВТО была отменена «поправка Берда», которая оказывала прямое влияние на экспорт сталелитейной продукции Японии [Подоба, Горшков, 2015]. Однако затяжной кризис в функционировании ВТО не предоставлял полноценных возможностей для развития свободной торговли в рамках данной платформы.

Кроме этого, экономическое развитие государств во многом зависит от их торговой политики, обеспечивающей развитие не только экспорта, но и высококачественного импорта («импорт для экспорта»), что предполагает активное участие в международном разделении труда [Хейфец, Чернова, 2020]. Мировой опыт показывает, что участие стран в международном разделении труда оказывает

¹ В список преференциальных соглашений не включены Протокол о торговых переговорах (PTN) и Глобальная система торговых преференций между развивающимися странами (GSTP).

² *Economic and Foreign Policy Effects of Voluntary Restraint Agreements On Textile and Steel. Report. The Controller General of the United States. March 21, 1974.* URL: <https://www.gao.gov/assets/b-179342.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

³ *Noland M. Japan and the International Economics Institutions. Washington: Peterson Institute For International Economics, July, 6, 2000.* URL: <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/japan-and-international-economic-institutions> (дата обращения: 27.02.2023).

благоприятное воздействие на экономику⁴, где торговля между странами выступает связующим звеном в кооперационных процессах. Потому в своей внешнеэкономической политике современная Япония взяла курс на реализацию стратегии региональной кооперации и пролиферации торговых соглашений [Стрельцов, 2019].

Модели кооперационной политики Японии

В основе кооперационной политики Японии используются несколько моделей, которые калькировались другими странами Восточной Азии, в первую очередь Республикой Корея, которая с 2003 г. реализует стратегию по развитию преференциальных торговых соглашений [Kim Heung-jong, 2021].

Первым примером является кооперационная модель «Север-Юг», где «северной» выступала экономически развитая Япония, а «южными» – развивающиеся страны [Manki, 2018]. В такой модели (Север-Юг) создаются возможности для экономического роста стран-участниц, при этом такое соглашение предлагает дополнительные возможности для южной страны: экономика выигрывает как от упрощенного доступа к северному рынку, так и от низкой стоимости промежуточных товаров. В этой модели, имеющей только один северный рынок или поставщика, участвующая южная страна находится в лучшем положении в рамках соглашения о региональной интеграции Север-Юг, чем в условиях режима наиболее благоприятствования ВТО. Обе страны-участницы обеспечивают равный доступ к рынку и дешевые промежуточные продукты, но в соответствии с соглашением о региональной интеграции конкуренция меньше, поскольку другая южная страна, не входящая в новое объединение, не получит ника-

ких преимуществ [Schiff, Winters, 2003]. Примером такой модели может служить соглашение о зоне свободной торговли между Японией и Чили, вступившее в силу в 2007 г.,⁵ и Республикой Корея и Республикой Перу, вступившее в силу в 2011 году⁶.

Взаимоотношения экономических агентов и кооперационные связи, сформированные в рамках данных отношений, не всегда вписываются в «классические» интеграционные подходы. По мере усиления роли транснациональных корпораций (далее – ТНК) стал возникать иной вид интеграционных процессов – модель частнокорпоративной интеграции [Аникин, 2011]. В этом случае ТНК способствуют так называемой «интеграции снизу», т. е. интеграции, в которой инициатива идет от микроакторов (обычно также существует параллельный процесс интеграции сверху, т. е. через политику правительств государств-членов) [Jetto-Gillies, 2011]. Поэтому второй моделью, которая является модификацией первой и ее логичным развитием, стала модель «летающих гусей».

Парадигма «летающих гусей» была популяризирована Канамаэ Акамацу в 60-е гг. прошлого века. В соответствии с данной теорией существуют три фазы развития отрасли: продукция поступает в экономику через импорт; для удовлетворения растущего национального спроса открываются новые местные производства; излишки продукции экспортируются [Akamatsu, 1962]. Далее теория была дообработана Терутомо Озава и Кийоши Коджима, которые продемонстрировали, что через инвестиции ТНК активизировался экономический прогресс в развивающихся странах за счет появления смежных отечественных отраслей [Кузнецов, 2016]. Таким образом достигался эффективный интерактивный рост за счет объединения

⁴ CManjika J., Bughin J., Lund S., Nottebohm O., Poulter D., Jauch S., Ramaswamy S. *Global flows in a digital age: How trade, finance, people, and data connect the world economy* // McKinsey Global Institute URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/global-flows-in-a-digital-age#> (дата обращения: 15.04.2023).

⁵ Текст соглашения ЗСТ: Япония-Чили. *Regional Trade Agreements Database. WTO.* URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicShowMemberRTAIDCard.aspx?rtaid=3> (дата обращения: 28.02.2023).

⁶ Текст Соглашения о свободной торговле между Республикой Корея и Республикой Перу. URL: https://findrulesoforigin.org/documents/pdf/itc00465_full.pdf (дата обращения: 09.03.2023).

в региональные иерархии через интеграционные механизмы, в основе которых находились «ориентированные на торговлю прямые иностранные инвестиции» [Ozawa, 2005]. Новая модель корпоративной интеграции основана на международном разделении труда через торговые и инвестиционные отношения внутри ТНК. Ключом к успеху реализации данной модели стала интеграционная политика государства по инициативе крупных корпораций. В примере с Японией данным инициатором стали набирающие силу японские конгломераты кейрецу [Baldwin, Okubo, 2012], которые выстраивали свои производственные цепочки в разных локациях, благодаря условиям новых преференциальных соглашений. Примером такого соглашения может стать зона свободной торговли (далее – ЗСТ) между Японией и АСЕАН⁷. Данная модель также применяется Южной Кореей, когда чеболи стали размещать свои производства в странах Восточной Азии в том числе на платформе соглашений о свободной торговле (далее – ССТ), например, между Республикой Корея и АСЕАН⁸.

Одной из модификаций парадигмы «летающих гусей», применяемой в Восточной Азии, является модель «ядро-периферия». В основе данной модели лежит вертикальная специализация [Antràs, Yeaple, 2014] в рамках цепочек создания стоимости одного корпоративного ядра с использованием импортного сырья или промежуточных товаров из развивающихся стран (или стран с доминирующей ресурсной составляющей в экспорте) для производства конечных товаров. В данном случае интеграционные процессы также прохо-

дят на уровне ТНК, нацеленные на экономию на масштабе за счет оптимального использования преобладающих факторов производства в разных странах, снижения трансакционных издержек внутри корпораций и снижения торговых издержек [Fujita, Thisse, 2006]. При этом данная модель может представлять собой глобальный (региональный) кластер с общим разделением труда, где ключевую роль играет не только торговая, но и инвестиционная компонента корпоративной интеграции [Либман, 2011]. Примером такой модели может стать соглашение о ЗСТ между Японией и Австралией⁹, а также Республикой Корея и Австралией¹⁰.

Еще одной интеграционной моделью является модель «ось и спицы» («hub-and-spokes model»), когда одна («страна-ось») из двух стран соглашения о ЗСТ входит в интеграционную группировку со страной, в которую страна-партнер не входит («страна-спица») [Chong, Nurg, 2008]. Данная модель также активно применяется в рамках частнокорпоративной интеграции и позволяет компаниям расширить свое присутствие в странах, с которыми не заключены преференциальные торговые соглашения [Wonnacott, 2011]. Примером данной модели может быть соглашение о зоне свободной торговли между Японией и Мексикой¹¹ для доступа на рынок США в рамках НАФТА или ССТ между Южной Кореей и Вьетнамом¹² для доступа на рынок Российской Федерации в рамках соглашения между ЕАЭС и Вьетнамом.

Заключение

Важно отметить, что все кооперационные модели в Восточной Азии на при-

⁷ Текст соглашения ЗСТ: Япония-АСЕАН. *Regional Trade Agreements Database*. WTO. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicShowMemberRTAIDCard.aspx?rtaid=176> (дата обращения: 28.02.2023).

⁸ Текст Соглашения о свободной торговле между Государствами АСЕАН и Республикой Корея. URL: https://findrulesoforigin.org/documents/pdf/itc00096_full.pdf (дата обращения: 09.03.2023).

⁹ Текст соглашения ЗСТ: Япония-Австралия. *Regional Trade Agreements Database*. WTO. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicShowMemberRTAIDCard.aspx?rtaid=175> (дата обращения: 28.02.2023).

¹⁰ Текст Соглашения о свободной торговле между Правительством Республики Корея и Правительством Австралии. URL: https://findrulesoforigin.org/documents/pdf/itc00213_full.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

¹¹ Текст соглашения ЗСТ: Япония-Мексика. *Regional Trade Agreements Database*. WTO. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicShowMemberRTAIDCard.aspx?rtaid=38> (дата обращения: 28.02.2023).

¹² Текст Соглашения о свободной торговле между Правительством Республики Корея и Правительством Социалистической Республики Вьетнам. URL: https://findrulesoforigin.org/documents/pdf/itc00754_full.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

Таблица 2

Кооперационные модели в Восточной Азии на примере Японии

№	Модель	Описание	Примеры
1	Модель «Север-Юг»	Создание интеграционных группировок между развитой и развивающейся страной	Зона свободной торговли между Японией и Чили
2	Парадигма «летающих гусей»	В основе лежит международное разделение труда через торговые и инвестиционные отношения внутри ТНК	Зона свободной торговли между Япония-АСЕАН
3	Модель «ядро-периферия»	Экономия на масштабе за счет оптимального использования преобладающих факторов производства в разных странах	Зона свободной торговли между Японией и Австралией
4	Модель «ось и спицы»	Применяется в рамках частно-корпоративной интеграции с целью расширения присутствия в странах, с которыми не заключены преференциальные торговые соглашения	Зона свободной торговли между Японией и Вьетнамом

Источник: составлено автором по: Manki, 2018; Исаченко, 2016; Akamatsu, 1962; Ozawa, 2005; Antràs, Yeaple, 2014; Chong, Hur, 2008.

мере Японии (табл. 2) не функционируют разрозненно, а формируют интеграционную архитектуру стран с учетом задач и специфики кооперационных связей. Вместе с тем в данных кооперационных формах инициатором выступает корпоративный сектор: например, кейрецу в Японии и чеболи в Республике Корея. Потребности бизнеса транслируются на государственный/межгосударственный уровень и могут выступать триггером для создания региональных торговых

соглашений, которые позволяют формировать вертикальные и горизонтальные связи, определяющие прочность внешнеэкономической конструкции.

При этом кооперационная политика Японии выполняет роль «шаблона» для интеграционной стратегии Южной Кореи, в рамках которой также применяются такие кооперационные модели, как модель «Север-Юг», парадигма «летающих гусей», модель «ядро-периферия» и модель «ось и спицы».

Список источников:

1. Аникин В. И. Актуальные стратегии диверсификации деятельности международных корпораций (роль и место в современной мировой экономике) // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 31. С. 2.
2. Исаченко Т. М. Реформа ВТО: предпосылки, условия, перспективы. // Вестник МГИМО. 2016. № 3 (48). С. 239–248.
3. Кузнецов А. В. Особенности анализа географии зарубежных инвестиций транснациональных корпораций // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 3. С. 30–44. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-2>
4. Либман А. М., Хейфец Б. А. Модели региональной интеграции. М.: Издательство: Экономика, 2011. С. 333.
5. Подоба З., Горшков В. Специальная тарифная система Японии: практика применения, Мировая экономика и международные отношения. № 5. С.81–91, 2015. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-5-81-91>

6. Стрельцов Д., Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода, *Мировая экономика и международные отношения*, том 63, № 9, 2019. С.38–49. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49>
7. Хейфец Б. А., Чернова В. Ю., Роль России в развитии интеграционных процессов на развивающихся рынках // *Экономика региона*. 2020. Т. 16, вып. 2 (2020). С. 625–636.
8. Akamatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // *Journal of Developing Economies*. 1962. Issue 1. Pp. 3–25. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x>
9. Antràs P., Yeaple S.R. Multinational Firms and the Structure of International Trade // *Handbook of International Economics*. Volume 4 / Ed. By G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. North Holland, 2014. Pp. 55–130. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-54314-1.00002-1>
10. Baldwin R., Okubo T. Networked FDI: Sales and Sourcing Patterns of Japanese Foreign Affiliates / NBER. Working Paper No. 18083. 2012. P. 34. <https://doi.org/10.3386/w18083>
11. Chong S. Y., Hur J. Small Hubs, Large Spokes and Overlapping Free Trade Agreements. // *The World Economy*. Volume 31, Issue 12, 2008. Pp. 1625–1665. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2008.01118.x>
12. Feenstra R.C. Voluntary Export Restraint in U.S. Autos, 1980-81: Quality, Employment, and Welfare Effects. *The Structure and Evolution of Recent U.S. Trade Policy*. University of Chicago Press. 1984. Pp. 35–66.
13. Fujita M., Thijsse J.-F. Globalization and the Evolution of the Supply Chain: Who Gains and Who Loses? // *International Economic Review*. 2006. Vol. 47. Issue 3. Pp. 811–836. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2354.2006.00397.x>
14. Ietto-Gillies G. The integration and fragmentation roles of transnational companies // *International Handbook on the Economics of Integration*, Volume III. 2011. P. 66. <https://doi.org/10.4337/9781849806152.00014>
15. Kent Troutman (PIIE), Will Japan Bet the Farm on Agricultural Protectionism, Peterson Institute for International Economics, October, 21, 2014.
16. Kim Heung-jong. 20 Years of FTAs in Korea with KIEP // KIEP. Publisher International, 2021. P. 125.
17. Klose R.C. The Orderly Marketing Agreement with Japan: Implications for U.S. Trade Policy, 3 N.C. J. INT'L L. 246 (1978). P. 247.
18. Kojima K. A Macroeconomic Approach to Foreign Direct Investment // *Hitotsubashi Journal of Economics*. 1973. Vol. 14. Issue 1. Pp. 1–21.
19. Kojima K. The Flying Geese Model of Asian Economic Development: Origin, Theoretical Extensions, and Regional Policy Implications // *Journal of Asian Economics*. 2000. Issue 11. Pp. 375–401. [https://doi.org/10.1016/S1049-0078\(00\)00067-1](https://doi.org/10.1016/S1049-0078(00)00067-1)
20. Ozawa T. Institutions, Industrial Upgrading, and Economic Performance in Japan: The “Flying-Geese” Paradigm of Catch-Up Growth, Cheltenham, Glos. U.K.: Edward Elgar. 2005. Pp. 52-58. <https://doi.org/10.4337/9781845425678.00010>
21. Schiff M., Winters A. *Regional Integration and Development*. DC: World Bank and Oxford University Press. 2003. P.139. <https://doi.org/10.1596/0-8213-5078-1>
22. Suh Jin Kyo, Kim Jong Duk, Park Ji Hyun, Kim Min-Sung, Ahn Dukgeun, Reform of the WTO System and the Direction of Korea's Multilateral Trade Policy (Reshaping the Multilateral Trade Policy for Korea) // KIEP Research Paper. Policy Analyses 18-20, 2018. P. 1.
23. Wonnacott R.J. Preferential liberalization in a hub- and-spoke configuration versus a free trade area. // *International Handbook on the Economics of Integration*, Volume I. 2011. P. 150. <https://doi.org/10.4337/9781849805995.00016>

References:

1. Anikin V. I. (2012) Current strategies for diversifying the activities of international corporations (role and place in the modern world economy) *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic newsletter]. No. 31: 2. (In Russ.)
2. Isachenko T. M. (2016) WTO reform: prerequisites, conditions, prospects *Vestnik MGIMO* [Bulletin of MGIMO]. No. 3 (48): 239–248. (In Russ.)
3. Kuznetsov A. V. (2016) Features of the analysis of the geography of foreign investments of transnational corporations *Baltiyskiy region* [Baltic region]. Vol. 8. No. 3: 30–44. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-2> (In Russ.)
4. Libman A. M., Kheifets B. A. (2011) Models of regional integration. M.: Publishing house: Economics. P. 333. (In Russ.)
5. Podoba Z., Gorshkov V. (2015) Special tariff system of Japan: practice of application *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No. 5: 81–91. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-5-81-91> (In Russ.)
6. Streltsov D. (2019) Japanese regionalism of the era of Shinzo Abe through the prism of the value approach *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 63. No. 9: 38–49. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49> (In Russ.)
7. Kheifets B. A., Chernova V. Yu. (2020) The role of Russia in the development of integration processes in developing markets *Ekonomika regiona* [Regional Economics]. Vol. 16, issue. 2 (2020): 625–636. (In Russ.)
8. Akamatsu K. (1962) A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries *Zhurnal razvivayushchikhsya ekonomik* [Journal of Developing Economies]. Issue 1: 3–25. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x>
9. Antràs P., Yeaple S. R. (2014) Multinational Firms and the Structure of International Trade *Spravochnik po mezhdunarodnoy ekonomike* [Handbook of International Economics]. Vol. 4: 55–130. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-54314-1.00002-1>
10. Baldwin R., Okubo T. (2012) Networked FDI: Sales and Sourcing Patterns of Japanese Foreign Affiliates / NBER. Working Paper No. 18083: 34. <https://doi.org/10.3386/w18083>
11. Chong S. Y., Hur J. (2008) Small Hubs, Large Spokes and Overlapping Free Trade Agreements *Mirovaya ekonomika* [The World Economy. Volume 31, Issue 12: 1625–1665]. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2008.01118.x>
12. Feenstra R. C. (1984) Voluntary Export Restraint in U.S. Autos, 1980-81: Quality, Employment, and Welfare Effects. The Structure and Evolution of Recent U.S. Trade Policy. University of Chicago Press. Pp. 35–66.
13. Fujita M., Thisse J.-F. (2006) Globalization and the Evolution of the Supply Chain: Who Gains and Who Loses? *Mezhdunarodnoye ekonomicheskoye obozreniye* [International Economic Review]. Vol. 47. Issue 3: 811–836. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2354.2006.00397.x>
14. Ietto-Gillies G. (2011) The integration and fragmentation roles of transnational companies *Mezhdunarodnyy spravochnik po ekonomike integratsii* [International Handbook on the Economics of Integration], Volume III: 66. <https://doi.org/10.4337/9781849806152.00014>
15. Kent Troutman (PIIE), Will Japan Bet the Farm on Agricultural Protectionism, Peterson Institute for International Economics, October, 21, 2014.
16. Kim Heung-jong. (2021) 20 Years of FTAs in Korea with KIEP *KIEP. Izdatel'stvo International* [KIEP. Publisher International]. P. 125.
17. Klose R. C. (1978) The Orderly Marketing Agreement with Japan: Implications for U.S. Trade Policy, 3 N.C. J. INT'L L. 246. P. 247.
18. Kojima K. (1973) A Macroeconomic Approach to Foreign Direct Investment *Hitotsubashi Journal of Economics* [Hitotsubashi Journal of Economics]. Vol. 14. Issue 1: 1–21.
19. Kojima K. (2000) The Flying Geese Model of Asian Economic Development: Origin, Theoretical Extensions, and Regional Policy Implications *Zhurnal aziatskoy ekonomiki* [Journal of Asian Economics]. Issue 11: 375–401. [https://doi.org/10.1016/S1049-0078-\(00\)00067-1](https://doi.org/10.1016/S1049-0078-(00)00067-1)

-
20. Ozawa T. (2005) Institutions, Industrial Upgrading, and Economic Performance in Japan: The “Flying-Geese” Paradigm of Catch-Up Growth, Cheltenham, Glos. U.K.: Edward Elgar: 52–58. <https://doi.org/10.4337/9781845425678.00010>
21. Schiff M., Winters A. (2003) Regional Integration and Development. DC: World Bank and Oxford University Press. P.139. <https://doi.org/10.1596/0-8213-5078-1>
22. Suh Jin Kyo, Kim Jong Duk, Park Ji Hyun, Kim Min-Sung, Ahn Dukgeun (2018) Reform of the WTO System and the Direction of Korea’s Multilateral Trade Policy (Reshaping the Multilateral Trade Policy for Korea) // [KIEP Research Paper. Policy Analyses]. No. 18-20: 1.
23. Wonnacott R. J. (2011) Preferential liberalization in a hub- and-spoke configuration versus a free trade area *Mezhdunarodnyy spravochnik po ekonomike integratsii* [International Handbook on the Economics of Integration]. Vol. I: 150. <https://doi.org/10.4337/9781849805995.00016>

Статья поступила в редакцию 12.07.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 12.07.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 12.08.2023.

Информация об авторе

И. А. Суханов – аспирант, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

I. A. Sukhanov – postgraduate student, the Economic Research Institute FEB RAS.

Научная статья

УДК 338.054.23

doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-156-163

Внедрение новых технологий в процесс хранения нефтепродуктов – объективная необходимость экономической эффективности их использования и охраны окружающей среды

Сергей Андреевич Фраймович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

sfraymovich-21@edu.ranepa.ru

Аннотация. В статье представлен авторский подход решения проблемы повышения экономической эффективности и экологической безопасности хранения нефтепродуктов на нефтехранилищах Дальнего Востока. По мнению автора, в настоящее время проблемам ресурсосбережения, эффективности вторичного использования и утилизации продуктов при их хранении уделяется недостаточное внимание. В статье представлены авторские взгляды, теоретические подходы и практические меры внедрения современных технологий в этой области на примере внедрения рекуперации паров нефтепродуктов на двух специализированных нефтебазах Дальнего Востока России. Авторской новизной служит предложение по повышению эффективности процесса сокращения потерь, образующихся в процессе перевалки и хранения дизельного топлива, занимающего ведущую роль в топливном балансе моторного топлива потребителей, расположенных на значительном расстоянии от заводов-производителей. Внедрение специализированных установок по рекуперации паров нефтепродуктов в значительной степени повысит не только экономическую эффективность их использования, но и в значительной степени снизит экологическую нагрузку на окружающую среду. Результаты исследований современных способов по сокращению потерь нефтепродуктов на примере внедрения установок по рекуперации паров топлива в производственный процесс нефтебаз могут быть применены при разработке и реализации планов по строительству новых и модернизации существующих нефтебаз не только на территории Дальнего Востока, но и на всей территории Российской Федерации.

Ключевые слова: ресурсосбережение, рекуперация, охрана окружающей среды, нефтепродукты, экологический менеджмент

Для цитирования: Фраймович С. А. Внедрение новых технологий в процесс хранения нефтепродуктов – объективная необходимость экономической эффективности их использования и охраны окружающей среды // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 156–163. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-156-163>

In the process of storing petroleum products – an objective necessity of economic efficiency of their using and environmental protection

Sergeiy A. Fraimovich

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia
sfraymovich-21@edu.ranepa.ru

Abstract. *In the article theoretical and practical aspects of implementation of new technologies in the field of the energy complex on the example of assessing the effect of reducing fuel vapor emissions on the basis of two specialized oil terminal in the Russian Far East are presented. Nowadays insufficient attention is paid to the problem of resource saving, recycling and use of petroleum products. Meanwhile, according to the scientific publications, the ratio of growth in production and consumption of petroleum products is predicted. In this connection, a significant expansion of the oil storage will be required and, as a result, solving the problems of increasing the economic efficiency and environmental safety of storing oil products in various ways, including the method of recovering. There are a diffusion of petroleum and atmosphere, so as a result we have petroleum losses and the negative impact on the environment. The Khabarovsk territory is a main region of the Russian Far East, where the industrial production of petroleum products is carried out. The main facilities for storage and transshipment of fuel are also located here. So, for our region, the issue of reducing the loss of oil products during transshipment and storage is particularly acute. The problem of reducing the loss of petroleum products during transshipment and storage for our region is particularly acute. The results of the research of modern methods to reduce the loss of petroleum products on the example of the introduction of fuel vapor recovery units in the production process of oil terminal can be applied in development and implementation of plans for the construction of new oil depots and modernization of existing not only in the Khabarovsk city but throughout the Russian Federation.*

Keywords: *resource saving, recovery, environmental protection, oil products, environmental management*

For citation: Fraimovich S. A. In the process of storing petroleum products – an objective necessity of economic efficiency of their using and environmental protection // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 156–163. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-156-163>

Введение

Количественный рост человеческой популяции с возрастающими потребностями её качественного развития, с одной стороны, и возрастающая нагрузка на удовлетворение её потребностей за счёт природных ресурсов, с другой, вызывает необходимость тщательного изучения их рационального использования с экономической и экологической точек зрения. Возрастающие потребности общества в ресурсах требуют повышения их качественных характеристик. При этом требуется постоянно стимулировать рост эффективности производства на основе рационализации процессов, снижения издержек, затрат на охрану окружающей среды.

Важнейшим направлением деятельности при этом является ресурсосбережение. Законодательство Российской Фе-

дерации, уделяя этому одно из ведущих значений, определяет его как: «... деятельность, направленную на устойчивое развитие, рациональное природопользование при сокращении негативного воздействия на окружающую среду»¹.

В настоящее время, учитывая всё возрастающую роль значения ресурсосбережения, проводится значительное количество научных исследований в этой области.

Среди них работы таких учёных, как Кун, Хелпмен, Трайтенберг, предлагающих комплекс инновационных решений в этой сфере [Гановичева, 2009. С. 298–299]. В зависимости от преобладающих типов инноваций ими предложены разнообразные ресурсные модели, анализ которых проведён отечественными исследователями [Потапова, Астафьева, 2015. С. 81].

¹ Федеральный закон от 23.11.2009 №261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/

Э. С. Цховребов считает, что истощение природного сырья становится объективной необходимостью использования вторичных ресурсов, альтернативных источников энергии, организации эффективной системы ресурсосбережения на всех уровнях управления и регулирования хозяйственной деятельности, различных этапах производства и потребления продукции [Цховребов, 2020. С. 112–158].

Ф. М. Черномуров, В. П. Ануфриев, Л. М. Теслюк особо отмечают необходимость максимального сопряжения ресурсосберегающего подхода при управлении предприятием с его целевыми показателями экономического развития, особенно в энерго- и ресурсосбережении в нефтегазохимическом комплексе [Черномуров, Ануфриев, Теслюк, 2014. С. 115].

Между тем в экономике страны прогнозируется дальнейший рост потребления и производства нефтепродуктов. Так, например, к 2036 г. прирост производства нефтепродуктов в России увеличится с 276 млн т в 2022 г. до 291,8 млн т в 2036 г.²

На Дальнем Востоке производство нефтепродуктов составляет около 13,5 млн т³. Однако существуют проекты строительства Восточной нефтехимической компании ПАО «Роснефть» мощностью 12 млн т в г. Находка и модернизации Хабаровского нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) и увеличение нефтепереработки с 5 до 10–15 млн т/год, что позволит увеличить мощности в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО) более чем в 2,5 раза (по расчетам автора).

В связи с этим потребуются значительное расширение парка нефтехранилищ и, как следствие, решение задач повышения экономической эффективности и экологической безопасности хранения нефтепродуктов различными способами, в том числе и методом рекуперации паров, образующихся в процессе их хране-

ния и перевалки.

Как следует из расчётов Ф. Ф. Абузой, И. С. Бронштейна, В. Ф. Новоселова, потери нефтепродуктов в основном приходятся на резервуары (от 60 до 80%), в резервуарных парках потери происходят от испарения (до 75% всех потерь), утечек, смешения и аварий [Абузова, Бронштейн, Новоселов, 1981. С. 9]. Особенно актуальна проблема выбросов паров углеводородов вблизи крупных нефтеперерабатывающих заводов, нефтебаз, складов горюче-смазочных материалов, автозаправочных комплексов. Одним из возможных решений данной проблемы будет являться внедрение новых технологий не только в производственный процесс, но и в хранение нефтепродуктов.

В настоящее время отечественная нефтегазовая отрасль имеет экологические программы и инициативы, ориентированные на снижение антропогенного воздействия и устойчивое развитие [Белова, 2023. С. 373]. Основные направления экологических программ ряда крупнейших нефтегазовых компаний России:

Газпром: придает большое значение экологической ответственности, осуществляет комплекс мер по сокращению выбросов парниковых газов, увеличению энергоэффективности;

Роснефть: внедряет современные технологии очистки и обезвреживания нефтепродуктов, снижает воздействие на окружающую среду и водные ресурсы, проводит систематический мониторинг экологических показателей;

Новатэк: активно внедряет системы очистки выбросов, проводит исследования в области охраны окружающей среды [Константиныди, Яковлева, Бобылев, Соловьева, 2023. С. 117];

Лукойл: осуществляет мероприятия по снижению выбросов при транспортировке, внедряет передовые технологии переработки и очистки нефти.

Центром дальневосточной нефтеперерабатывающей отрасли является Ха-

² Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/a5f3add5deab665b344b47a8786dc902/prognoz2036.pdf> (Дата обращения: 02.09.2023).

³ Реестр проектируемых, строящихся и введенных в эксплуатацию нефтеперерабатывающих заводов в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/opendata/7705847529-reestrmprz> (Дата обращения: 02.09.2023).

баровский край, где сосредоточена значительная часть нефтехранилищ ДФО и основные нефтеперерабатывающие мощности региона (Комсомольский и Хабаровский НПЗ), составляющие более 98%–99% перерабатываемой нефти (по расчетам автора). Данные заводы расположены в крупнейших городах края: Комсомольск-на-Амуре и Хабаровске, что обуславливает повышенное внимание к актуальности процессов ресурсосбережения и охраны окружающей среды при их функционировании. Заметим, что в области нефтепереработки есть небольшие производства, например в Сахалинской области и Якутии. Это нефтеперерабатывающий завод компании «Петросах» на о. Сахалин с объёмом переработки до 140 тыс. т в год и различные мини-НПЗ в Якутии общей мощностью 10 тыс. т в год.

Основное внимание в исследовании автора уделено оценке влияния объектов нефтегазовой отрасли на атмосферу. В процессе наполнения, хранения, опорожнения резервуара происходит контакт топлива с атмосферой, другими словами, во внутреннем надтопливном пространстве резервуара находится паровоздушная смесь. Сами же потери топлива связаны с «большими и малыми дыханиями» резервуаров, где «большие дыхания» резервуара – это процесс сообщения его внутреннего паровоздушного пространства с атмосферой при наполнении или опорожнении, а «малые» – процесс сообщения надтопливного пространства резервуара с атмосферой в процессе изменения температуры окружающей среды.

Следует отметить, что особое значение имеет изучение влияния на окружающую среду объектов нефтеперерабатывающей промышленности, расположенных в селитебной части населённых пунктов, например города Хабаровска, в котором нефтеперерабатывающий завод расположен в городской черте, что лишь актуализирует вопросы ресурсосбережения

и охраны окружающей среды [Шевцов, Мишкин, 2022. С. 104–111.].

Согласно действующим нормам естественной убыли нефтепродуктов, в Российской Федерации от испарения при перевалке допустима потеря не выше 5% поставляемых бензинов и несколько меньший объём других нефтепродуктов (до 0,05%)⁴. Аналогичные нормативы действуют и на территории США⁵. Однако считаем, что при сохранении общемировой тенденции на ресурсосбережение нормативы потерь будут пересматриваться в сторону уменьшения. Автором лабораторным путем было установлено, что потери топлива в процессе хранения в течение полугода интенсивной перевалки составляют от 0,13% до 0,28% в зависимости от нефтепродукта (исследования проводились с дизельным топливом и авиационным керосином соответственно). На данный момент фактический объём потерь возможно установить лишь расчётным путем ввиду существующей погрешности измерений посредством косвенного метода статических измерений как наиболее часто используемым. Погрешность составляет 0,5%⁶.

Для сохранности нефтепродуктов и сокращения потерь от их испарения обычно применяются следующие мероприятия: от оснащения резервуаров с бензинами, имеющими большую оборачиваемость, понтонами (на 80% – 90% сокращение потерь) до окраски наружной поверхности резервуаров покрытиями с низким коэффициентом излучения (27% – 45%) – по расчётам автора. На практике чаще всего реализуется только внешняя окраска резервуаров светоотражающей краской, которая не поглощает солнечные лучи. Одновременная окраска внутренней и внешней поверхности повышает количество сохраняемого топлива. При оборудовании резервуаров плавучими понтонами или дисками-отражателями

⁴ Приказ Госкомэкологии РФ от 8 апреля 1998 г. № 199 «Об утверждении методик расчета выбросов загрязняющих веществ в атмосферу». URL : <https://base.garant.ru/2163005/>

⁵ Реестр проектируемых, строящихся и введенных в эксплуатацию нефтеперерабатывающих заводов в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/opendata/7705847529-reestrnpz> (Дата обращения: 02.09.2023).

⁶ Natural Gas STAR Program // U.S. Environmental Protection Agency, 2019. URL: https://www.epa.gov/sites/default/files/2016-08/documents/methanechallenge_one_future_supp_tech_info.pdf (дата обращения: 02.09.2023)

значительно уменьшается контакт топлива с атмосферным воздухом, однако данные подходы к ресурсосбережению значительно трудо- и финансово затратны при действующем резервуарном парке, так как при модернизации действующего парка придется частично разбирать сам резервуар, а далее – вносить изменения в проектную документацию, наряду с этим такие конструкции сложно и дорого обслуживать. Вызывает интерес и способ углубления резервуаров в грунт на 2,5–3 метра. Однако при расположении предприятий в водоохранной зоне реализация данного подхода невозможна в связи с требованиями промышленной безопасности.⁷

В статье В. Ф. Данилова, В. Ю. Шурыгина рассматривается еще один метод сокращения потерь нефтепродуктов – охлаждение резервуара водой [Данилов, Шурыгин, 2016. С. 142]. По расчётам эффективность данного метода достигает 60%, однако при этом требуется большой расход воды. С одной стороны, если предприятие расположено вдоль береговой зоны, данное требование легко выполнимо, но с другой – накладывает серьезные требования по организации работы для предотвращения проливов топлива и дальнейшего попадания в водоемы.

Оправданность применения инноваций в хранении нефтепродуктов

В связи со всеми вышеперечисленными способами сокращения потерь следует рассмотреть наиболее современный метод повышения энергетической эффективности хранения и перевалки нефтепродуктов на производстве. Основой этого метода является практическая реализация рекуперации паров нефтепродуктов. Рекуперация – это процесс улавливания и возвращения в рабочий

цикла сырьевых материалов и продуктов. Газообмен резервуара с атмосферой при данном технологическом решении сводится к минимуму. На данный момент почти все теоретические и практические исследования основаны на улавливании паров бензина в связи с тем, что потери при хранении и перевалки бензинов до 200 раз выше, чем при работе с дизельным топливом или керосином⁴. Авторской новизной в данном случае является рассмотрение возможности внедрения рекуперации паров дизельного топлива как перспективного направления повышения эффективности производства. [Панарин, Фраймович, 2019. С. 1].

Существуют два типа установок рекуперации паров углеводородов: стационарный и бортовой. Создание стационарных систем рекуперации является более приоритетной и экономически эффективной задачей, однако данные мероприятия внедрения финансово затратны для существующих и проектируемых предприятий. Существенная эффективность системы рекуперации топлива имеется на автозаправочных станциях. Исследования в этом направлении ведутся не только в Российской Федерации, но и в Бразилии, Японии, странах Евросоюза, однако наибольших успехов достигли специалисты из США, где широко распространена практическая реализация данных установок: исследования доказывают высокую эффективность установок – до 95%⁸. Существуют различные виды установок рекуперации паров нефтепродуктов, основанные на различных принципах при следующих процентах улавливания:

компрессионный – до 76%⁹ ;

вертикальный абсорбционный – до 95%¹⁰;

⁷ Приказ Ростехнадзора от 15.12.2020 № 529 «Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила промышленной безопасности складов нефти и нефтепродуктов». URL: https://www.gosnadzor.ru/industrial/oil/acts/oil_objects/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%B0%20%D0%BE%D1%82%2015.12.2020%20%E2%84%96%20529.pdf

⁸ Optimizing Vapor Recovery from Storage Tanks– URL: <https://www.chemengonline.com/optimizing-vapor-recovery-from-storage-tanks/?printmode=1> (дата обращения: 28.05.2023)

⁹ Пат. RU 94 549 U1 Российская Федерация, МПК В 65 D 90/28. Система для улавливания и рекуперации паров горючего из резервуаров / Кващенко С. А.

¹⁰ Пат. RU 2 657 445 C1 Российская Федерация, МПК В 01 D 53/14. Блочная-комплектная абсорбционная установка улавливания легких фракций углеводородов / Икрамов Р. Д.

горизонтально абсорбционный – до 93%¹¹;

абсорбционный – до 85%¹²;

мембранный – до 91%¹³;

конденсационный – до 85%¹⁴.

Установки различных производителей имеют свои преимущества и недостатки. Однако существуют и смешанные методы. Так, в настоящее время наиболее эффективным является комбинированный метод, основанный на конденсационном, абсорбционном и компрессионных методах.¹⁵

Наиболее эффективным примером реализации можно считать установку под названием «Комплекс конденсации и рассеивания паров нефти и нефтепродуктов» А. В. Трофимова¹⁶. Технология работы установки заключается в охлаждении выбросов паровоздушной смеси до температуры -20°C и последующей сепарации смеси паров и конденсата. К сожалению, примеры практической реализации указанных установок на нефтебазах, специализирующихся по перевалке дизельного топлива и авиакеросина, отсутствуют. Между тем, по мнению автора, сложной адаптации этих установок для конденсации именно дизельного топлива и керосина не требуется. При этом полученный рекуперат будет возвращаться в товароборот, кроме того при допуске резервуара к расходованию будет производиться контроль качества лабораторией предприятия.

Актуальность и эффективность применения рекуперации нефтепродуктов на территории города Хабаровска

Как отмечалось выше, для Хабаровского края проблема выбросов паров углеводородов стоит особенно остро в связи с нахождением нефтеперераба-

тывающих мощностей и крупнейших нефтехранилищ Дальнего Востока России в двух крупнейших городах края – Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. Экономическая эффективность внедрения установок рекуперации нефтепродуктов прямо зависит от нескольких величин. Это вид и сорт нефтепродукта, место его хранения, оборачиваемость. Практическую реализацию авторского проекта по повышению энергетической эффективности производства путем сокращения выбросов паров нефтепродуктов предлагается провести на примере ООО «Амурская нефтебаза» (далее Нефтебаза), расположенном в г. Хабаровск, рассмотрев возможность использования альтернативных источников энергии путем улавливания паров нефтепродуктов, образующихся при хранении и перевалке зимнего дизельного топлива на базе площадки, включающей в себя 5 резервуаров объемом 3000 м³. Автором были рассчитаны общие валовые выбросы паров нефтепродуктов для данной группы резервуаров, для примера взят процесс хранения и перевалки зимнего дизельного топлива в течение календарного года (табл. 1).

Общие валовые выбросы в год составляют примерно 11 т. Данные по выбросам получены расчетным путем. Для таких нефтепродуктов, как арктическое дизельное топливо, керосин авиационный, бензин, потери при хранении и перевалке будут значительно выше. Средняя цена за 2022 г. на выбранное топливо составляет 70 000 руб. за тонну зимнего дизельного топлива пятого класса. Соответственно в год предприятие теряет около 0,7 млн рублей.

В качестве обоснования необходимости вторичного использования нефтепро-

¹¹ Пат. 2309787 С2 Российская Федерация, МПК В 01 D 53/14, В 01 D 53/18. Установка для улавливания паров углеводородов из паровоздушных смесей, образующихся при хранении и перевалке нефтепродуктов / Бердников В. И.

¹² Пат. BR102013010461A2 Федеративная республика Бразилия, МПК В 01 D 53/02, В 01 D 53/96. Система рекуперации паров / Мелдер Д.

¹³ Пат. US8376000B2 США, МПК В 01 D 53/30. Установка контроля выбросов паров углеводородов / Грей Д.

¹⁴ Пат. RU39928U1 Российская Федерация, МПК F 16 L 55 / 24. Установка улавливания и утилизации паров углеводородов из резервуаров нефтепродуктов / Александров А. А.

¹⁵ Установки рекуперации ООО «Газнецтехника». URL: <http://www.gazst.ru/ustanovka-recuperatsii.html> (дата обращения: 02.09.2023).

¹⁶ Пат. RU101376U1 Российская Федерация, МПК В 01 D 53/00. Комплекс конденсации и рассеивания паров нефти и нефтепродуктов / Трофимов А. В.

Таблица 1

**Расчет годовых выбросов паров нефтепродуктов
для площадки резервуаров**

Объём резервуара, м ³	Количество переваленного топлива через резервуар, т	Коэффициент, полученный автором расчетным путем	Количество полученного рекуперата, т	Количество резервуаров, шт.	Итого общее количество
3000	10000	0,02%	2,2	5	11 т.

Источник: расчеты автора.

дуктов при их хранении и перевалке автором выполнены расчёты на примере возможного использования установки ККР 100 производства ООО «Газспецтехника» мощностью по утилизации до 150 м³ насыщенных паров углеводородов в час.

В расчетах эффективности проекта ставка дисконта принята как сумма ключевой ставки Банка России (7,5% на 2023 г.) и процента за риск проекта (2,5%). Цена данной установки составляет 14,7 млн рублей с установкой «под ключ».

Расчеты производственных затрат на эксплуатацию установки в год будут составлять от 40 до 60 тыс. руб. в зависимости от времени работы (количества улавливаемых выбросов).

Согласно представленным исходным данным и произведенным расчетам, чистая прибыль от реализации уже в первый год составит 727 тыс. руб., а на 10-й

год реализации – более 6 млн руб.

Чистая текущая стоимость проекта для предприятия составит 12,19 млн руб. в расчёте на 10-летний эксплуатационный период, инвестиции в проект окупятся на 8 год работы предприятия.

Выводы

Исходя из проведенных исследований отметим экономическую эффективность внедрения данной установки в процесс производства на любых предприятиях по хранению и перевалке нефтепродуктов. Срок окупаемости при схожих с заданными условиями будет составлять до 10 лет в зависимости нефтепродукта и от объёмов его перевалки. С точки зрения охраны окружающей среды внедрение установок рекуперации паров нефтепродуктов позволяет сократить выбросы в атмосферу на 98%, что позволяет утверждать о перспективности использования в народном хозяйстве.

Список источников:

1. Абузова Ф. Ф. Бронштейн И. С., Новоселов В. Ф. Борьба с потерями нефти и нефтепродуктов при их транспортировке и хранении. М.: Недра, 1981. 260 с.
2. Белова Н. В. Мониторинг нефтегазовых компаний России в контуре обеспечения экологической безопасности их хозяйственной деятельности // Инновации и инвестиции. 2023. № 7. С. 373–376.
3. Гановичева Л. Н. Ресурсосбережение и инновации как основа экономической модели развития регионов // Проблемы современной экономики. 2009. № 3 (31). С. 298–299.
4. Данилов В. Ф., Шурыгин В. Ю. К вопросу о решении проблемы потерь нефтепродуктов от испарения // Успехи современного естествознания. 2016. № 6. С. 141–145.
5. Константиныди Х. А., Яковлева Е. Ю., Бобылев С. Н., Соловьева С. В. Оценка устойчивости развития и перспектив ESG трансформации субъектов Российской Федерации // Экономика устойчивого развития. 2023. № 1.(53). С. 176–180.
6. Панарин И. И., Фраймович С. А. Особенности сокращения потерь топлива воинского подразделения. Фундаментальные и прикладные исследования: опыт, проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 2020. С. 66–76.
7. Потапова И. Ю., Астафьева О. Е. Российское и зарубежное государственное регулирование и стимулирование ресурсосбережения // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Т. 7. № 5 (30). С. 81.

8. Цховребов Э. С. Ресурсосбережение: основные этапы становления, теории и методы, тенденции и перспективы развития в промышленности и строительной индустрии России // Вестник МГСУ. 2020. Т. 15. Вып. 1. С. 112–158.
9. Черномуров Ф. М., Ануфриев В. П., Теслюк Л. М. Энерго- и ресурсосбережение в нефтегазохимическом комплексе. Екатеринбург: УФУ им. Б.Н. Ельцина. 2014. 253 с.
10. Шевцов М. Н., Мишкин Д. В. Экологическая оценка водных ресурсов города Хабаровск // Вестник Инженерной школы Дальневосточного федерального университета. 2022. № 1(50). С. 104–111. <https://doi.org/10.24866/2227-6858/2022-1/104-111>

References:

1. Abuzova F. F., Bronshtein I. S., Novoselov V. F. (1981) Combating losses of oil and oil products during their transportation and storage. M.: Nedra, 260 p. (In Russ.).
2. Belova N. V. (2023) Monitoring of Russian oil and gas companies in the context of ensuring the environmental safety of their economic activities *Innovatsii i investitsii* Innovations and investments. No. 7: 373–376. (In Russ.).
3. Ganovicheva L. N. (2009) Resource conservation and innovation as the basis of the economic model of regional development *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economics]. No. 3 (31): 298–299. (In Russ.).
4. Danilov V. F., Shurygin V. Yu. (2016) On the issue of solving the problem of losses of petroleum products from evaporation *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya* [Advances in modern natural science]. No. 6: 141–145. (In Russ.).
5. Konstantinidi Kh. A., Yakovleva E. Yu., Bobylev S. N., Solovyova S. V. (2023) Assessing the sustainability of development and the prospects for ESG transformation of the constituent entities of the Russian Federation *Ekonomika ustoychivogo razvitiya* [Economics of Sustainable Development]. No. 1 (53): 176–180. (In Russ.).
6. Panarin I. I., Fraimovich S. A. (2020) Features of reducing fuel losses of a military unit. Fundamental and applied research: experience, problems and prospects: collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Pp. 66–76. (In Russ.).
7. Potapova I. Yu., Astafieva O. E. (2015) Russian and foreign government regulation and stimulation of resource conservation *Internet-zhurnal «Naukovedeniye»* [Internet journal “Science”]. Vol. 7. No. 5 (30): 81. (In Russ.).
8. Tskhovrebov E. S. (2020) Resource conservation: the main stages of formation, theories and methods, trends and prospects for development in the industry and construction industry of Russia *Vestnik MGSU* [Bulletin of MGSU]. Vol. 15. Issue 1: 112–158. (In Russ.).
9. Chernomurov F. M., Anufriev V. P., Teslyuk L. M. Energy and resource saving in the petrochemical complex. Ekaterinburg: UFU im. B.N. Yeltsin. 2014. 253 p. (In Russ.).
10. Shevtsov M. N., Mishkin D. V. (2022) Environmental assessment of water resources in the city of Khabarovsk *Vestnik Inzhenernoy shkoly Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Engineering School of the Far Eastern Federal University]. No. 1(50): 104–111. <https://doi.org/10.24866/2227-6858/2022-1/104-111> (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.

Информация об авторе

С. А. Фраймович – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал

Information about the author

S. A. Fraimovich – postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2023 г. № 3 (104)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 12.10.2023 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 20,2

Учетн.-изд. л. – 22,6

Тираж – 500 экз.

Заказ № 14.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
